

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 3, № 1, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитика

СМЕРТНОСТЬ ОТ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ
И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В РОССИИ

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ, ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВ, СЕРГЕЙ ТИМОНИН

РОЖДАЕМОСТЬ В ПОВТОРНЫХ СОЮЗАХ В РОССИИ:
ПОЗВОЛЯЕТ ЛИ ВСТУПЛЕНИЕ В НОВЫЙ СУПРУЖЕСКИЙ СОЮЗ
ДОСТИЧЬ ИДЕАЛА ДВУХДЕТНОЙ СЕМЬИ?

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ, ЕЛЕНА ЧУРИЛОВА, ВИКТОР АГАДЖАНЯН

Теория и методология

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОЙ КОНТИНУУМ:
СУДЬБА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЕГО СВЯЗЬ
С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

АНДРЕЙ ТРЕЙВИШ

Архивы

САЙМОН КУЗНЕЦ О ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ

АЛЕКСАНДР ТКАЧЕНКО

Критические заметки

КТО НАРУШИЛ ЭТНИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ В РОССИИ?

ИГОРЬ ЕФРЕМОВ

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
Т.М. МАКСИМОВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
С.Ю. НИКИТИНА
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)

О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
В.А. ИОНЦЕВ
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАЛЕВА
Б.Н. МИРОНОВ
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

Журнал зарегистрирован 28 июля 2014 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-58868.

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA

M. KLUPT
N. MKRTCHYAN
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
I. ELISEEVA
N. ZUBAREVICH
E. LIBANOVA (Ukraine)
T. MAKSIMOVA
F. MESLÉ (France)
S. NIKITINA
V. STANKUNIENE (Lithuania)
V. SHKOLNIKOV (Germany)

O. GAGAUZ (Moldova)
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
V. IONTSEV
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MALEVA
B. MIRONOV
Z. PAVLIK (Czech Republic)
M. TOLTS (Israel)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

The journal is registered on July 28, 2014 in the federal service for supervision of communications, information technology, and mass media.

Certificate of mass media registration ЭЛ № ФС77-58868.

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

**Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ

Январь 2016, Т3, №1

Аналитика

СМЕРТНОСТЬ ОТ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В РОССИИ	6-34
---	-------------

Анатолий Вишневецкий, Евгений Андреев, Сергей Тимонин

РОЖДАЕМОСТЬ В ПОВТОРНЫХ СОЮЗАХ В РОССИИ: ПОЗВОЛЯЕТ ЛИ ВСТУПЛЕНИЕ В НОВЫЙ СУПРУЖЕСКИЙ СОЮЗ ДОСТИЧЬ ИДЕАЛА ДВУХДЕТНОЙ СЕМЬИ?.....	35-51
--	--------------

Сергей Захаров, Елена Чурилова, Виктор Агаджанян

Теория и методология

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОЙ КОНТИНУУМ: СУДЬБА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЕГО СВЯЗЬ С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ	52-70
--	--------------

Андрей Трейвиш

Архивы

САЙМОН КУЗНЕЦ О ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ	71-93
--	--------------

Александр Ткаченко

Критические заметки

КТО НАРУШИЛ ЭТНИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ В РОССИИ?	94-113
--	---------------

Игорь Ефремов

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ	114-143
---------------------------------------	----------------

Илья Кашницкий

Liefbroer A.C., A.-R. Poortman, J.A. Seltzer. Why do intimate partners live apart? Evidence on LAT relationships across Europe

Vitali A., F.C. Billari. Changing determinants of low fertility and diffusion: a spatial analysis for Italy

Grigoriev P., E.M. Andreev. The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures?

Scherbov S., D. Ediev. Does selection of mortality model make a difference in projecting population ageing?

Tamborini C.R., C. Kim, A. Sakamoto. Education and lifetime earnings in the United States

Marshall E.A. Population projections and demographic knowledge in France and Great Britain in the postwar period

Matsudaira J.D. Economic conditions and the living arrangements of young adults: 1960 to 2011

Janssen F., V. Rousson, F. Paccaud. The role of smoking in changes in the survival curve: an empirical study in 10 European countries

Janssen F., F. van Poppel. The adoption of smoking and its effect on the mortality gender gap in Netherlands: A historical perspective

Van Raalte A.A., M. Myrskylä, P. Martikainen. The role of smoking on mortality compression: an analysis of Finnish occupational social classes, 1971-2010

Kelly L.A., S.H. Preston. The contribution of a history of heavy smoking to Scotland's mortality disadvantage

CONTENTS
January 2016, 3(1)

Analytics

- MORTALITY FROM CARDIOVASCULAR DISEASES AND LIFE EXPECTANCY IN RUSSIA** **6-34**
Anatoly Vishnevsky, Evgeny Andreev, Sergey Timonin

- FERTILITY IN HIGHER-ORDER MARITAL UNIONS IN RUSSIA: DOES A NEW PARTNERSHIP ALLOW FOR THE REALIZATION OF THE TWO-CHILD IDEAL?** **35-51**
Sergei Zakharov, Elena Churilova, Victor Agadjanian

Theory and methodology

- THE RURAL-URBAN CONTINUUM: THE DESTINY OF THE NOTION AND ITS LINK TO THE SPATIAL MOBILITY OF POPULATION** **52-70**
Andrei Treivish

Archive

- SIMON KUZNETS ON DEMOGRAPHIC ISSUES** **71-93**
Alexander Tkachenko

Critical notes

- WHO HAS UPSET THE ETHNIC BALANCE IN RUSSIA?** **94-113**
Igor Efremov

New in foreign journals

- DEMOGRAPHIC DIGEST** **114-143**
Ilya Kashnitsky

Liefbroer A.C., A.-R. Poortman, J.A. Seltzer. Why do intimate partners live apart? Evidence on LAT relationships across Europe

Vitali A., F.C. Billari. Changing determinants of low fertility and diffusion: a spatial analysis for Italy

Grigoriev P., E.M. Andreev. The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures?

Scherbov S., D. Ediev. Does selection of mortality model make a difference in projecting population ageing?

Tamborini C.R., C. Kim, A. Sakamoto. Education and lifetime earnings in the United States

Marshall E.A. Population projections and demographic knowledge in France and Great Britain in the postwar period

Matsudaira J.D. Economic conditions and the living arrangements of young adults: 1960 to 2011

Janssen F., V. Rousson, F. Paccaud. The role of smoking in changes in the survival curve: an empirical study in 10 European countries

Janssen F., F. van Poppel. The adoption of smoking and its effect on the mortality gender gap in Netherlands: A historical perspective

Van Raalte A.A., M. Myrskylä, P. Martikainen. The role of smoking on mortality compression: an analysis of Finnish occupational social classes, 1971-2010

Kelly L.A., S.H. Preston. The contribution of a history of heavy smoking to Scotland's mortality disadvantage

СМЕРТНОСТЬ ОТ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В РОССИИ *

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ^{1, **}, ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВ², СЕРГЕЙ ТИМОНИН¹

Высокая преждевременная смертность от болезней системы кровообращения и ее долговременная неблагоприятная динамика – одна из главных причин отставания России от развитых стран по продолжительности жизни, особенно женской части ее населения. Несмотря на снижение смертности после 2003 г., коэффициенты смертности от БСК в ряде ключевых возрастных групп (30-74 года у мужчин и 30-49 лет у женщин) остаются выше, чем они были в 1970 г.

Анализ долговременных изменений продолжительности жизни в России свидетельствует об отрицательном итоговом вкладе изменений в смертности от БСК у мужчин (-1,0 года за 1972-2010 гг.) и незначительном положительном – у женщин (+0,7 года за 1972-2010 гг.).

Структура смертности внутри класса сердечно-сосудистых заболеваний в России значительно отличается от структуры, характерной для стран с наиболее низким уровнем смертности от БСК. Больше половины смертей приходится на ишемическую болезнь сердца, и эта доля в отличие от западных стран имеет тенденцию к росту. На втором месте – смерти от цереброваскулярных заболеваний, доля которых хоть и снижается, но остается значительно выше, нежели в странах Запада. На долю смертей от всех остальных сердечно-сосудистых заболеваний в западных странах приходится около 50% смертей, в то время как в России – около 15%, но в России они характеризуются весьма низким возрастом смерти.

Рассматриваются региональные особенности смертности от болезней системы кровообращения в России и обсуждаются вопросы качества статистики причин смерти и изменения практики кодирования причин смерти в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: смертность, продолжительность жизни, болезни системы кровообращения, ишемическая болезнь сердца, цереброваскулярные болезни, возрастная модель смертности, средний возраст смерти, избыточные смерти.

Демографическое развитие Российской Федерации определяется взаимодействием трех главных демографических процессов: рождаемости, смертности и миграции. Каждый из этих процессов в современной России протекает в режиме, далеком от оптимального, порождает множество проблем, вызывающих беспокойство общества и рассматриваемых как вызовы, на которые необходимо найти ответы.

Один из таких вызовов, возможно наиболее острый, связан с очень высоким уровнем смертности и, соответственно, низкой продолжительностью жизни россиян.

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия); ² Российская экономическая школа (Россия).

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Тенденции демографического развития России в 2005-2015 гг. в контексте долговременных демографических трендов», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году. Участие Тимонин С.А. поддержано РФФИ (научный проект № 16-36-00374).

** E-mail: avishnevsky@hse.ru

ОТСТАВАНИЕ РОССИИ ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

К середине 1960-х годов в большинстве развитых индустриальных стран удалось установить контроль над главным источником высокой смертности в прошлом – инфекционными заболеваниями. Благодаря этому ожидаемая продолжительность жизни между началом XX века и 1960 г. выросла на 20 и более лет, причем Россия, имевшая очень низкий исходный уровень, принадлежала к числу стран, достигших на этом этапе наибольшего выигрыша: продолжительность жизни мужчин в России выросла на 34 года, женщин – на 40 лет, она значительно сократила свое отставание от многих европейских стран и даже обогнала некоторые из них (рисунок 1).

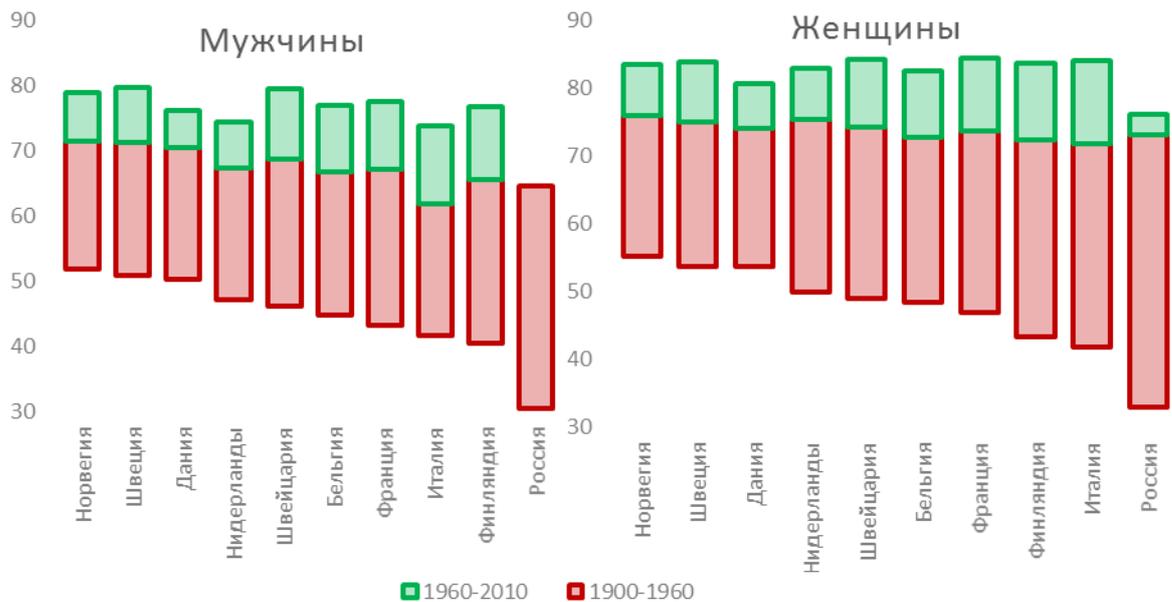

Рисунок 1. Ожидаемая продолжительность жизни в 1900 г. и ее прирост в некоторых странах на этапах первой и второй эпидемиологических революций, лет (нижний край столбиков соответствует 1900 году)

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБПуС 2015; HLD 2015; HMD 2015].

Это была настоящая революция, в результате которой ожидаемая продолжительность жизни во многих развитых странах увеличилась в среднем до 70 лет, ее дальнейший рост существенно замедлился, а главными причинами смерти стали «дегенеративные заболевания и болезни, связанные с деятельностью человека» [Omran 1971: 510]. Оценивая сложившуюся ситуацию, эксперты пришли к выводу, что возможности прежней стратегии борьбы за повышение продолжительности жизни, ориентированной прежде всего на профилактику и лечение инфекционных заболеваний, исчерпываются, и эта стратегия нуждается в переосмыслении. Как писал американский гигиенист Милтон Террис, необходимо было совершить «вторую эпидемиологическую революцию» [Terris 1976: 1159].

Мир действительно вступил в новую эру - эпоху борьбы с неинфекционными причинами смерти (хроническими заболеваниями, а также несчастными случаями и травмами). Примерно с конца 1960-х - начала 1970-х годов в большинстве развитых стран шел процесс активной трансформации эпидемиологической модели смертности,

сложившейся к этому времени в результате достигнутых на предыдущем этапе успехов в борьбе с инфекционными заболеваниями. И именно рубеж 1960-х-1970-х годов стал точкой, когда пути снижения смертности в индустриальных странах начали расходиться, - переход к новой модели смертности шел не везде.

Он был успешным в странах Западной Европы, Северной Америки, Японии и некоторых других странах, где сохранялась устойчивая тенденция к увеличению продолжительности жизни (прибавка составляла примерно 2,5 года в десятилетие). В странах же Центральной и Восточной Европы никаких улучшений не происходило. В СССР это неблагоприятное долго замалчивалось, и только в конце 1980-х годов появилась возможность сказать во всеуслышание, что в стране, «начиная, примерно, с середины шестидесятых годов, наступил длительный период «топания на месте». Сохранялась, а в некоторых случаях и росла, и без того относительно высокая смертность, особенно мужчин в рабочих возрастах, увеличивалось отставание СССР по показателям смертности и средней продолжительности предстоящей жизни от большинства экономически развитых стран мира» [Вишневский 1986: 71-72].

Все это относилось и к России. Насколько выигрышными для нее были изменения на этапе первой эпидемиологической революции, настолько же проигрышными оказались они на более позднем этапе, когда в мире развернулась вторая эпидемиологическая революция. За 50 лет (между 1960 и 2010 гг.) продолжительность жизни женщин выросла незначительно – намного меньше, чем в большинстве развитых стран, а у мужчин она даже несколько сократилась. Отставание России снова увеличилось (рисунок 1).

Негативные тенденции в Центральной Европе были сломлены в конце 1980-х годов, в Прибалтике – в середине 1990-х. В России изменения, происходившие с конца 1980-х годов, когда были достигнуты самые высокие показатели продолжительности жизни, имели колебательный характер. Вначале показатели резко упали, достигнув дна в 1994 г., после чего последовало их восстановление. Падение заняло 4-6 лет, а на восстановление уровня конца 1980-х годов, временно прервавшееся в 1998 г., потребовалось в целом 15 лет у женщин и 19 лет у мужчин. При этом отставание от большинства развитых стран существенно выросло. Если взять для сравнения 15 западноевропейских стран¹, входивших в Европейский союз до его расширения в 2004 г. (ЕС-15), то в 1988 г. продолжительность жизни мужчин в России была ниже, чем в этих странах, на 8 лет, женщин – на 5 лет. Через 25 лет, в 2013 г., после ряда колебаний этот разрыв составлял 13,9 года у мужчин и 7,9 года у женщин. Если же сравнивать с отдельными, наиболее успешными странами (Франция, Италия, Испания, Япония), то разрыв будет еще большим. Нарастающее отставание России от обогнавших ее по продолжительности жизни стран, в том числе и из бывшего «социалистического лагеря», хорошо видно на рисунке 2.

Наблюдаемое отставание в решающей степени предопределяют две особенности современной российской модели смертности: очень высокая смертность от болезней системы кровообращения в средних возрастах и очень высокая смертность от внешних

¹ Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Италия, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция.

причин в молодых и средних возрастах [Вишневский, Школьников 1997: 24]. В настоящей статье более подробно рассматривается одна из этих двух особенностей – высокая смертность россиян от болезней системы кровообращения.

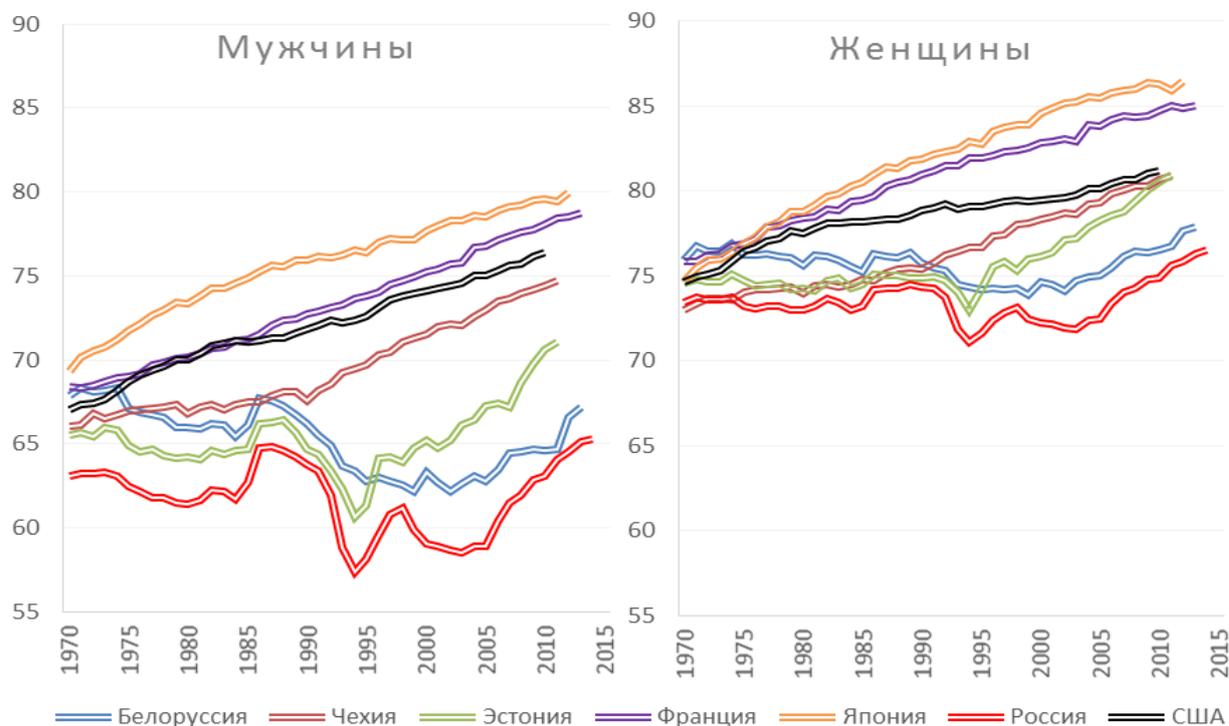

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России и некоторых странах мира, лет

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРУС 2015; НМД 2015].

НЕБЛАГОПРИЯТНАЯ ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ ОТ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ В РОССИИ

В исторической ретроспективе высокая смертность от болезней системы кровообращения – не беда, а благо. Во второй половине XIX - первой половине XX века стремительный рост смертности от причин преимущественно эндогенной этиологии, прежде всего болезней системы кровообращения и новообразований, был в высшей степени прогрессивным процессом, потому что рост вероятности умереть от этих причин одновременно означал снижение вероятности умереть от экзогенных причин, в первую очередь, от инфекционных заболеваний, что было тождественно вытеснению смертей в детских и молодых возрастах смертями людей в пожилом и преклонном возрасте и быстрому росту ожидаемой продолжительности жизни.

В результате произошедших изменений смертность от болезней системы кровообращения стала важнейшей, доминирующей частью общей смертности во всех развитых странах, а для России это было даже более характерно, чем для западных стран. На протяжении последних десятилетий минувшего века вероятность умереть от причин этого класса несколько менялась, но ее определяющая роль сохранялась: около половины

мужчин и 65-70% женщин умирали от этой причины, что уже тогда заметно отличало российскую модель смертности от западной, где вероятность умереть от болезней системы кровообращения была заметно ниже [Вишневский, Школьников 1997: 27].

Увеличение вклада болезней системы кровообращения в общую смертность (для своего времени явление позитивное) сочеталось с повышением среднего возраста смерти от этой причины, в том числе и в СССР, где «на протяжении длительного периода смертность от болезней системы кровообращения... снижалась в более молодых возрастных группах – рост ее наблюдался только в возрастах старше 50 лет, да и то он мог быть связан здесь с улучшением диагностики» [Воспроизводство населения 1983: 111]. Однако уже во второй половине 1960-х годов «обнаружилась новая тенденция – к повышению смертности в средних возрастах, в которых она прежде снижалась» [Воспроизводство населения 1983: 112]. В результате «средний возраст умерших от сердечно-сосудистых заболеваний с 1966-1967 по 1971-1972 гг. снизился у женщин примерно на один год, а у мужчин даже на два» [Бирюков 1979: 66].

На «тревожные тенденции» смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в России указывалось и в более поздних работах. Например, сравнение России с Францией, выполненное в середине 1990-х годов, показало, что в России «смертность от сердечно-сосудистых заболеваний существенно выше, чем во Франции, и, что особенно важно, - увеличивается на протяжении последних 30 лет, тогда как во Франции происходит ее непрерывное сокращение... Это принципиальное различие свидетельствует о том, что Россия, в отличие от западных стран, не встала еще на путь эффективной борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями, что позволило бы ей вступить в новую фазу эпидемиологического перехода» [Милле и др. 1996: 117-118].

Судя по всему, эта новая фаза не наступила в России и до сих пор, хотя, истины ради, надо сказать, что дело не только в сердечно-сосудистых заболеваниях. К началу 1970-х годов в России, как и во всех в развитых странах, инфекционные заболевания утратили свою недавнюю роль главной угрозы здоровью и жизни человека, и на первый план вышли неинфекционные причины заболеваемости, инвалидности и смертности, прежде всего три их главных класса: сердечно-сосудистые заболевания, новообразования и так называемые внешние причины смерти, вызванные не болезнями, а преднамеренными или случайными внешними воздействиями.

В 1970 г. совокупная доля этих трех групп причин в стандартизованном коэффициенте смертности от всех причин в странах Западной Европы была близка к 70% и в последующие годы даже увеличивалась, а в России уже тогда достигала 80%. Соответственно задачи борьбы со смертностью сводились и все еще сводятся прежде всего к снижению смертности от трех указанных групп причин [Вишневский 2014].

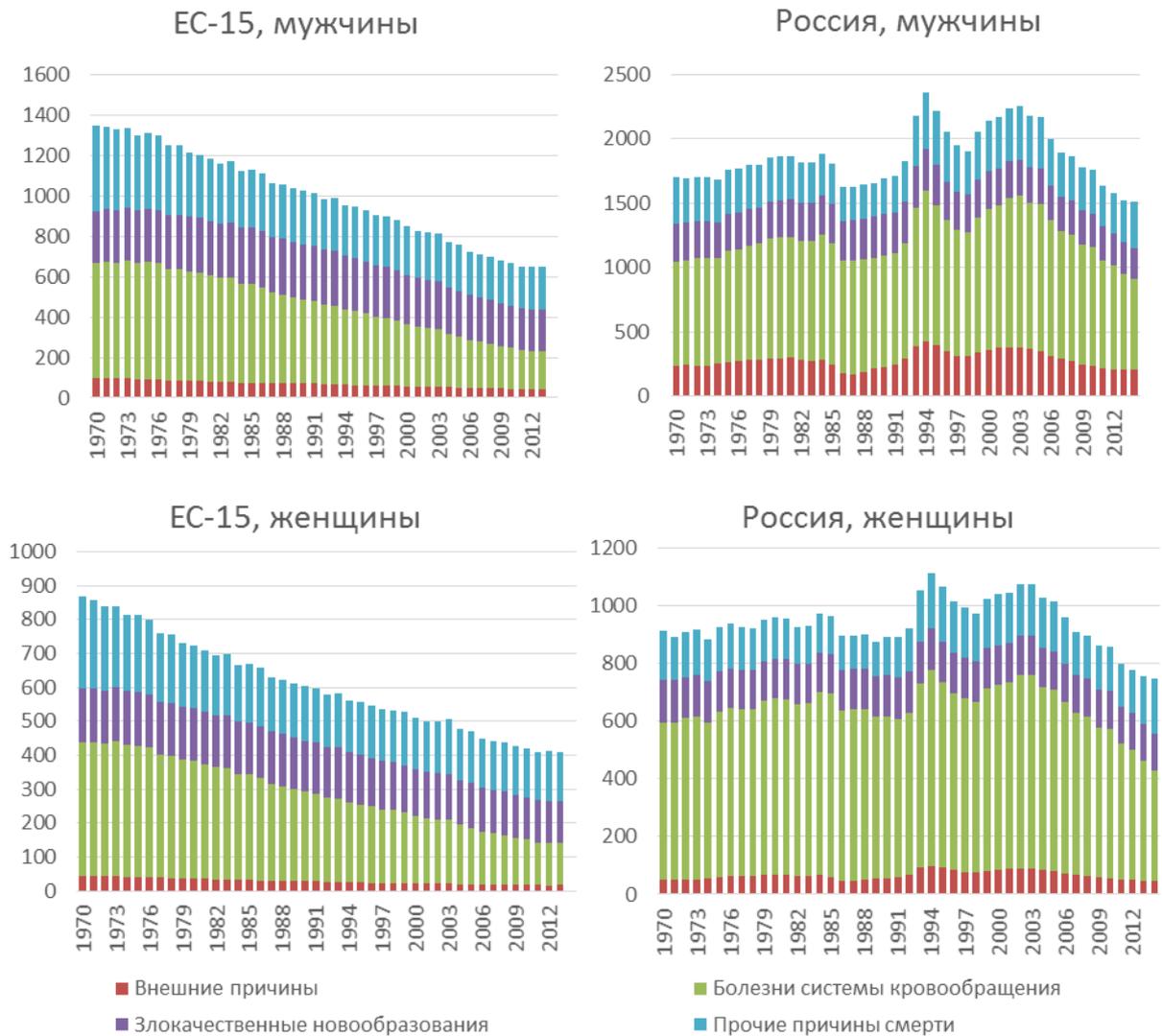

Рисунок 3. Стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований, внешних причин и прочих причин смерти ЕС-15 и России, на 100 000

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРУС 2015; WHO MD 2015]

Если судить по динамике стандартизованного коэффициента смертности после 1970 г., то эти задачи в западноевропейских странах решались весьма успешно (рисунок 3, левая панель). При этом график однозначно свидетельствует, что всю картину изменений на протяжении последних десятилетий определяло снижение стандартизованного коэффициента смертности от болезней системы кровообращения, именно оно привело к общему снижению стандартизованного коэффициента смертности в этих странах. Стандартизованный коэффициент смертности от двух других главных классов неинфекционных причин изменился незначительно (хотя в случае внешних причин его снижение все же заметно). Неслучайно поэтому в современной демографической литературе происходившие в последние полвека изменения в смертности получили название «кардиоваскулярной революции» [Meslé, Vallin 2006: 250].

В России события развивались по-иному. Как видно из того же рисунка 3 (правая панель) и из таблицы 1, здесь о серьезном снижении смертности от болезней системы кровообращения говорить пока не приходится, с 1970 г. она почти не изменилась. Едва ли можно говорить и о серьезном изменении совокупного стандартизованного коэффициента смертности от трех классов причин – за последние полвека он претерпевал, в основном, колебательные изменения, лишь во второй половине «нулевых» годов обнаружив более или менее выраженную тенденцию к падению ниже достигавшихся ранее уровней.

Таблица 1. Стандартизованный коэффициент смертности от некоторых классов причин смерти в России, 1970-2014, на 100 000

	1970	1980	1990	2000	2010	2014
	Мужчины					
Все причины	1704,5	1868,2	1695,4	2143,6	1756,5	1513,2
в том числе:						
• болезни системы кровообращения	809,0	946,2	868,0	1091,8	920,5	702,1
• злокачественные новообразования	287,2	284,5	318,6	294,4	262,8	241,0
• внешние причины	238,8	292,1	228,7	360,5	237,3	204,4
<i>Итого 3 класса причин</i>	<i>1335,0</i>	<i>1522,8</i>	<i>1415,3</i>	<i>1746,7</i>	<i>1420,6</i>	<i>1147,5</i>
• остальные причины	369,5	345,4	280,1	396,9	335,9	365,8
	Женщины					
Все причины	911,7	959,1	893,3	1039,2	858,9	747,2
в том числе:						
• болезни системы кровообращения	544,9	610,4	561,9	641,4	517,6	382,4
• злокачественные новообразования	146,2	135,8	142,8	139,8	131,8	123,1
• внешние причины	51,1	68,0	55,8	83,3	56,9	47,8
<i>Итого 3 класса причин</i>	<i>742,2</i>	<i>814,2</i>	<i>760,5</i>	<i>864,5</i>	<i>706,3</i>	<i>553,4</i>
• остальные причины	169,5	144,9	132,8	174,7	152,6	193,8

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРУС 2015].

ВЫСОКАЯ СМЕРТНОСТЬ ОТ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ – ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА НИЗКОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РОССИИ

Высокая смертность от сердечно-сосудистых заболеваний – главный виновник российского отставания от других стран по продолжительности жизни. Она на 45-55% обуславливает это отставание у мужчин и еще больше - у женщин (таблица 2).

С начала 1970-х годов уровень смертности в России пережил несколько периодов подъема и спада, и каждый раз это было тесно связано с подъемами и спадами смертности от болезней системы кровообращения (рисунки 4 и 5).

Так как периоды роста и снижения смертности от болезней системы кровообращения чередовались, можно найти периоды, когда борьба с этой причиной смерти может рассматриваться как успешная. В частности, такую интерпретацию можно предложить для периода с 2004 г., когда, как следует из рисунков 4 и 5, вклад снижения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в рост продолжительности жизни был большим, чем во многих других странах [Grigoriev et al. 2014]. Однако все же нельзя не учитывать, что в основном этот вклад компенсировал потери, понесенные в предыдущие периоды. В долговременном плане (за период с 1972 г., который отражен на рисунках 4 и 5) итоговый вклад изменений в смертности от болезней системы кровообращения в

изменения продолжительности жизни у женщин был хотя и положительным, но очень небольшим по сравнению с другими странами, а у мужчин он и вовсе был отрицательным.

Таблица 2. Вклад различий в смертности от болезней системы кровообращения (БСК) в общее отставание России по ожидаемой продолжительности жизни от некоторых стран

Страна, год	Мужчины			Женщины		
	различия в ожидаемой продолжительности жизни, лет	в том числе за счет более высокой смертности от БСК		различия в ожидаемой продолжительности жизни, лет	в том числе за счет более высокой смертности от БСК	
		лет	%		лет	%
Япония, 2013	15,4	7,9	51,1	11,0	7,9	71,3
Франция, 2011	13,5	7,6	55,8	9,2	7,3	78,8
Германия, 2012	13,4	6,4	47,6	7,0	4,8	69,0
США, 2010	11,4	6,1	53,4	5,0	5,0	98,1
Эстония, 2012	10,1	4,3	42,7	4,9	2,9	60,3
Чехия, 2013	6,2	2,8	44,3	5,1	2,7	53,7

Примечание: Данные по России, используемые для сравнения, - за 2013 г. (ожидаемая продолжительность жизни составила 65,1 и 76,4 лет для мужчин и женщин соответственно).

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРУС 2015; WHO MD 2015].

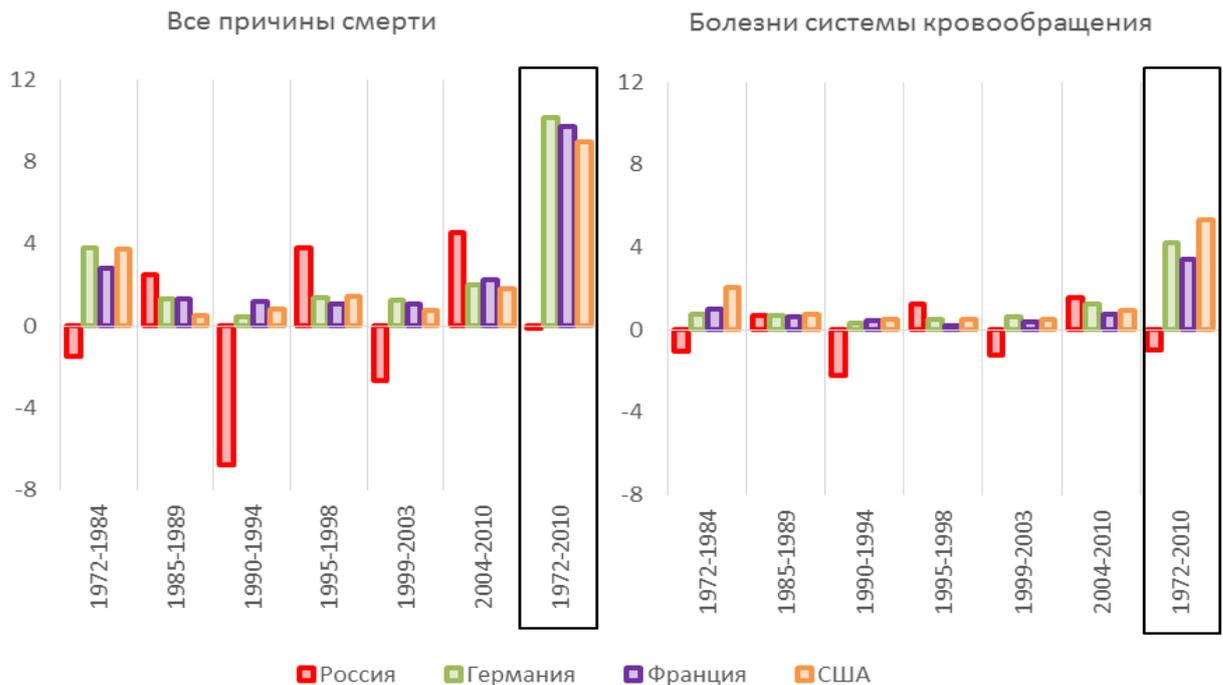

Рисунок 4. Изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении в результате роста или снижения смертности от всех причин и от болезней системы кровообращения в России, Германии, Франции и США, мужчины, лет

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРУС 2015; WHO MD 2015].

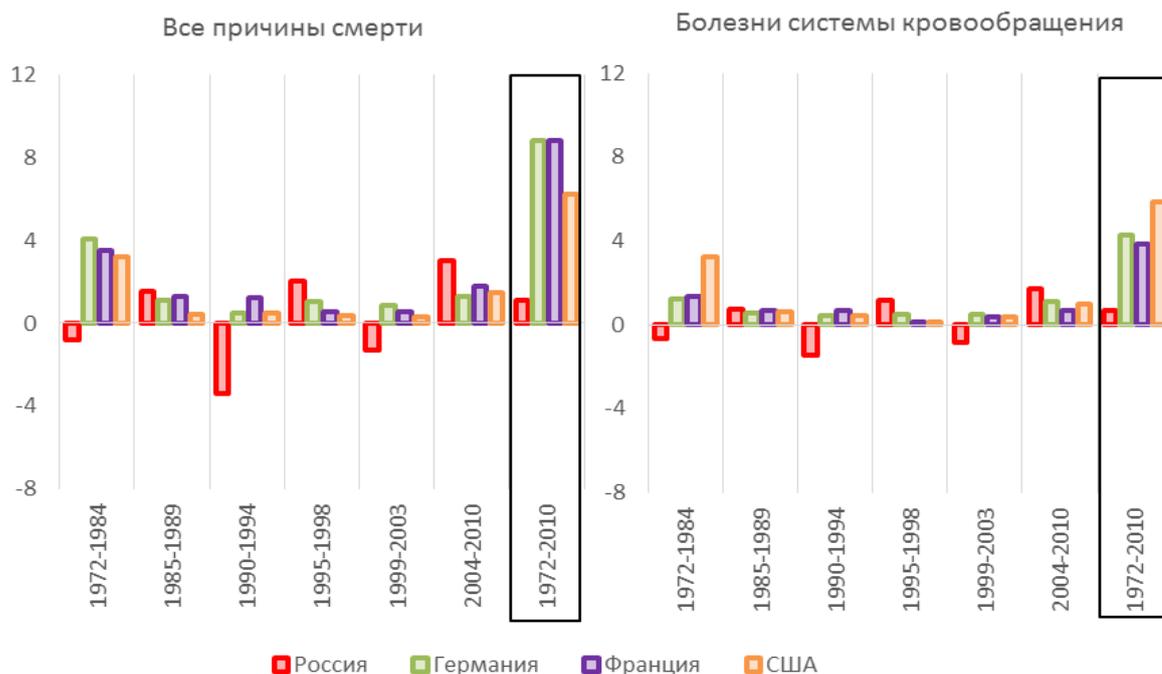

Рисунок 5. Изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении в результате роста или снижения смертности от всех причин и от болезней системы кровообращения в России, Германии, Франции и США, женщины, лет

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРС 2015; WHO MD 2015].

СТРУКТУРА СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СМЕРТНОСТИ В РОССИИ

Укрупненно структурируя весь класс болезней системы кровообращения, можно выделить три главные группы этих болезней: ишемическая болезнь сердца (коды по МКБ-10 [ВОЗ 1995] I20-I25), цереброваскулярные болезни (I60-I69) и все остальные причины этого класса (другие болезни сердца – коды I00-I19, I26-I59 – и прочие сердечно-сосудистые заболевания – коды I70-I99). Сопоставление структуры смертности от этих трех групп причин в России и в странах с более низкой и снижающейся смертностью от болезней системы кровообращения говорит о том, что и здесь Россия идет своим – и не самым лучшим – путем.

В 1970-е годы предпринимались попытки связать неблагоприятные тенденции в смертности от болезней системы кровообращения в России с различной ролью экзогенных и эндогенных причин и условий возникновения разных групп сердечно-сосудистых заболеваний. Предполагалось, что «такие, скажем, заболевания, как активный ревматизм и хроническая ревматическая болезнь сердца, можно рассматривать в основном как заболевания экзогенной этиологии, тогда как ишемическая болезнь сердца, сосудистые поражения мозга – заболевания по преимуществу эндогенные» [Бирюков 1979: 69]. Логика этого противопоставления заключалась в том, что большая роль экзогенного компонента в детерминации тех или иных сердечно-сосудистых заболеваний делает их менее зависимыми от возраста и в то же время более чувствительными к тем методам борьбы с болезнями и смертью, которые принесли успех на более ранних стадиях

эпидемиологического перехода. Установление контроля над мало зависящими от возраста экзогенными факторами сердечно-сосудистой заболеваемости в каком-то смысле могло бы рассматриваться как развитие этого успеха, повышающее шансы на снижение смертности именно от тех болезней системы кровообращения, в этиологии которых роль этого фактора была наиболее высока.

Учитывая, что основной вклад в сердечно-сосудистую смертность вносят ишемическая болезнь сердца и сосудистые поражения мозга, Бирюков полагал, что было бы интересно связать различия в динамике смертности от этих двух групп заболеваний с разным вкладом экзогенных и эндогенных компонентов в их этиологию. Однако он не смог этого сделать и вынужден был признать, что «пока сделать такой анализ убедительным не удастся» [Бирюков 1979: 74]. Все же отметив, что и ишемическая болезнь сердца, и сосудистые поражения мозга имеют в своей основе либо атеросклероз, либо гипертонию, причем в первом случае ведущее место принадлежит атеросклерозу, а во втором – гипертонической болезни, В. Бирюков обращает внимание на то, что «борьба с гипертонической болезнью ведется более успешно», и делает осторожное предположение, что «смертность от гипертонической болезни менее тесно связана с возрастом, а значит и в меньшей степени служит неизбежным спутником процесса старения» [Бирюков 1979: 75], иными словами, что она меньше зависит от средовых и поведенческих факторов.

По-видимому, это предположение, как и вся логика рассуждения Бирюкова, не были лишены оснований. Уже в 90-е годы авторы упомянутого сравнительного исследования смертности в России и Франции пришли к выводу, что в России «благоприятные тенденции изменения наблюдаются для некоторых болезней сердца, таких как *ревматические заболевания сердца и гипертоническая болезнь*. Снижение смертности от первой из этих патологий, имеющей инфекционный характер, может быть связано с распространением антибиотиков» [Милле и др. 1996: 119]. «Значительны также успехи в борьбе с гипертонической болезнью, хотя снижение смертности от нее, особенно интенсивное в 70-е годы, позже замедлилось. В 80-е годы смертность от гипертонии в России снизилась до уровня Франции» (впрочем, здесь же делалась оговорка, что «такая эволюция смертности от гипертонической болезни в России связана больше с изменением практики кодирования причин смерти, чем с реальными изменениями») [Милле и др. 1996: 119].

Если в отношении болезней сердца, даже и отмечая большое отставание России от Франции, авторы исследования указывали и на некоторые противостоящие росту смертности тенденции, то «вторая основная составляющая смертности от сердечно-сосудистых заболеваний - *нарушения мозгового кровообращения* - непрерывно росла в течение последних 30 лет, что резко контрастирует с выраженным снижением смертности от этой патологии во Франции» [Милле и др. 1996: 119].

В свете этого рассуждения кажется неожиданным обозначившийся во второй половине 90-х годов рост в России ранее снижавшегося вклада в общую смертность от болезней системы кровообращения ишемической болезни сердца. Сейчас она определяет больше половины стандартизованного коэффициента смертности от болезней системы кровообращения у мужчин и ненамного меньше у женщин, причем тенденция снижения этого вклада пока не просматривается. В западноевропейских странах этот вклад

существенно меньше и в последние два десятилетия имеет тенденцию к снижению (рисунок 6). Не связано ли это с затянувшейся неспособностью российского общества ограничить действие внешних факторов, меньше зависящих от возраста?

К числу этих факторов относится, в частности, алкоголь. Многочисленные исследования подчеркивают связь чрезмерного потребления алкоголя с преждевременной смертностью от болезней системы кровообращения, однако точный механизм этой связи остается не до конца ясным. Иногда даже высказывается предположение, что эта связь - лишь видимость, которая возникает благодаря тому, что часть смертей в результате алкогольных отравлений классифицируется как следствия болезни сердца [Zaridze et al. 2009]. Вместе с тем Леон и соавторы [Leon et al. 2010] по данным ретроспективного исследования смертности мужчин в г. Ижевске в 2003-2005 гг. обнаружили устойчивую статистическую связь между чрезмерным потреблением алкоголя и смертностью от форм ишемической болезни сердца, кроме инфаркта миокарда (коды МКБ I20, I23-I25). Также отмечается, что снижение смертности от болезней системы кровообращения в период антиалкогольной кампании было связано именно с этими формами ишемической болезни.

В западных странах быстро снижается вклад в сердечно-сосудистую смертность болезней сосудов головного мозга – в России это снижение наметилось лишь недавно, и пока этот вклад у нас остается высоким - у женщин, примерно, такой, какой отмечался во Франции в 1980 г., у мужчин – ненамного меньше (рисунок 7).

Соответственно, в России весьма низок вклад всех остальных болезней системы кровообращения, который в других странах все время растет. Правда, после 2000 г. он растет и в России, но отрыв от западноевропейских стран все еще очень велик (рисунок 8).

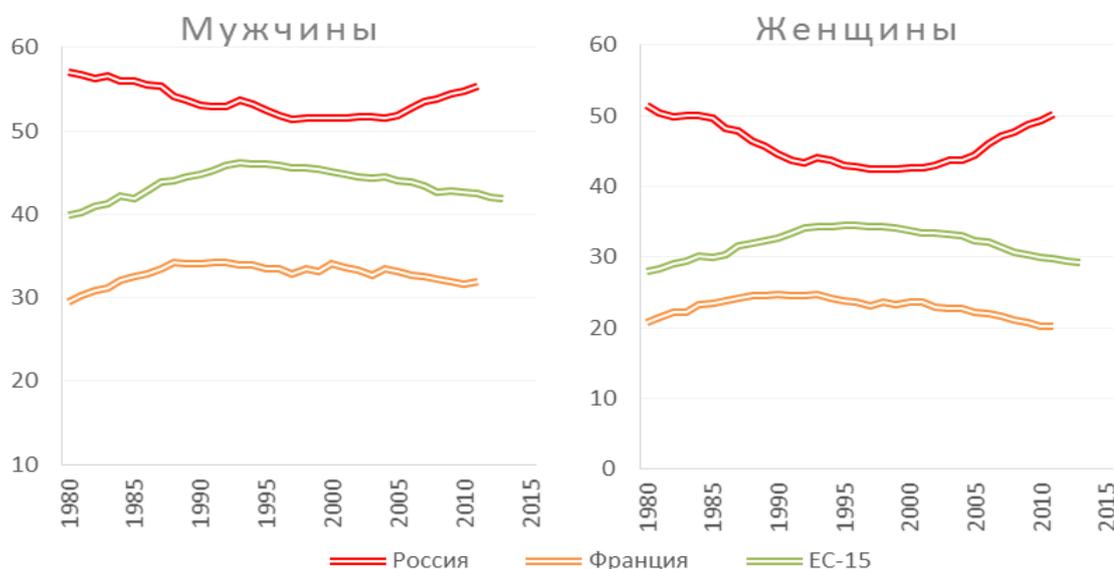

Рисунок 6. Вклад ишемической болезни сердца в стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения в России, Франции и ЕС-15, %

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРиС 2015; WHO MD 2015].

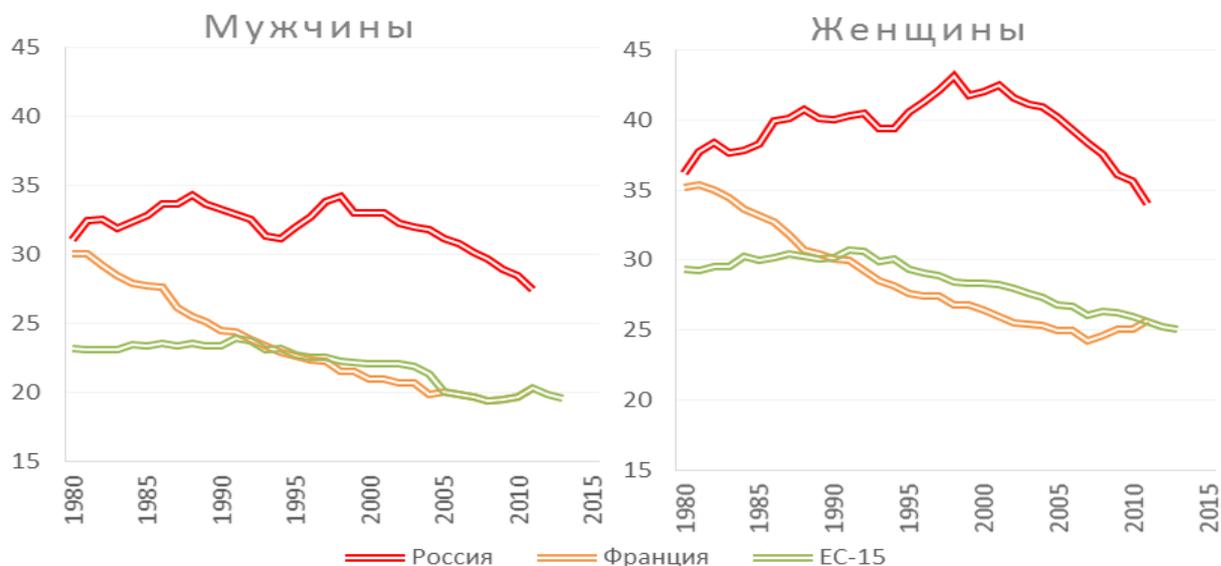

Рисунок 7. Вклад цереброваскулярных болезней в стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения в России, Франции и ЕС-15, %

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРиС 2015; WHO MD 2015].

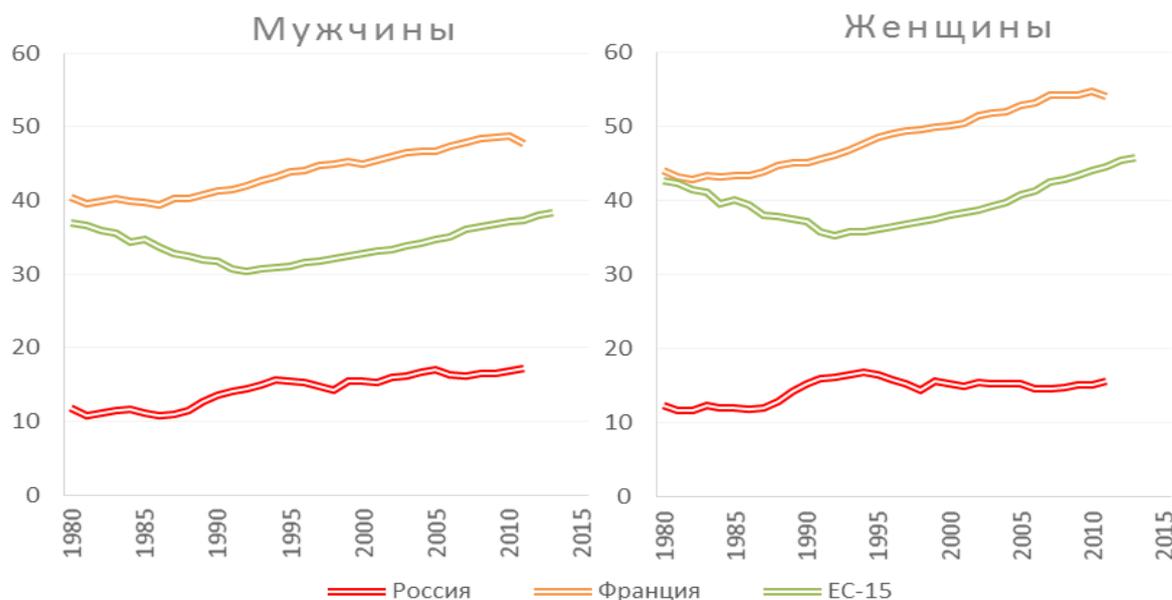

Рисунок 8. Вклад остальных сердечно-сосудистых заболеваний в стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения в России, Франции и странах ЕС-15, %

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРиС 2015; WHO MD 2015].

Вклад трех крупных групп причин смерти в общую смертность от болезней системы кровообращения важен не сам по себе, а в связи с возрастом, в котором люди умирают от заболеваний той или иной группы. В России в сравнении с другими странами очень низок средний возраст смерти от всех трех групп сердечно-сосудистых заболеваний, но, кроме того, соотношение между ними не такое, как в странах с низким уровнем смертности.

Сравнение России и Франции на рисунке 9 показывает, что во Франции рост вклада других болезней системы кровообращения за счет снижения вклада ишемической болезни сердца и цереброваскулярных заболеваний, о чем говорилось выше, сочетается с высоким возрастом смерти от других болезней системы кровообращения, которые в России характеризуются намного более низким (на 8,5 года в 2010 г.) возрастом смерти. При этом в России возраст смерти от них и у мужчин, и у женщин существенно ниже, чем от ишемической болезни сердца или цереброваскулярных заболеваний, тогда как во Франции он, напротив, самый высокий.

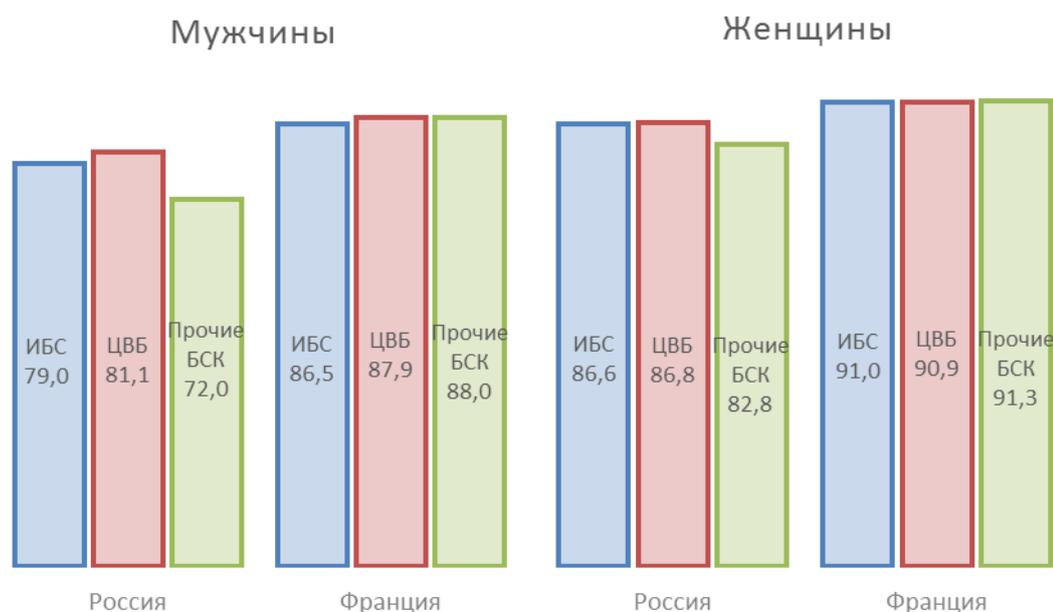

Рисунок 9. Средний возраст смерти от ишемической болезни сердца, цереброваскулярных заболеваний и прочих болезней системы кровообращения в России и во Франции, 2010 г., лет

Примечание: ИБС - ишемическая болезнь сердца, ЦВБ - цереброваскулярные заболевания, БСК - болезни системы кровообращения.

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРиС 2015; WHO MD 2015].

Из таблицы 3 видно, что самый меньший (хотя все же весьма значительный) отрыв России от других стран по среднему возрасту смерти в 2010 г. был характерен для цереброваскулярных болезней. Для смертности от ишемической болезни, вклад которой велик и имеет тенденцию к росту, и разрыв в среднем возрасте смерти больше, и он растет быстрее, чем в случае цереброваскулярных болезней. Но особенно велик этот разрыв для смертности от всех остальных болезней системы кровообращения, особенно у мужчин. Эта особенность заслуживает отдельного анализа, который выходит за пределы задач этой статьи. Можно лишь предположить, что в России речь чаще идет о тех попадающих в категорию «прочих» заболеваниях, которые больше зависят от условий и образа жизни, например, об алкогольной кардиомиопатии.

На рисунке 10 показан вклад изменений смертности от болезней системы кровообращения и их укрупненных групп в изменения продолжительности жизни в России

с 1972 г. по периодам роста и сокращения этого показателя. На графике видно, что в результате взаимного погашения этих разнонаправленных изменений прирост продолжительности жизни за счет снижения смертности от болезней системы кровообращения за весь более чем 40-летний период у женщин составил немногим более 2 лет, а у мужчин – менее полугода, причем вклад цереброваскулярных болезней у женщин и прочих болезней системы кровообращения у мужчин в целом за весь период оказался отрицательным.

Таблица 3. Разница в среднем возрасте смерти от всех причин смерти и от болезней системы кровообращения между Россией и некоторыми странами, лет*

	Германия	Польша	США	Франция	Швеция	Эстония	Чехия	Финляндия
Мужчины								
Все причины смерти								
1970	0,66	-0,05	0,43	1,93	3,99	1,27	-	-2,35
1990	5,02	0,37	4,94	6,43	6,27	0,24	0,47	2,67
2010	11,48	5,41	9,95	12,62	12,72	5,67	8,89	10,21
Ишемическая болезнь								
1970	-2,67	-5,06	-0,56	-2,24	3,32	1,21	-	-5,06
1990	4,43	-5,67	5,86	5,05	6,25	2,00	0,14	3,16
2010	10,10	3,05	9,15	10,28	11,25	6,19	8,16	10,29
Цереброваскулярные болезни								
1970	2,24	-2,28	2,24	2,41	3,85	1,01	-	-0,74
1990	4,99	-3,74	4,93	5,67	5,57	-0,82	0,56	2,19
2010	8,98	1,94	8,00	9,78	10,24	3,00	7,18	8,14
Прочие болезни системы кровообращения								
1970	6,20	5,81	4,31	7,10	8,66	0,17	-	5,49
1990	6,83	4,35	5,13	8,29	8,93	-8,32	2,11	3,94
2010	19,00	13,41	16,71	20,40	20,53	10,70	15,19	14,20
Женщины								
Все причины смерти								
1970	-0,02	-1,18	1,31	1,34	2,54	1,07	-	-1,18
1990	3,53	0,17	4,00	5,39	4,59	0,34	-0,17	2,42
2010	7,03	3,75	5,54	8,90	7,65	4,89	4,89	7,26
Ишемическая болезнь								
1970	-2,35	-3,89	0,30	-2,27	1,77	1,01	-	-3,37
1990	2,02	-6,38	3,84	3,81	3,46	0,94	-0,93	1,62
2010	6,22	2,63	5,16	8,04	6,55	5,46	4,90	7,35
Цереброваскулярные болезни								
1970	0,94	-2,79	2,13	1,81	1,93	0,57	-	-1,26
1990	3,99	-3,00	4,55	5,50	4,82	0,16	0,35	2,74
2010	5,63	1,34	4,80	7,40	6,58	3,03	4,34	5,89
Прочие болезни системы кровообращения								
1970	4,01	3,31	4,00	5,97	6,48	-0,45	-	4,15
1990	4,81	2,19	4,00	6,52	6,28	-8,06	0,59	3,87
2010	11,24	8,36	9,18	13,09	12,15	7,69	7,81	10,34

* Средний возраст взят из таблиц смертности по причинам смерти и не зависит от возрастного состава населения. Положительные значения в таблице 3 указывают, на сколько лет средний возраст смерти в России меньше, чем в указанной стране, отрицательные – на сколько он больше.

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРУС 2015; WHO MD 2015].

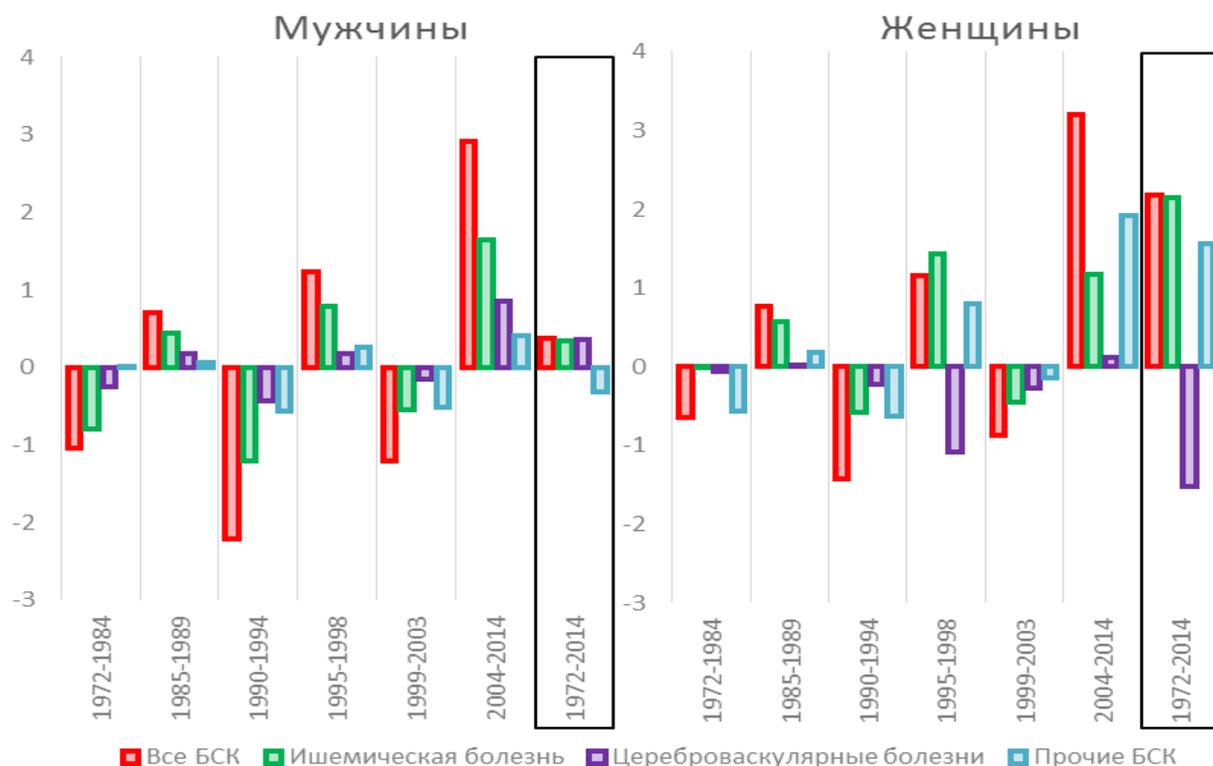

Рисунок 10. Изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России в результате изменения смертности от болезней системы кровообращения (БСК) и их отдельных групп за 1972-2014 гг.

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБПуС 2015; WHO MD 2015].

ВОЗРАСТНАЯ МОДЕЛЬ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СМЕРТНОСТИ В РОССИИ

Низкий возраст смерти от болезней системы кровообращения и их укрупненных групп в России – свидетельство общего застоя возрастной модели смертности от этих болезней – и сама эта модель, и ее динамика в России разительно отличаются от того, что можно видеть в последние десятилетия в странах «кардиоваскулярной революции», в частности в странах Западной Европы (рисунок 11).

Как следует из рисунка 11, в России у мужчин табличное число смертей (d_x) от сердечно-сосудистых заболеваний, не зависящее от возрастной структуры, начинает быстро нарастать уже после достижения 25-летнего возраста, основная масса умирающих от этих причин концентрируется в возрастах до 70-75 лет, после чего их доля даже сокращается. В странах Западной Европы рост начинается позже (российские показатели, фиксируемые в 25 лет, там не достигаются и к 40 годам), кривые поднимаются гораздо менее круто, но зато этот подъем длится до самых поздних возрастов, так что пик умерших от болезней системы кровообращения приходится не на 70-75 лет, как в России, а ближе к 90 годам. На нашем графике, где возрастная шкала заканчивается открытым возрастным интервалом 85 лет и старше, максимальное число умерших мужчин и женщин в ЕС-15 приходится на открытый возрастной интервал. У российских женщин возрастное

распределение смертей от болезней системы кровообращения больше похоже на западноевропейское, но все же тоже сильно сдвинуто в сторону более молодых возрастов.

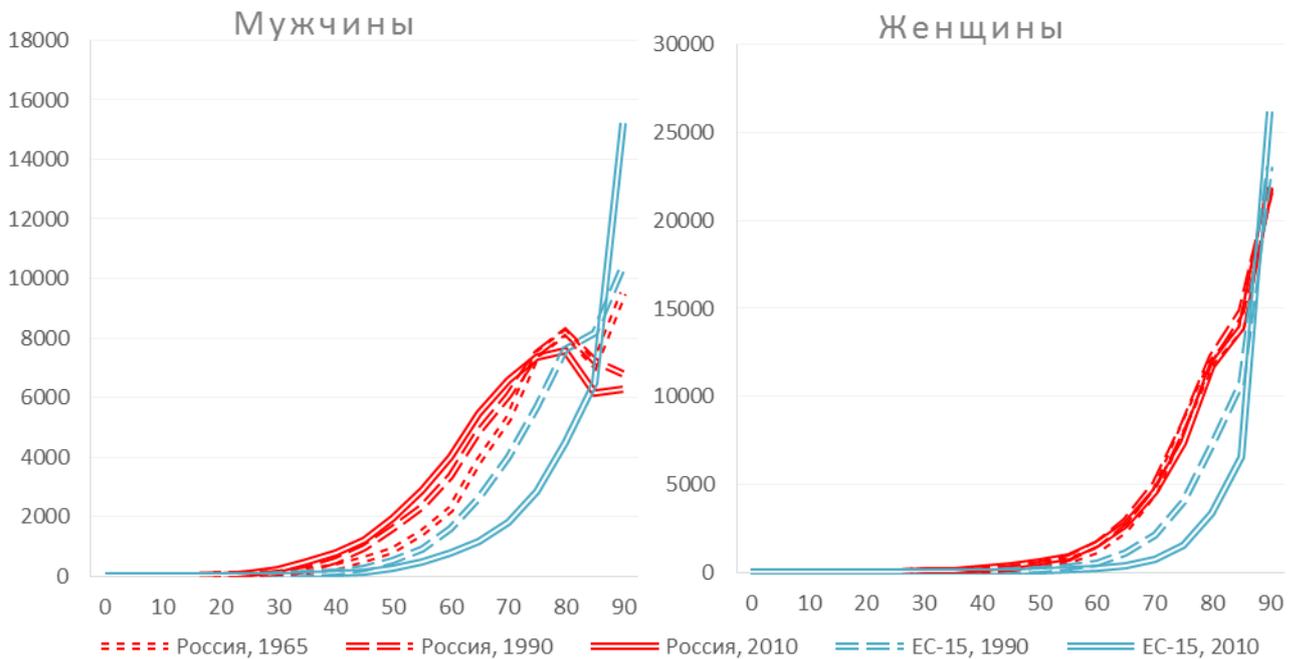

Рисунок 11. Возрастное распределение табличных чисел умирающих (d_x) от болезней системы кровообращения в России и в странах ЕС-15

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБРУС 2015; WHO MD 2015].

При этом кривые для стран ЕС-15 демонстрируют выраженную тенденцию сдвигаться вниз и вправо, «прогибаясь» в сторону правого нижнего угла графика. При сравнении кривых 1990 и 2010 г. ясно видно, что правый конец кривых 2010 г. и у мужчин, и у женщин уверенно устремляется вверх, свидетельствуя о смещении все большего числа смертей от сердечно-сосудистых заболеваний к более поздним возрастам. В России же у мужчин кривые вообще прогнуты не вправо, а влево, свидетельствуя о высокой смертности в средних возрастах, при этом кривая 2010 г. хуже кривой 1990 г., а та в свою очередь хуже кривой 1965 г. Женские кривые ближе к западноевропейским, но тоже сильно смещены влево. При этом для них не характерны ни свидетельствующий о прогрессе сдвиг вправо, который демонстрируют европейские кривые, ни говорящий о регрессе сдвиг влево, как у российских мужских кривых; скорее, можно говорить о полном застое на протяжении почти пяти десятилетий.

На рисунке 12 представлена динамика возрастных коэффициентов смертности от болезней системы кровообращения в России для 4 наиболее подверженных смертности от болезней системы кровообращения групп возрастов за период с 1970 г. Видно, что самые большие колебания сердечно-сосудистой смертности характерны для более молодых возрастов, тогда как старшие возрастные группы менее подвержены таким колебаниям.

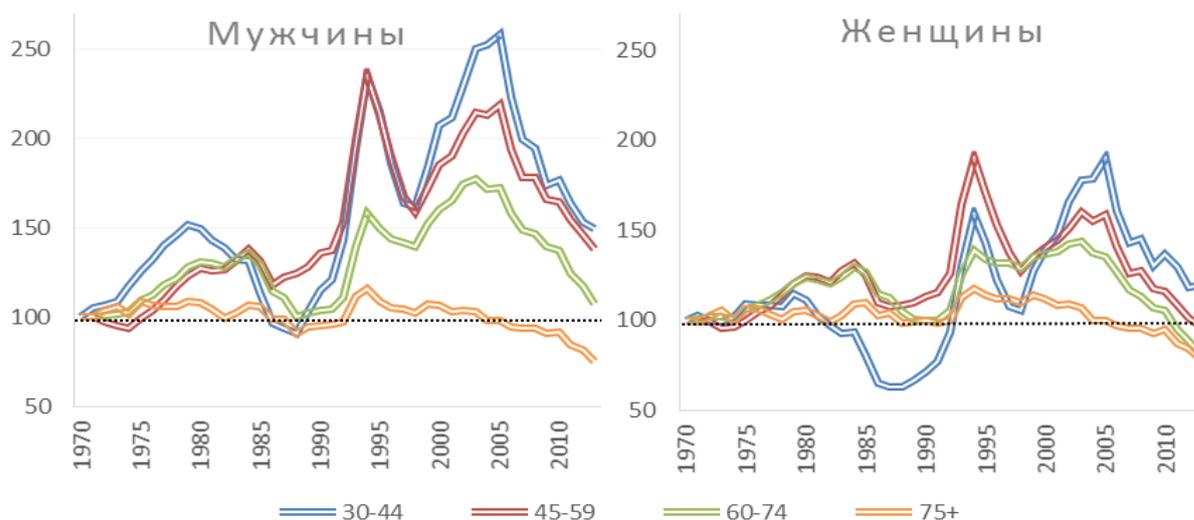

Рисунок 12. Динамика возрастных коэффициентов смертности (30-44, 45-59, 60-74 и 75 лет и старше) от болезней системы кровообращения в России, 1970 г. = 100%

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБПуС 2015].

Несмотря на значительное снижение смертности во всех возрастных группах на протяжении последних 10 лет, уровень мужской смертности от болезней системы кровообращения в возрастах до 75 лет, а женской - до 45 лет остается все еще выше показателей, достигнутых в 1970 г.

Таблица 4. Избыточные табличные числа мужских и женских смертей (d_x) от болезней системы кровообращения в возрасте 30-85 лет в России в сравнении с некоторыми странами, на 100 000 человек, умирающих во всех возрастах и от всех причин

	Мужчины					Женщины				
	Япония, 2013	Франция, 2011	США, 2010	Чехия, 2013	Эстония, 2012	Япония, 2013	Франция, 2011	США, 2010	Чехия, 2013	Эстония, 2012
30-34	361	373	320	346	322	105	108	80	112	104
35-39	591	617	533	604	449	182	183	134	169	123
40-44	862	904	757	827	591	275	284	197	260	247
45-49	1 334	1 404	1 115	1 181	870	406	430	268	362	322
50-54	1 979	2 037	1 608	1 631	1 034	602	624	385	484	507
55-59	2 822	2 879	2 281	2 000	1 441	1112	1146	803	873	743
60-64	4 031	4 147	3 377	2 488	1 427	1931	1985	1447	1338	1208
65-69	4 333	4 481	3 458	1 915	816	3013	3112	2284	1783	1717
70-74	5 520	5 636	4 434	2 408	1 166	5738	5758	4670	3396	3061
75-79	4 619	4 664	3 434	434	-2	8076	8123	6681	3909	2900
80-84	2 036	2 059	1 131	-2 300	-1 715	9199	9166	7965	1962	386
Всего:	28 489	29 200	22 449	11 536	6 399	30 639	30 918	24 915	14 648	11 318
<i>Число избыточных смертей:</i>			<i>более 5 000</i>	<i>3 000 – 5 000</i>		<i>1 000 – 3 000</i>		<i>менее 1 000</i>		

Источник: Расчеты авторов по данным [РосБПуС 2015; WHO MD 2015].

Недостатки возрастной модели российской смертности от болезней системы кровообращения хорошо видны в таблице 4, которая позволяет сравнить распределение смертей по возрасту в России и некоторых других странах и выделить «возрастные группы риска» для населения России, указав для каждой из них избыточное по сравнению с этими странами число смертей.

К примеру, цифра в нижней строке столбца 2 таблицы 4 показывает, что в 2013 г. в России, по сравнению с Японией, из каждых 100 000 мужских смертей во всех возрастах более 28 тыс. смертей, произошедших в возрастах 30-84 года от болезней системы кровообращения, можно было считать избыточными, в Японии в этих возрастах их бы не было. При этом особенно велико число избыточных смертей в возрасте 70-74 года, в то время как избыточная смертность в возрастах до 45 лет, хотя она есть и в этих возрастах, все же сравнительно невелика. Таким же образом можно анализировать любой столбец таблицы.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕРТНОСТИ ОТ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ В РОССИИ

Анализ смертности от болезней системы кровообращения в России не может обойтись без рассмотрения региональных особенностей, которые проявляются на фоне общей картины, характерной для всей страны.

Наиболее неблагоприятная ситуация в 2013 г. складывалась в районах Дальнего Востока, некоторых регионах Восточной Сибири (Тыва, Иркутская область, ЯНАО), а также на севере и северо-западе Европейской части России и Приуралья (Пермский край). Напротив, регионы с самой низкой смертностью от болезней системы кровообращения – города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), юг Европейской части России, Поволжье и некоторые регионы Западной Сибири (рисунки 13 и 14).

На рисунках 15 и 16 показаны изменения уровня смертности от болезней системы кровообращения мужчин и женщин в регионах России. За прошедшее десятилетие (2003-2013 гг.) эти изменения во всех субъектах Российской Федерации носили позитивный характер, хотя их величина варьировалась от региона к региону. В целом стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения в России сократился на 36,3% у мужчин и на 37,8% у женщин. Наиболее высокие темпы снижения смертности были в первую очередь зафиксированы в тех регионах, которые в 2003 г. имели наиболее высокие показатели смертности от болезней системы кровообращения, - преимущественно регионы, расположенные вокруг Москвы и Санкт-Петербурга. Некоторым из этих регионов к 2013 г. удалось существенно улучшить свои относительные позиции (Ивановская, Смоленская, Ленинградская, Липецкая, Курская и Тамбовская области). Вместе с тем отметим, что во всех этих областях (за исключением Ленинградской) резко возросла доля умерших в возрасте старше 80 лет от причины смерти «старость», что может свидетельствовать не столько о реальных успехах в снижении сердечно-сосудистой смертности, сколько об изменениях в региональных практиках кодирования причин смерти (подробнее об этом см. ниже). Высокие темпы снижения смертности от болезней системы кровообращения наблюдались в Москве и Санкт-Петербурге, что дополнительно усилило их позиции. Скромные темпы снижения смертности от БСК были присущи целому ряду регионов Дальнего Востока (Чукотский АО, Республика Саха, Магаданская область и Еврейская автономная область) и Сибири (ЯНАО, Республика Алтай, Новосибирская и Омская области).

Рисунок 13. Смертность от болезней системы кровообращения, мужчины, 2013

Рисунок 14. Смертность от болезней системы кровообращения, женщины, 2013

Рисунок 15. Динамика смертности от болезней системы кровообращения, мужчины, 2003-2013

Рисунок 16. Динамика смертности от болезней системы кровообращения, женщины, 2003-2013

ГИПЕРДИАГНОСТИКА ИЛИ НЕДООЦЕНКА СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СМЕРТНОСТИ?

Возможности анализа уровня и тенденций смертности от болезней системы кровообращения существенно зависят от качества кодирования причин смерти при заполнении медицинского свидетельства о смерти. Это качество в России далеко не безупречно.

Зачастую умершие в старших возрастах при жизни имели несколько заболеваний, каждое из которых в какой-то мере могло привести к смерти. В процессе подготовки медицинского свидетельства о смерти, являющегося основным источником статистической информации, врач должен из совокупности возможных причин выбрать первоначальную (основную) причину. Для этих целей разработаны соответствующие рекомендации как на федеральном уровне, так и в регионах. Кроме рекомендаций, существует мнение врача и практика диагностики и кодирования - врач нередко выбирает не самый «правильный», а самый привычный диагноз, не вызывающий вопросов у родственников умершего или у руководства лечебного учреждения. В России таким диагнозом долгое время оставались болезни системы кровообращения, считающиеся естественной причиной смерти в старости, что дало повод экспертному сообществу говорить о гипердиагностике сердечно-сосудистых причин смерти. Указания на «кардиологические приписки» встречаются и сейчас [Какорина 2013].

В то же время есть основания опасаться и недоучета сердечно-сосудистой смертности. В марте 1989 г. коллегия Министерства здравоохранения СССР в целях борьбы с завышенной смертностью от сердечно-сосудистых болезней по инициативе министра Е.И. Чазова приняла «Указания о порядке установления причины смерти при основных заболеваниях болезней органов кровообращения и записи во врачебном свидетельстве о смерти». Пятнадцатый пункт «Указаний...» состоял в том, что «умершим вне стационара в возрасте старше 80 лет при отсутствии в медицинской документации указаний на заболевания, способные вызвать смерть, при отсутствии подозрения на насильственную смерть, в случаях, когда патологоанатомическое исследование не проводилось, выдается врачебное свидетельство о смерти или фельдшерская справка, где в качестве причины смерти указывается "старость"». Отметим, что постановка диагноза "старость" допускается только после 80 лет и данная причина смерти относится к группе "Симптомы, признаки и отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в других рубриках" и по существу означает, что точная причина смерти не установлена.

Рост числа умерших и коэффициента смертности от старости не заставил себя ждать (рисунок 17). К середине 2000-х годов указание «старости» в качестве первоначальной причины смерти стало значительно более редким, но, как оказалось, ненадолго. В последнее несколько лет, особенно с 2012 г., число умерших от старости неуклонно растет в унисон со снижением смертности от болезней системы кровообращения у лиц старше 80 лет. К примеру, в 2012 г. 11,8% умерших в возрасте 80 лет и старше скончались с диагнозом «старость», 72,3% - умерли от сердечно-сосудистых болезней. К 2014 г. доля умерших с

диагнозом «старость» составила уже 18,7% (плюс 6,9 п.п.), а от сердечно-сосудистых болезней - 61,2% (минус 11,1 п.п.).

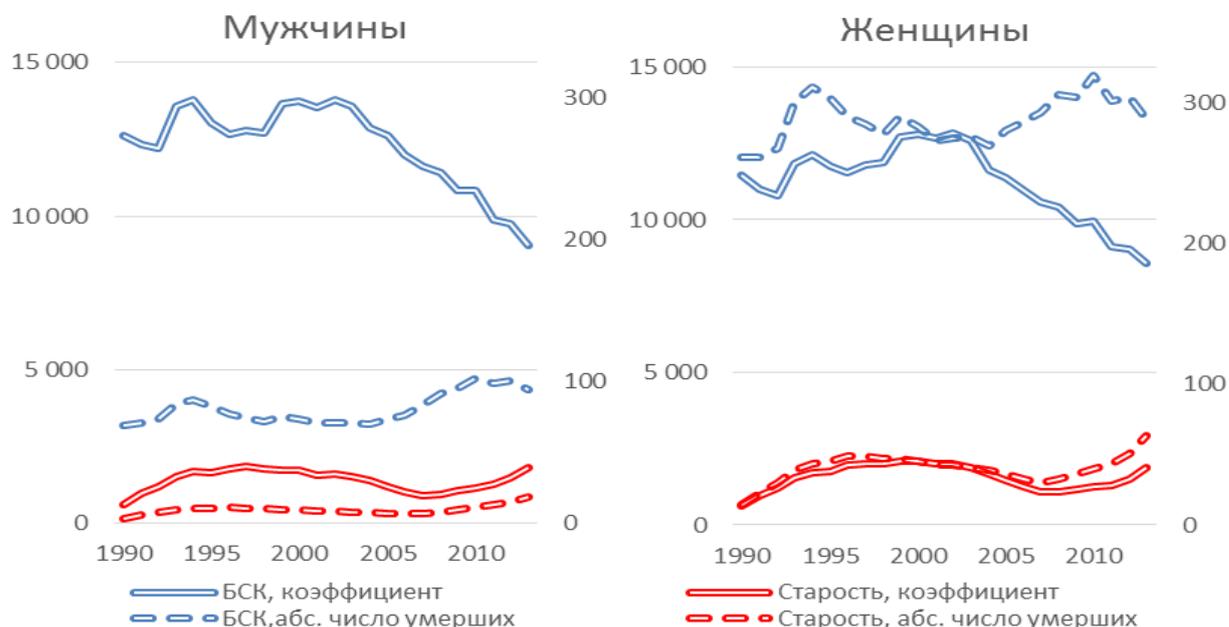

Рисунок 17. Уровень смертности от болезней системы кровообращения (БСК) и от «старости» в возрасте 80 лет и старше, на 100 000 человек (левая ось) и абсолютное число умерших от БСК и старости в возрасте 80 лет и старше, тыс. человек (правая ось)

Анализ смертности по причинам смерти за последние годы показывает, что Указ Президента «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», ставивший целью снижение общих коэффициентов смертности от ряда причин смерти, в том числе от болезней системы кровообращения, может вести к тому, что некоторые субъекты РФ, стремясь достичь целевых показателей смертности, меняют практику кодирования причин смерти, о чем нам уже приходилось писать [Вишневский, Андреев, Тимонин 2015].

Указ вышел в мае 2012 г. С 2012 по 2014 г. общее число умерших в России уменьшилось на 1,5%. Это уменьшение затронуло не все субъекты Федерации, в части из них число умерших росло. Соответствующий показатель по регионам колеблется от -15% в Ненецком автономном округе и -8,7% в Магаданской области до 3,5% в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Если исключить регионы с крайними показателями, то в 77 из 83 субъектов Федерации изменения лежат в интервале от -9% до 2%. Но ситуация с сердечно-сосудистыми болезнями выглядит иначе. По России в целом число умерших от них снизилось на 10,9%, но при этом число умерших от всех остальных причин выросло на 10,2%. Если же обратиться к региональным показателям, то бросается в глаза, что наибольшее снижение числа смертей от сердечно-сосудистых болезней наблюдается там, где более всего выросла смертность от остальных причин при почти неизменном общем числе умерших (таблица 5).

В Москве и Санкт-Петербурге число умерших от сердечно-сосудистых болезней снизилось на 3,0 и 7,2%, а от остальных причин выросло на 3,4 и 3,6% соответственно.

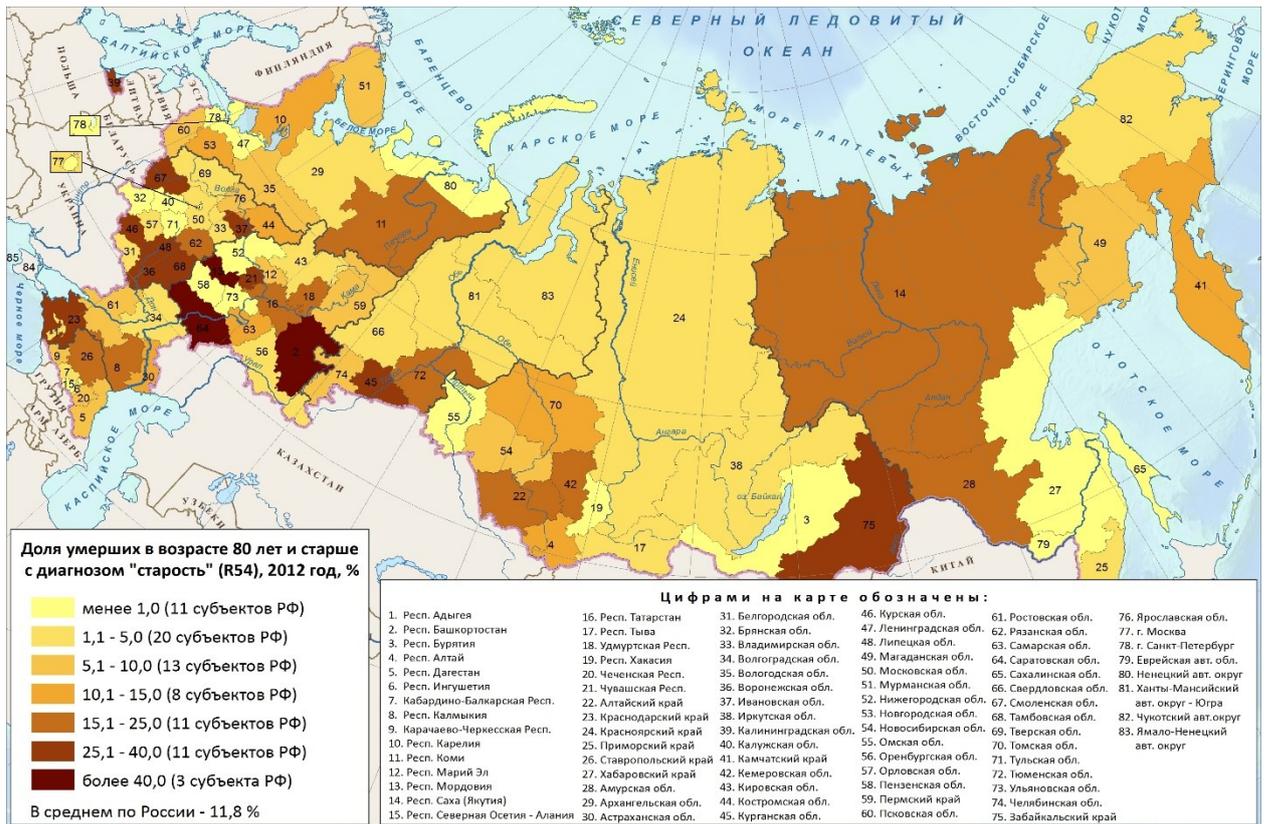
Таблица 5. Изменение числа умерших от всех причин смерти, от болезней системы кровообращения и от всех остальных причин смерти, 2012-2014, %

	Все причины	Болезни системы кровообращения	Все остальные причины
Ростовская область	0,2	-31,4	52,7
Белгородская область	0,0	-20,8	45,2
Республика Марий Эл	-0,4	-30,3	33,2
Владимирская область	-2,0	-22,2	31,4
Ярославская область	-2,2	-23,8	28,4
Брянская область	-2,9	-25,9	38,9
Тульская область	-4,8	-30,1	31,2

Выросло и число умерших с диагнозом «старость», доля умерших с этим диагнозом с 2012 по 2014 г. выросла с 11,8 до 18,7% и необычайно сильно варьировалась по регионам (рисунки 18а и 18б). В Башкортостане и Мордовии так была определена причина более половины смертей в возрастах старше 80 лет. В Санкт-Петербурге этот диагноз не встречался, в Москве доля умерших от старости была менее 0,1%. Но в 20 субъектах Федерации доля умерших от старости в возрастах 80 лет и старше в 2012 г. превысила 20%. В 2014 г. число таких территорий увеличилось до 31. В Костромской, Свердловской, Брянской, Белгородской и Ростовской областях рост доли умерших с диагнозом "старость" составил от 21 до 49 процентных пункта, а уменьшение доли умерших с кардиоваскулярным диагнозом составило от 22 до 49 пунктов. В Республике Алтай, Ханты-Мансийском автономном округе, Пермском крае, Оренбургской, Амурской, Астраханской областях рост доли умерших с диагнозом "старость" составил от 12 до 21 процентных пункта, а уменьшение доли кардиоваскулярных диагнозов - от 9 до 21 пункта.

Реакцией Министерства здравоохранения РФ на столь «неожиданный» рост смертности от старости стало письмо, направленное в конце 2014 г. в адрес руководителей органов исполнительной власти в субъектах РФ в сфере здравоохранения с разъяснениями, что термин «старость» относится к неточно обозначенным состояниям и критериями его использования в качестве первоначальной причины смерти являются: «возраст старше 80 лет, отсутствие в медицинской документации указаний на хронические заболевания, травмы и их последствия, способные вызвать смерть, отсутствие подозрений на насильственную смерть».

Существование в недавнем прошлом гипердиагностики болезней системы кровообращения в качестве причины смерти весьма вероятно. Возможно, что субъекты Федерации, стремясь достичь целевых показателей смертности, стараются от нее избавиться и меняют практику кодирования причин смерти. Но совершенно не ясно, насколько столь радикальные изменения оправданы. Всего число умерших от болезней системы кровообращения снизилось за 2 года на 15% и более в 19 субъектах Федерации.

а. 2012 г.

б. 2014 г.

Рисунок 18. Доли умерших в возрасте 80 лет и старше с диагнозом «старость», 2012 и 2014 годы

Возможно, изменение практики кодирования причин смерти в принципе правомерно, но оно должно быть обосновано. Вопрос требует специального изучения, и принципы кодирования должны быть унифицированы, отсутствие единообразия серьезно осложняет анализ [Данилова 2015; Danilova et. al 2016]. В любом случае снижение показателя смертности от сердечно-сосудистых болезней в регионах в результате изменения практики кодирования причин смерти не следует смешивать с реальными успехами в борьбе с сердечно-сосудистой патологией.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюков В.А. (1979). Сердечно-сосудистые заболевания и продолжительность жизни // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. Сборник статей / Под ред. Е.М. Андреева, А.Г. Вишневского. М.: Статистика.
- Вишневский А.Г. (1986). Человеческий фактор в демографическом измерении // Коммунист. 17: 69-80.
- Вишневский А.Г. (2014). Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. Т.1, № 4: 5–40.
- Вишневский А.Г., В.М. Школьников (1997). Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия. М.: Научные доклады Московского Центра Карнеги. Вып. 19.
- Вишневский А.Г., Е.М. Андреев, С.А. Тимонин (2015). Влияние болезней системы кровообращения на демографическое развитие России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ: 61-78.
- Воспроизводство населения СССР (1983) / Под ред. А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова. М.: Статистика.
- Данилова И.А. (2015). Проблемы качества российской статистики причин смерти в старческом возрасте // Успехи геронтологии. Т.28. №3: 409-414.
- Какорина Е.П. Старость не причина (2013) // Медицинский вестник. 8 (621). URL: http://www.medvestnik.ru/articles/starost_ne_prichina (дата обращения: 16.01.2016).
- Милле Ф., В.М. Школьников, В. Эртриш, Ж. Валлен (1996). Современные тенденции смертности по причинам смерти в России: 1965-1994. Париж: INED. Двухязычное издание [Meslé F., V.M. Shkolnikov, V.Hertrich, J. Vallin. (1996). Tendances récentes de la mortalité par cause en Russie 1965-1994. Paris: INED].
- МКБ-10 (1995). Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: МКБ-10. В 3-х томах. Т.1. Ч.1. М.: Медицина.
- РосБриС (2015). Российская база данных по рождаемости и смертности Центра демографических исследований Российской Экономической Школы. URL: http://www.demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data (дата обращения: 20.09.2015).
- Danilova I., V.M. Shkolnikov, D.A. Jdanov, F. Meslé, J. Vallin (2016). Identifying potential differences in cause-of-death coding practices across Russian regions // Population Health Metrics. 14 (8). URL: <http://pophealthmetrics.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12963-016-0078-0> (дата обращения: 22.03.2016).
- Grigoriev P., F. Meslé, V. M. Shkolnikov, E.Andreev, A. Fihel, M. Pechholdova, J. Vallin (2014). The recent mortality decline in Russia: beginning of the cardiovascular revolution? // Population and Development Review. 40(1): 107–129.

- HLD (2015). Human Life-Table Database. Max Planck Institute for Demographic Research (MPIDR), Rostock, Germany; Department of Demography, University of California, Berkeley, USA; Institut national d'études démographiques (INED), Paris, France. URL: <http://www.lifetable.de/> (дата обращения: 20.09.2015).
- HMD (2015). The Human Mortality Database. Department of Demography, University of California, Berkeley; Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock, Germany. URL: <http://mortality.org> (дата обращения: 20.09.2015).
- Leon D., V.M. Shkolnikov, M. McKee, N. Kiryanov, E. Andreev (2010). Alcohol increases circulatory disease mortality in Russia: acute and chronic effects or misattribution of cause? // *International Journal of Epidemiology*. 39:1279–1290
- Meslé F., J. Vallin (2006). The health transition: trends and prospects // G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch, eds. *Demography: analysis and synthesis. A treatise in population studies*. New York: Academic Press. Vol. II: 247–259.
- Meslé F., J. Vallin (2011). Historical trends in mortality // R. G. Rogers, E. M. Crimmins, eds. *International Handbook of Adult Mortality*. Dordrecht: Springer: 9–47.
- Omran A. R. (1971). The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 49 (4): 509-538.
- Terris M. (1976). The Epidemiologic revolution, national health insurance and the role of health departments // *American Journal of Public Health*. 12 (66).
- WHO MD (2015). World Health Organization Mortality Database. WHO. URL: http://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/ (дата обращения: 20.09.2015).
- Zaridze D., Maximovitch D., Lazarev A., Igitov A., Boroda A., Boreham J., Boyle P., Peto R., Boffetta P. (2009). Alcohol poisoning is a main determinant of recent mortality trends in Russia: evidence from a detailed analysis of mortality statistics and autopsies // *International Journal of Epidemiology*. 38: 143-53.

MORTALITY FROM CARDIOVASCULAR DISEASES AND LIFE EXPECTANCY IN RUSSIA *

ANATOLY VISHNEVSKY^{1, **}, EVGENY ANDREEV², SERGEY TIMONIN¹

High premature mortality from cardiovascular diseases (CVD) and its long-term adverse trends are one of the main reasons for Russia's lagging behind the developed countries in life expectancy, especially the female population. Despite the mortality decline since 2003, CVD mortality rates at particular ages (30-74 years for men and 30-49 for women) are still higher than they were in 1970.

Analysis of long-term changes in life expectancy in Russia shows a negative contribution of changes in CVD mortality for men (-1.0 years in 1972-2010) and a small positive contribution for women (0.7 years in 1972-2010).

The mortality structure within the class of cardiovascular diseases in Russia is significantly different from that observed in those countries with the lowest level of CVD mortality. Ischemic heart disease constitutes more than half of all deaths, and this share, in contrast to Western countries, tends to be on the rise. Second place belongs to deaths from cerebrovascular diseases, the share of which is declining, but remains significantly higher than in Western countries. The share of deaths from all other cardiovascular diseases accounts for about 50% of deaths in Western countries, while in Russia it accounts for only about 15%, but is characterized by a very low age at death.

Regional patterns of CVD mortality in Russia are discussed, as well as the quality of statistics on causes of death and the changes in coding practices in the Russian Federation.

Key words: mortality, life expectancy, cardiovascular diseases, ischemic heart disease, cerebrovascular diseases, age-specific mortality pattern, average age of death, excess mortality.

REFERENCES

- Biryukov V.A. (1979). Serdechno-sosudistyye zabolevaniya i prodolzhitel'nost' zhizni [Cardiovascular disease and life expectancy] // E.M. Andreev, A.G. Vishnevsky, eds. Prodolzhitel'nost' zhizni: analiz i modelirovaniye [Life expectancy: analysis and modeling]. Sbornik statey [Collection of articles]. Moscow: Statistika.
- Danilova I., V.M. Shkolnikov, D.A. Jdanov, F. Meslé, J. Vallin (2016). Identifying potential differences in cause-of-death coding practices across Russian regions // Population Health Metrics. 14:8. URL: <http://pophealthmetrics.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12963-016-0078-0> (accessed: 22.03.2016).
- Danilova I.A. (2015). Problemy kachestva rossiyskoy statistiki prichin smerti v starcheskom vozraste [The issue of quality of Russian cause-specific mortality statistics at old ages] // Uspekhi gerontologii [Adv. Geront.]. V.28. № 3: 409-414.
- Grigoriev P., F. Meslé, V.M. Shkolnikov, E. Andreev, A. Fihel, M. Pechholdova, J. Vallin (2014). The Recent mortality decline in Russia: beginning of the cardiovascular revolution? // Population and Development review. 40(1): 107–129.

¹NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA); ²NEW ECONOMIC SCHOOL (RUSSIA).

* THE RESULTS OF THE PROJECT "DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2005-2015 IN THE CONTEXT OF LONG-TERM TRENDS", CARRIED OUT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016, ARE PRESENTED IN THIS WORK. PARTICIPATION OF S. TIMONIN IS SUPPORTED BY RFBR (RESEARCH PROJECT 16-36-00374).

** CORRESPONDENCE: avishnevsky@hse.ru
DATE RECEIVED: NOVEMBER 2015.

- HLD (2015). Human Life-Table Database. Max Planck Institute for Demographic Research (MPIDR), Rostock, Germany; Department of Demography, University of California, Berkeley, USA; Institut national d'études démographiques (INED), Paris, France. URL: <http://www.lifetable.de/> (дата обращения: 20.09.2015).
- HMD (2015). The Human Mortality Database. Department of Demography, University of California, Berkeley; Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock, Germany. URL: <http://mortality.org> (дата обращения: 20.09.2015).
- Kakorina Y.P. Starost' ne prichina [Senility is not a cause of death] (2013) // *Meditinskiy vestnik* [Medical Annals]. 8 (621). URL: http://www.medvestnik.ru/articles/starost_ne_prichina (accessed: 16.01.2016).
- Leon D., V.M. Shkolnikov, M. McKee, N. Kiryanov, E. Andreev (2010). Alcohol increases circulatory disease mortality in Russia: acute and chronic effects or misattribution of cause? // *International Journal of Epidemiology*. 39:1279–1290
- Meslé F., J. Vallin (2006). The health transition: Trends and prospects // G. Caselli, J. Vallin, G. Wunsch, eds. *Demography: analysis and synthesis. A treatise in population studies*. New York: Academic Press. Vol. II: 247–259.
- Meslé F., J. Vallin (2011). Historical trends in mortality // R. G. Rogers, E. M. Crimmins, eds. *International Handbook of Adult Mortality*. Dordrecht: Springer: 9–47.
- Meslé F., V.M. Shkolnikov, V. Hertrich, J. Vallin. (1996). *Sovremennyye tendentsii smernosti po prichinam smerti v Rossii: 1965-1994* [Modern trends in causes of death in Russia: 1965-1994]. Paris: INED. [Meslé F., V.M. Shkolnikov, V. Hertrich, J. Vallin. (1996). *Tendances récentes de la mortalité par cause en Russie 1965-1994*. Paris: INED].
- MKB-10 [ICD-10] (1995). *Mezhdunarodnaya statisticheskaya klassifikatsiya bolezney i problem, svyazannykh so zdorov'yem: MKB-10* [International statistical classification of diseases and related health problems. 10th Revision]. V 3-kh tomakh [Three volumes]. Tom 1 [Volume 1]. Chast' 1 [Part 1]. Moscow: Meditsina.
- Omran A. R. (1971). The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 49 (4): 509-538.
- RosBRiS (2015). *Rossiyskaya baza dannykh po rozhdayemosti i smernosti Tsentra demograficheskikh issledovaniy Rossiyskoy Ekonomicheskoy Shkoly* [Russian Fertility and Mortality Database. Center for Demographic Research, Moscow (Russia)]. URL: http://www.demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data (accessed: 20.09.2015).
- Terris M. (1976). The epidemiologic revolution, national health insurance and the role of health departments // *American Journal of Public Health*. 12 (66).
- Vishnevsky A.G. (2014). *Smernost' v Rossii: nesostoyavshayasya vtoraya epidemiologicheskaya revolyutsiya* [Mortality in Russia: the second epidemiologic revolution that never was] // *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. Vol.1, №4: 5– 40.
- Vishnevsky A.G., E.M. Andreev, S.A. Timonin (2015). *Vliyaniye bolezney sistemy krovoobrashcheniya na demograficheskoye razvitiye Rossii* [Impact of circulatory system diseases on the demographic development of Russia] // *Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF* [Analytical Annals of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]: 61-78.
- Vishnevsky A.G. (1986). *Chelovecheskiy faktor v demograficheskoye izmerenii* [Human factor in the demographic dimension] // *Kommunist* [Communist]. 17: 69-80.

- Vishnevsky A.G., V.M. Shkolnikov. (1997). Smertnost' v Rossii: glavnyye gruppy riska i priority deystviya [Mortality in Russia: main risk groups and priorities for acting]. M.: Nauchnyye doklady Moskovskogo Tsentra Karnegi [Scientific reports of the Carnegie Moscow Center]. Issue 19.
- Vosproizvodstvo naseleniya SSSR [Population reproduction in the USSR] (1983) / A.G. Vishnevsky, A.G. Volkov, eds. Moscow: Statistika.
- WHO MD (2015). World Health Organization Mortality Database. WHO. URL: http://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/ (accessed: 20.09.2015).
- ZaridzeD., Maximovitch D., Lazarev A., Igitov A., Boroda A., Boreham J., Boyle P., PetoR., Boffetta P. (2009). Alcohol poisoning is a main determinant of recent mortality trends in Russia: evidence from a detailed analysis of mortality statistics and autopsies // International Journal of Epidemiology. 38: 143-53.

РОЖДАЕМОСТЬ В ПОВТОРНЫХ СОЮЗАХ В РОССИИ: ПОЗВОЛЯЕТ ЛИ ВСТУПЛЕНИЕ В НОВЫЙ СУПРУЖЕСКИЙ СОЮЗ ДОСТИЧЬ ИДЕАЛА ДВУХДЕТНОЙ СЕМЬИ?

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ¹, ЕЛЕНА ЧУРИЛОВА², ВИКТОР АГАДЖАНИЯН³

Быстрая деинституционализация семьи в развитых странах во второй половине XX века привела к тому, что в общественном сознании стали приемлемыми различные формы семьи, и, в частности, незарегистрированные сожительства стали широко распространенной формой супружеских союзов, дополняющих традиционный брак. Кроме того, наблюдается как рост вероятности распада первого брачно-партнерского союза, так и увеличение шансов вступления во второй и последующий союзы. Демографические последствия этих фундаментальных социальных сдвигов, в частности рождаемость в повторных союзах и ее вклад в итоговую рождаемость поколений, мало изучены в России. В данной статье для характеристики рождаемости в повторных союзах (браках и сожительствах) для послевоенных поколений россиян используются данные лонгитюдного исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», выполненного в рамках международного проекта ЕЭК ООН «Поколения и гендер». Статья вносит вклад в дискуссию о сохраняющемся идеале двухдетной модели семьи в Европе и показывает, в какой степени рождение детей в повторных союзах способствует поддержанию этого идеала в России.

Результаты проведенного исследования показывают, что повторные союзы играют важную роль в реализации репродуктивных установок. Вклад рождений в повторных союзах в общее число рождений непрерывно увеличивался в рассматриваемый период 1950-2009 гг. Вступление в повторный союз позволяет компенсировать дефицит рождений, возникающий на предразводной и послеразводной стадиях. Повторные союзы часто не регистрируются официально, однако, это не мешает супругам реализовывать свои репродуктивные намерения. Вступление в незарегистрированный повторный союз, так же, как и в зарегистрированный, повышает для женщины вероятность иметь двоих и более детей, тем самым обеспечивая возможность соответствовать социальной норме двухдетной семьи. Поэтому успешность поиска нового партнера для женщины репродуктивного возраста является ключевым фактором, определяющим число детей, которое она может родить.

Ключевые слова: брак, сожительство, повторные супружеские союзы, рождаемость, двухдетный идеал, поколения, выборочное исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проект ЕЭК ООН «Поколения и Гендер».

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия); ² Российская экономическая школа (Россия); ³ Университет Канзаса (США).

*E-mail: szakharov@hse.ru

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

В ИССЛЕДОВАНИИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОЕКТА №14-05-0055 «ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕМЕЙ И ПРОЦЕССОВ РОЖДАЕМОСТИ НА ДАННЫХ ВЫБОРОЧНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ» ПО КОНКУРСУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ НАУЧНО-УЧЕБНЫХ ГРУПП ПРОГРАММЫ «НАУЧНЫЙ ФОНД НИУ ВШЭ».

КОМПЕНСИРУЮЩАЯ РОЛЬ ПОВТОРНЫХ СОЮЗОВ

Быстрая деинституционализация семьи в развитых странах во второй половине XX века привела к тому, что в общественном сознании стали приемлемыми различные формы семьи, будь то традиционный брак, незарегистрированные сожительства, материнские семьи или LAT-партнерства¹ [Голод 1998; Гурко 2003; 2008].

В развитых странах наблюдается как увеличение вероятности распада первого брака, так и увеличение шансов вступления во второй и последующий союзы. С.И. Голод в свое время справедливо заметил, что: «Говоря общо, возникновение любых альтернатив можно рассматривать как вызов неравенству. По-видимому, в нашем конкретном случае неравноправие полов привело к прорыву самовыражения и как одному из его последствий – формированию альтернативных (классической моногамии) браков» [Голод 1998: 211].

Демографические последствия этих фундаментальных социальных сдвигов, в частности рождаемость в повторных союзах и ее вклад в итоговую рождаемость, мало изучены в России, что особенно очевидно на фоне нарастающего бума исследований данного вопроса за рубежом [Vikat et al. 1999; Prskawetz et al. 2003; Henz, Thomson 2004; Thomson et al. 2014; Kreyenfeld, Heintz-Martin 2015].

Как и в других развитых странах, в России вступление в повторный брачно-партнерский союз после распада первого широко распространилось в послевоенных поколениях. Такая тенденция отмечалась еще в работах В.А. Беловой, Л.Е. Дарского, М.С. Тольца и других исследователей в 1980-е годы [Тольц 1986b; Белова 1983; Белова, Дарский 1987; Вишневикий, Тольц 1988]. Складывающаяся ситуация была тогда подробно проанализирована в пионерной для отечественной демографии статье В.А. Беловой и Е.М. Моревой, опубликованной в 1988 г. и базирующейся на результатах анализа данных больших выборочных обследований ЦСУ СССР 1978 и 1981 гг. [Белова, Морева 1988].

Есть все основания утверждать, что в России от поколения к поколению происходило повышение вероятности развода, особенно в молодых репродуктивных возрастах, что увеличивало шансы на создание новой семьи и появление детей в них, и в первую очередь для женщины, даже при наличии у нее детей от предыдущего брака [Белова 1983; Белова, Дарский 1987]. Степень компенсации распавшихся браков повторными союзами росла не только за счет формальных, но, и даже в большей степени, за счет неформальных союзов, меньшая часть из которых когда-либо конвертируется в зарегистрированный брак [Захаров 2007a; 2007b; 2009]. В связи с тем, что демографическая роль устойчивых сожительства (неформальных, незарегистрированных, «бракоподобных» союзов совместно проживающих партнеров) сегодня очень велика и продолжает увеличиваться и не только для первых, но и еще более значимо для повторных союзов,

¹ LAT – “Live Apart Together” (“быть вместе, проживая раздельно”) – распространившееся с середины 1970-х годов в средствах массовой информации и в научной литературе понятие, призванное определять ситуации, в которых партнеры поддерживают устойчивые отношения, но не проживают совместно в одном домохозяйстве. Как правило, речь идет о партнерах, не состоящих в официальном браке, но это не обязательное условие. LAT-отношения для состоящих в зарегистрированном браке также возможны. В этих союзах также могут быть или не быть дети (см.: [Levin 2004]). «Гостевой брак» оказывается наиболее близким LAT и более распространенным понятием в отечественной литературе.

имеет смысл рассматривать первые и повторные союзы всех типов (формальных и неформальных) совместно и не ограничиваться только зарегистрированными браками.

Согласно нашим оценкам, основанным на данных выборочного лонгитюдного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)², половина мужчин и женщин среди тех, чей первый союз распался, вступили в новый брачно-партнерский союз в течение 3-5 лет после расставания с первым партнером; в течение 15 лет после окончания первого союза нашли нового партнера 80% мужчин и 70% и женщин [Захаров 2009]. По данным другого выборочного исследования, проведенного Росстатом, доля женщин, состоящих в повторном супружеском союзе, среди всех женщин, состоящих в союзах, составляет 12,2% среди 25-29-летних, 20% среди 30-34-летних и 27% среди женщин в возрасте 35-39 лет [Аналитический отчет... 2013].

Средний интервал времени между окончанием первого союза и началом второго непрерывно сокращается после Второй мировой войны: для первых союзов, распавшихся в 1950-х-1960-х годах, он составлял 5 лет, тогда как в настоящее время он равен 4 годам [Белова, Морева 1988; Захаров 2009].

Среди повторных союзов доля незарегистрированных (сожительства) продолжает увеличиваться: за последние десятилетия при сопоставимом общем уровне компенсации распада семьи новым союзом доля вступивших в неформальные союзы возросла в несколько раз. Так, среди женщин, разведенных в 1970-е годы, 50% вступили в официальный брак, а 12% - в неформальный союз. Среди женщин, разведенных в первой половине 1990-х годов, 30% живут в повторном официальном браке и еще 30% - в незарегистрированных сожительствах [Захаров 2009]. Согласно Выборочному наблюдению репродуктивных планов населения в 2012 г., для 42% женщин, вступивших в повторный брак после достижения 25-летнего возраста, этот брак является незарегистрированным. Регистрацию повторного супружеского союза, по данным того же исследования, считают обязательной 28,4% женщин и 24,6% мужчин, желательной – 53,9 и 49,3% женщин и мужчин соответственно, а нежелательной - 17,7 и 26,1%. При этом отношение к регистрации повторного брака не зависит от возраста [Аналитический отчет... 2013]. Сходное отношение к регистрации повторного брака фиксируют и локальные исследования [Архангельский 2005: 67-68].

² Обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ/RusGGS) является частью международного исследовательского проекта сравнительных исследований «Generations and Gender Programme» / «Программа поколения и гендер», координатором которого выступает Европейская экономическая комиссия ООН при поддержке международного консорциума научно-исследовательских центров (см: <http://www.unecsc.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>). Всего в России было проведено три волны опроса в 2004, 2007 и 2011 гг., в ходе каждой из которых было опрошено более 11 тыс. респондентов обоого пола в возрасте 18 лет и старше (панельная составляющая опрошенных повторно в 2007 и 2011 г. – более 7 тыс.), представляющих городское и сельское население 32 субъектов Российской Федерации, включая Москву и Санкт-Петербург. В России исследование РиДМиЖ/RusGGS координировалось Независимым институтом социальной политики/НИСП (Москва), директор программы – О.В. Сиянская, научный руководитель – С.В. Захаров. Полевая часть исследования проведена Независимой исследовательской группой «Демоскоп» (руководители - П.М. Козырева и М.С. Косолапов) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации, Научного Общества Макса Планка (Германия), Сбербанка и др. Дополнительную информацию о проекте, публикациях см: http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml.

Тенденция увеличения доли мужчин и женщин, вступающих в повторный союз после распада первого, имела следствием рост суммарного времени жизни в брачно-партнерских союзах [Захаров 2007а; 2007б], что, согласно исследованиям, выполненным на европейских данных, для женщин выражается в увеличении итоговой рождаемости [Beaujouan, Solaz, 2008; Thomson et al. 2009; Thomson et al. 2014].

Оценки, выполненные нами на данных трех волн РИДМИЖ (2004, 2007, 2011 гг.), показывают, что в России вероятность рождения второго ребенка в повторном союзе значительно не отличается от таковой в непрерывном первом союзе. Этот неординарный факт отечественные исследователи обнаружили еще три десятилетия назад, когда приоткрывалась завеса неизвестности в отношении российских тенденций рождаемости в повторных браках³: «В тех группах населения, где уже давно и стабильно существует низкий уровень рождаемости, женщины молодых возрастов, состоящие в повторном браке, родили к моменту обследования в среднем несколько больше детей, чем состоящие в 1-ом браке. Поскольку у этих женщин заметно выше вероятность рождения второго ребенка (что соответствует довольно часто встречающемуся в литературе предположению, что многие из женщин, вступающих в повторный брак, рожают второго ребенка, не откладывая), можно полагать, что в этих группах населения повторные браки стимулируют рождение второго ребенка. Однако даже в этих группах населения среднее ожидаемое число детей у женщин, состоящих в повторном браке, либо практически не отличается от среднего ожидаемого числа детей у женщин, состоящих в первом браке, либо немного ниже его» [Белова 1983: 15-16]. В более поздней обобщающей работе, основанной на тех же данных масштабных выборочных исследований ЦСУ СССР в 1978 и 1981 гг., В.А. Белова и Л.Е. Дарский приводят оценки итоговой рождаемости для женщин, состоящих в первых и в повторных браках к моменту опроса, отраженные в таблице 1.

Произведя сравнения в разрезе различных социально-демографических групп населения, авторы приходят к выводу, что в социальных и этнодемографических группах, характеризующихся низкой рождаемостью (в первую очередь среди городских жителей, лиц с высоким образованием), «влияние распада браков вследствие развода и овдовения на среднее число детей оказалось незначительным и зависящим от степени компенсации повторными браками разводов и овдовений» [Белова, Дарский 1987: 43].

³ В начале 1980-х годов В.А. Белова следующим образом описывала дискуссию среди специалистов: «В настоящее время существуют разные мнения по вопросу об уровне рождаемости в повторных браках. Одни исследователи считают, что те женщины, которые вступают в брак вторично, имеют в среднем меньше детей, чем состоящие в непрерывном первом браке, поскольку неизбежен перерыв в брачной жизни, а неудавшийся первый брак накладывает свой отпечаток на репродуктивное поведение женщины в повторном браке. Другое мнение прямо противоположно: повторные браки считаются стимулом к рождению еще одного ребенка от второго брака, а вместе с детьми, уже рожденными в первом браке, женщины, состоящие в повторном браке, имеют в среднем детей больше, чем женщины в первом браке» [Белова 1983: 15]. См. также: [Тольц 1986а: 49-53]. По сути, те же вопросы остаются в центре внимания и современных исследователей в России и за рубежом.

Таблица 1. Среднее число детей, рожденных женщинами, вступившими в первый брак в разные годы, в зависимости от того, состоят ли они в первом или в повторном браке к моменту опроса (по данным обследования ЦСУ СССР в 1981 г.)

Год вступления в первый брак	Состоят в браке:		Разница
	в первом	в повторном	
1945-1949	2,98	2,27	0,71
1950-1954	2,75	2,13	0,62
1955-1959	2,64	2,09	0,55
1960-1964	2,37	2,03	0,35
1965-1969	2,19	1,90	0,29
1970-1974	1,85	1,66	0,19
1975-1979	1,23	1,24	-0,01

Источник: [Белова, Дарский 1987: 40].

В современной России вступление в повторные союзы компенсирует половину распавшихся первых союзов. Вступление в повторный союз происходит в более короткие сроки, чем это было несколько десятилетий назад, и все чаще в границах репродуктивного возраста, что дает основание предполагать увеличение вероятности рождения ребенка в повторных союзах. Несмотря на возросшую нестабильность брачно-партнерских союзов и увеличившуюся вероятность их распада, средняя длительность периода, в течение которого возможна беременность и рождение ребенка (с учетом повторных союзов), не уменьшается и, более того, вообще мало менялась в женских поколениях 1930-1960-х годов рождения [Захаров 2007а; 2007б].

Таким образом, мы можем сформулировать следующие исследовательские гипотезы.

- Вероятность рождения ребенка в повторных союзах имеет тенденцию к увеличению.
- Вклад повторных союзов в рождения детей всех очередностей, особенно вторых и последующих, растет.
- Большинство рождений в повторных союзах будут с формальной точки зрения «внебрачными», т.е. рожденными партнерами, не состоящими в зарегистрированных браках.

В настоящей статье проанализирована рождаемость в повторных союзах на основе данных всех трех волн репрезентативного панельного исследования РИДМИЖ. Выборка каждой волны исследования содержит данные о более чем 11000 мужчинах и женщинах старше 18 лет, из них более 7000 респондентов были опрошены во всех трех волнах исследования. Для анализа данных из панельной части исследования отобрана подвыборка женщин 1930-1986 годов рождения (N=3693).

ИДЕАЛ ДВУХДЕТНОЙ СЕМЬИ СРЕДИ РОССИЯН СОХРАНЯЕТСЯ

Желаемое число детей в семье – число детей, которое индивид или семья хотели бы иметь при наличии всех необходимых для этого условий. Считается общепризнанным, что при всех ограничениях и недостатках этот индикатор наилучшим образом характеризует потенциал рождаемости на индивидуальном уровне, а в качестве средней величины для всего населения – социальную норму детности, подталкивающую индивида к реализации

репродуктивных установок [Архангельский 2005: 49-50; 2006: 54-59; Зверева 2012: 43-44; Günther, Harttgen 2016]. Показатель среднего желаемого числа детей на протяжении длительного периода времени, измеряемого несколькими десятилетиями, и для мужчин, и для женщин принимал значения, близкие к 2, и данная ситуация практически не отличается от ситуации в других развитых странах, где также распространен идеал двухдетной семьи [Thomson 2004; Testa 2012].

Согласно опросам ВЦИОМ, проводившимся на протяжении 1990-х годов, желаемое число детей в 1991 г. составляло 2,25, в 2000 г. - 2,12, а значимые возрастные различия мнений о желаемом числе детей в семье отсутствовали. Кроме того, не было различий в потенциальной рождаемости для состоящих в браке, разведенных и вдовых женщин [Бодрова 2002].

Среднее желаемое число детей по данным РИДМиЖ-2007 составило 2,06, по данным РИДМиЖ-2011 - 2,15 среди женщин и 2,18 среди мужчин, по данным исследования «Человек, семья, общество» в 2013 г. - 2,13 среди женщин и 2,09 среди мужчин [Тындик 2012; Малева, Тындик 2014].

Таблица 2. Распределение женщин 18-49 лет по желаемому числу детей, РИДМиЖ-2007, 2011, %

Число детей	Возраст, лет						
	18-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
<i>РИДМиЖ-2007</i>							
0	0,9	1,8	1,2	0,7	2,3	4,7	6,2
1	21,5	20,6	15,4	12,9	19,7	19,2	16,8
2	62,8	60,0	62,9	63,5	56,3	53,1	52,0
3	10,3	15,0	16,8	18,3	18,1	19,2	18,1
4 и более	4,5	2,7	3,7	4,5	3,5	3,9	6,8
Среднее желаемое число детей	1,99	1,99	2,07	2,15	2,02	2,01	2,10
<i>РИДМиЖ-2011</i>							
0	1,3	1,3	1,3	2,5	5,4	4,9	6,9
1	16,9	17,8	17,2	19,2	16,7	22,8	23,6
2	57,5	62,8	57,7	55,5	52,5	53,7	45,9
3	19,4	16,1	19,3	18,6	19,6	14,4	17,5
4 и более	5,0	2,0	4,5	4,3	5,7	4,1	6,1
Среднее желаемое число детей	2,08	2,00	2,11	2,06	2,04	1,91	1,92

Источник: расчеты авторов на основе полных выборок РИДМиЖ-2007, 2011, в которых вопрос о желаемом числе детей задавался идентичным образом.

Сравнение возрастного распределения женщин репродуктивного возраста по желаемому числу детей показывает, что возрастные различия мнений о желаемом числе детей минимальны (таблица 2). Вне зависимости от возрастной категории модальное значение желаемого числа детей в семье по мнению женщин равно 2. Среднее желаемое число детей у женщин разного возраста также близко к двум детям. Таким образом, двухдетная семья остается идеалом для россиян.

В какой мере россиянки следуют социальной норме, показывает рисунок, на котором представлены распределения матерей (женщин, родивших когда-либо одного ребенка) по итоговому числу рожденных детей для условных и реальных поколений к концу детородного периода. Панель, представляющая оценки для календарных лет (для условных поколений), дает ожидаемое распределение для женских поколений, входящих в

репродуктивный возраст (достигших 15 лет) в некотором календарном году, если на протяжении всего репродуктивного периода для них будет поддерживаться интенсивность рождений детей каждой очередности, наблюдаемая в этом году. Так, если бы рождаемость сохранялась неизменной на уровне первой половины 1980-х годов, то каждая вторая мать имела бы в итоге два рождения. С начала 1990-х годов ожидаемая доля двухдетных матерей установилась на уровне 40% (последние данные за 2014 г.). Панель, представляющая оценки для реальных поколений по году рождения женщин, дает более сглаженную, но в целом ту же картину. В поколениях, родившихся в начале 1960-х годов, фактическая доля матерей с итоговыми двумя рождениями была на уровне 50%, а в поколениях 1970-х и 1980-х годов рождения с высокой вероятностью можно ожидать 40%.

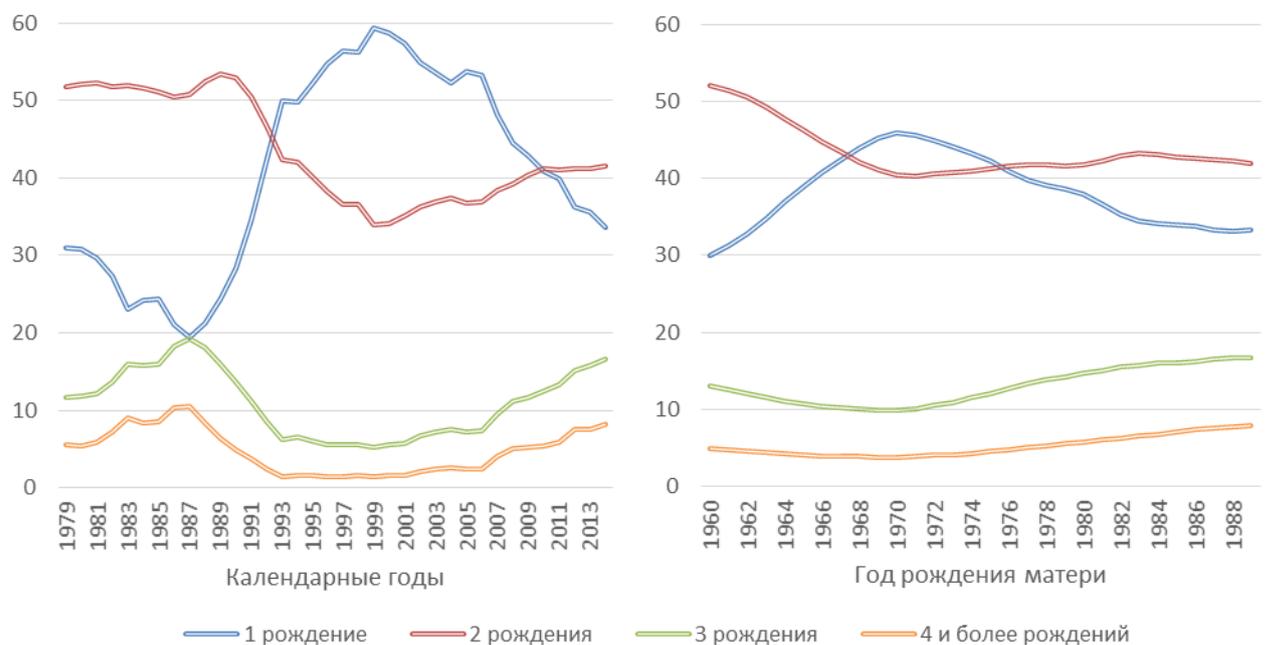

Рисунок 1. Распределение матерей (женщин, когда-либо родивших живого ребенка) по числу рожденных детей к возрасту 50 лет в России, %

Левая панель – распределение для условных поколений (календарных лет): 1979-2014 гг.

Правая панель – распределение для реальных поколений женщин 1960-1989 годов рождения: фактическое и экстраполированное для когорт, не достигших 50 лет.

Источник: Специальные таблицы рождаемости с учетом очередности рождения для условных и реальных поколений, построенные С.В. Захаровым на основе неопубликованных данных Росстата о ежегодных числах зарегистрированных рождений, распределенных по возрасту матери и очередности рождения.

Ожидаемые распределения по числу рожденных детей для условных поколений женщин, оцененные для 1990-х годов, давали основания усомниться, что в российском населении сохраняется двухдетный идеал семьи. Комментариям на тему перехода в России от двухдетного идеала к «однородному» и, возможно, к «бездетному» несть числа в те годы⁴.

⁴ См., например, материалы Круглого стола в Институте философии РАН (1998): [Борисов 2007: 658-682].

Действительно, ожидаемая доля окончательно однопородных матерей превысила 50% в 1990-х годах, в то время как ожидаемая доля двухдетных едва достигала 40%. Однако оценки для реальных поколений свидетельствуют, что двухдетный идеал для семьи в условиях социально-экономической нестабильности все-таки устоял, хотя и был сильно поколеблен фактическими результатами репродуктивной деятельности женщин, родившихся в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Среди них доля матерей, имевших только одно рождение, превысила 40% и даже стала чуть выше доли матерей с двумя рожденьями. Но в последующих поколениях доля матерей с двумя детьми вновь устойчиво доминирует над однопородными матерями.

Итак, не только в идеальных представлениях россиян господствуют предпочтения иметь двоих детей, но и на практике большинству женщин, создавших семью, удается следовать социальной норме, разделяемой большинством.

ВКЛАД ПОВТОРНЫХ СОЮЗОВ В РОЖДАЕМОСТЬ УВЕЛИЧИЛСЯ

Анализ панельных данных РИДМИЖ показывает, что вклад повторных союзов в рождения первой, второй и более высокой очередностей значительно увеличился. Если в середине 1950-х годов менее 2% от всех детей были рождены в повторном союзе, то в первом десятилетии XXI века уже каждый десятый первенец появился в повторном брачно-партнерском союзе, а среди рождений второй и третьей очередностей доля рождений в повторных союзах составила 24 и 43% соответственно (таблица 3).

Таблица 3. Доля рождений в первом и повторном союзе в общем числе рождений первой и более высоких очередностей по порядку и году рождения ребенка, %

Союз	Годы рождения детей					
	1950-1959	1960-1969	1970-1979	1980-1989	1990-1999	2000-2009
	<i>Рождения первой очередности</i>					
Первый	99,6	98,0	98,2	96,8	95,6	89,1
Повторный	0,4	2,0	1,8	3,2	4,4	10,9
	<i>Рождения второй очередности</i>					
Первый	98,6	93,7	88,9	87,9	81,1	75,9
Повторный	1,4	6,3	11,1	12,1	18,9	24,1
	<i>Рождения третьей очередности</i>					
Первый	100,0	93,2	77,1	73,5	75,0	57,1
Повторный	0,0	6,8	22,9	26,5	25,0	42,9

В анализ включены женщины 1930-1986 годов рождения.

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных РИДМИЖ-2004, 2007, 2011.

Рождения детей в повторном союзе были наименее распространены среди женщин из поколений 1930-1939 гг. (таблица 4). Однако женщины из этих поколений в большей степени, чем послевоенные поколения, столкнулись с ограничениями в бракоразводном законодательстве и возможностях регистрации ребенка, рожденного вне брака, по совместному заявлению вместе с отцом ребенка.

Рождения первенцев по-прежнему чаще происходят в первом брачно-партнерском союзе. Несмотря на то, что почти 7% первых детей у женщин из поколений 1980-1986 гг. рождения родились в повторном союзе и эта доля в 2 раза выше, чем у женщин 1950-х годов

рождения, говорить о высокой значимости вклада повторных союзов в рождения первой очередности пока оснований нет.

Таблица 4. Доля рождений в первом и повторном союзе по порядку рождения и поколениям женщин, %

Союз	Годы рождения женщин					
	1930-1939	1940-1949	1950-1959	1960-1969	1970-1979*	1980-1986*
	<i>Рождения первой очередности</i>					
Первый	97,9	97,7	96,3	97,5	95,6	93,1
Повторный	2,1	2,3	3,7	2,5	4,5	6,9
	<i>Рождения второй очередности</i>					
Первый	93,5	88,3	84,8	87,3	81,0	78,6
Повторный	6,5	11,7	15,2	12,7	19,0	21,4
	<i>Рождения третьей очередности</i>					
Первый	89,4	75,0	73,0	78,8	61,4	66,7
Повторный	10,6	25,0	27,0	21,2	38,6	33,3

* - предварительные оценки.

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных РИДМИЖ-2004, 2007, 2011.

В то же время вклад повторных союзов в рождаемость вторых и третьих детей в России постепенно становится все более существенным. Для всех поколений женщин 1940-1969 гг. характерна примерно одинаковая доля рождений детей второй и третьей очередности, появившихся на свет в повторных союзах (12-15% для вторых и 21-27% для третьих детей). В то время как для поколений женщин, родившихся в 1970-е и 1980-е годы, несмотря на то, что они еще не закончили свою репродуктивную биографию, следует ожидать значимо большую долю рождений вторых и третьих детей в повторных союзах. Согласно текущей оценке, вклад повторных союзов сегодня составляет более 21% от общего числа вторых и более 33% от всех третьих детей в России.

ВТОРЫЕ ДЕТИ ЧАЩЕ РОЖДАЮТСЯ В НЕФОРМАЛЬНЫХ СОЮЗАХ

Учитывая высокий процент незарегистрированных повторных браков, нами была выдвинута гипотеза о том, что вторые рождения чаще будут происходить в неформальных союзах. Эта гипотеза находит подтверждение на данных РИДМИЖ. За рассматриваемый период с 1950 до 2009 г. доля вторых рождений в первых незарегистрированных союзах увеличилась с 11 до 42%, т.е. приблизилась к половине от всех вторых рождений в первых союзах (таблица 5). Среди вторых рождений в повторных союзах уже давно большинство происходит в неформальных супружеских союзах, а не в официальном браке, и в настоящий момент вклад сожительства превышает 80% от общего числа детей второй очередности в повторных союзах.

Перспектива наступления беременности и рождения ребенка в повторном неформальном союзе усиливает мотивацию заключить официальный брак между партнерами, однако, по-видимому, традиционная нормативная обязательность легализации супружеских отношений в российском обществе даже в этом случае разделяется далеко не всеми. По данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 г. 28,2% женщин, состоящих в повторном супружеском союзе, не намерены регистрировать брак, если у них наступит беременность, и 22,9% не будут регистрировать брак, даже если

у них родится ребенок [Аналитический отчет... 2013]. По сравнению с долей респондентов, считающих регистрацию повторного союза обязательной процедурой в общем случае (см. данные, приведенные выше), отличия минимальны. В современном обществе деторождение, очередность супружеского союза и степень его легитимности не обладают жесткой сцепленностью и взаимной детерминированностью. В то же время можно ожидать, что, чем большую распространенность будут приобретать устойчивые неформальные союзы, тем больше будет доля детей, рожденных в таких союзах. Причем для вторых по очередности детей у матери, рожденных в ее повторном союзе, шансы появиться на свет у родителей, состоящих в официальном браке, существенно ниже, чем в супружеском союзе, основанном на неформальных отношениях.

Таблица 5. Распределение вторых рождений по году, типу и очередности союза у матери, %

Тип союза	Годы рождения детей					
	1950-1959	1960-1969	1970-1979	1980-1989	1990-1999	2000-2009
<i>Первые союзы</i>						
Брак	88,6	79,1	76,9	78,0	70,3	58,1
Незарегистрированный союз	11,4	20,9	23,1	22,0	29,7	41,9
<i>Повторные союзы</i>						
Брак	100,0	23,5	38,1	39,2	22,7	17,0
Незарегистрированный союз	0,0	76,5	61,9	60,8	77,3	83,0

В анализ включены женщины 1930-1986 годов рождения.

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных РИДМЖ-2004, 2007, 2011.

ВКЛАД ПОВТОРНЫХ СОЮЗОВ В ИТОГОВУЮ РОЖДАЕМОСТЬ ЖЕНЩИН С РАЗЛИЧНЫМ ОПЫТОМ БРАЧНО-ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Анализ накопленной итоговой рождаемости женщины к определенному возрасту показывает, что систематических отличий и значимой разницы по среднему числу детей, рожденных женщиной к возрасту 40 лет, между состоящими в непрерывном брачно-партнерском союзе и состоящими в повторном союзе нет (таблицы 6, 7). Непрерывность супружеского союза не является непременным условием для реализации женщиной своих репродуктивных намерений и идеала двухдетной семьи.

Итоговая рождаемость женщин поколений 1930-1969 гг., состоявших до возраста 40 лет в непрерывном брачно-партнерском союзе, по своим значениям близка к идеалу двухдетной семьи (таблица 7).

Распад супружеского союза в случае вступления женщины в новый брачно-партнерский союз во всех рассматриваемых поколениях женщин, кроме поколений 1930-1939 гг. рождения, не снижал ее шансы на рождение такого же числа детей, какое у нее было бы в случае прекращения первого супружеского союза. Итоговая рождаемость женщин из поколений 1930-1939 гг. разошедшихся с партнером и вступивших в повторный союз, тем не менее значимо меньше, чем итоговое число рождений на 1 женщину, состоящую в непрерывном супружеском союзе. Это может быть связано с меньшими шансами женщин из этих поколений вступить в повторный союз, и, как следствие, более низкой вероятностью родить ребенка в повторном союзе.

Таблица 6. Накопленная итоговая рождаемость к возрасту женщины 25, 30, 35 и 40 лет по поколениям женщин и очередности союза рождения второго ребенка, среднее число рождений на одну женщину

Годы рождения женщин	К возрасту 25 лет	К возрасту 30 лет	К возрасту 35 лет	К возрасту 40 лет
<i>Второй ребенок рожден в непрерывном первом союзе</i>				
1930-1939	0,96	1,58	1,91	2,02
1940-1949	0,89	1,55	1,85	1,91
1950-1959	0,97	1,59	1,90	1,97
1960-1969	1,20	1,70	1,86	1,92
1970-1979	1,12	1,49		
1980-1986	1,01			
<i>Второй ребенок рожден в повторном союзе</i>				
1930-1939	0,93	1,50	1,84	2,01
1940-1949	1,07	1,61	2,02	2,19
1950-1959	1,11	1,58	1,97	2,11
1960-1969	1,20	1,59	1,72	1,83
1970-1979	1,18	1,53		
1980-1986	1,53			

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных РИДМИЖ-2004, 2007, 2011.

Таблица 7. Итоговая рождаемость женщин 1930-1969 годов рождения к возрасту 40 лет в зависимости от их брачно-партнерской истории, среднее число рождений на одну женщину

Брачно-партнерская история	Годы рождения женщин			
	1930-1939	1940-1949	1950-1959	1960-1969
<i>Первый ребенок рожден в первом брачно-партнерском союзе</i>				
Непрерывный брачно-партнерский союз до возраста 40 лет	2,00	1,90	1,94	1,88
Первый брачно-партнерский союз распался, женщина вступила в новый брачно-партнерский союз	1,77	2,25	2,13	1,82
Первый брачно-партнерский союз распался, женщина не вступила в новый брачно-партнерский союз	1,79	1,72	1,64	1,57
<i>Первый ребенок рожден вне брачно-партнерского союза</i>				
Женщина вступила в брачно-партнерский союз	2,54	2,09	2,07	1,81
Женщина не вступила в брачно-партнерский союз	2,03	1,70	1,73	1,51

Источник: расчеты авторов на основе панельных данных РИДМИЖ-2004, 2007, 2011.

Рождение первенца вне брачно-партнерского союза для этих же поколений женщин не означало снижения их шансов на двухдетную семью. Примечательно, что идеала двухдетной семьи в этом случае достигали как матери внебрачных детей, которые вступили впоследствии в брачно-партнерский союз, так и те, кому не удалось создать супружеский союз.

Матери, рожденные в 1940-х, 1950-х годах и имевшие опыт пребывания в нескольких союзах, в итоге родили в среднем большее число детей, чем женщины из этих же поколений, состоявшие в непрерывном супружеском союзе. Для поколений женщин 1960-х годов рождения статистически значимых различий в итоговом числе детей между состоявшими в непрерывном супружеском союзе и вступившими в повторный союз не обнаружено.

Для поколений женщин 1940-1969 гг., которые не смогли после распада первого союза или рождения ребенка вне брачно-партнерского союза вступить в супружеский союз, итоговое число рожденных детей в среднем меньше на 0,2-0,3 ребенка на женщину, и это

различие статистически значимо. Отметим также, что итоговая рождаемость женщин, переживших распад первого союза и не вступивших в повторный союз, статистически не отличается от рождаемости женщин, родивших первенца вне супружеского союза. Это означает, что неудача в поиске партнера сделала идеал двухдетной семьи для женщин из этих поколений труднодостижимым.

Выводы

Таким образом, повторные союзы играют важную роль в реализации репродуктивных установок. Вступление в повторный союз позволяет компенсировать не только распад первого союза с точки зрения общего времени, проведенного в статусе супруга/супруги в течение всей жизни, но и компенсировать дефицит рождений, который образуется у индивидов, пребывающих в предразводном или послеразводном состоянии. Повторные союзы часто официально не регистрируются, однако это обстоятельство не мешает супругам реализовывать свои репродуктивные намерения. Вступление в незарегистрированный повторный союз, так же, как и в зарегистрированный, повышает для женщины вероятность иметь двоих и последующих детей, тем самым обеспечивая возможность соответствовать социальной норме, при которой стремление к идеалу двухдетной семьи высоко значимо. Однако успешность поиска нового партнера для женщины репродуктивного возраста является ключевым фактором, определяющим то число детей, которое она может родить.

Вклад рождений в повторных союзах в общее число рождений непрерывно увеличивался в рассматриваемый период между 1950-2009 гг. Проведенный анализ показал, что существуют значительные различия между поколениями женщин в возможностях достижения ими идеала двухдетной семьи после распада повторного союза. Но остается открытым вопрос, какие факторы, а также демографические и социально-экономические характеристики обоих партнеров во вновь образовавшемся супружеском союзе влияют на вероятность рождения ребенка в этом союзе.

ЛИТЕРАТУРА

- Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (2013). М.: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (дата обращения 10.02.2016).
- Архангельский В.Н. (2005). II.1. Репродуктивные ориентации. II.2 Матримониальные ориентации // В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров, Н.В. Зверева, Л.Ю. Иванова. Демографическое поведение и его детерминация (по результатам социолого-демографического исследования в Новгородской области). М.: ТЕИС: 49-72.
- (2006). Факторы рождаемости. М.: ТЕИС.
- Белова В., Л. Дарский (1987). Рождаемость в повторных браках: По материалам выборочных обследований // Вестник статистики. №7: 35-43.
- Белова В.А. (1983). Повторные браки и рождаемость // Социальный и демографический аспекты исследования брака, семьи и репродуктивных установок. Всесоюзная научная

- конференция «Доходы и потребление семей». 30 мая – 2 июня 1983. Тезисы докладов. Ереван: 13-14.
- Белова В.А., Е.М. Морева (1988). Повторные браки женщин: ситуация и факторы //Методология демографического прогноза / Отв. ред. А.Г. Волков. М.: Наука:100-117.
- Бодрова В. (2002). Сколько детей хотят иметь россияне? // Демоскоп Weekly. №81-82. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema03.php> (дата обращения: 10.02.2016).
- Борисов В.А. (2007). Демографическая дезорганизация России: 1897-2007 // Избранные демографические труды / Редактор-составитель А.И. Антонов. М.: “NOTA BENE”.
- Вишневский А.Г., М.С. Тольц (1988). Эволюция брачности и рождаемости в советский период //Население СССР за 70 лет / Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука: 75-114.
- Голод С.И. (1998). Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб: ТОО ТК «Петрополис».
- Гурко Т.А. (2003). Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей.
- (2008). Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН.
- Захаров С.В. (2007а). Новейшие тенденции формирования семьи в России //Мир России. Т.XVI. №4: 73-112.
- (2007b). Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? //Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. / Научн. ред. Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП: 75-126.
- (2009). Браки и разводы // Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Зверева Н.В. (2012). Уровень жизни семьи как общее условие детерминации демографических процессов //Детерминация демографических процессов. Сб. статей / Под ред. Н.В. Зверевой, В.Н. Архангельского. М.: МАКС Пресс: 30-57.
- Малева Т.М., А.О. Тындик (2014). Потенциал роста рождаемости в Москве // Демоскоп Weekly. №585-586. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0585/tema01.php> (дата обращения: 10.02.2016).
- Тольц М.С. (1986а). Демографический анализ брачности: проблемы, методы, интерпретация результатов // Методы исследования /Рук. авт. кол. А.Г. Вишневский. М.: Мысль: 79-95.
- (1986b). Взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / Рук. авт. кол. А.И. Антонов. М.: Мысль: 39-53.
- Тындик А.О. (2012). Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. №16 (Весна-лето): 95-112.
- Beaujouan E., A. Solaz (2008). Childbearing after separation: do second unions make up for missing births? Evidence from France. Documents de travail. №155. Paris: INED.
- Güntter I., K. Harttgen (2016). Desired fertility and number of children born across time and space // Demography. 53(1): 55-83.
- Henz U., E. Thomson (2005). Union stability and stepfamily fertility in Austria, Finland, France and West Germany //European Journal of Population. 21: 3-29.

- Kreyenfeld M., V. Heintz-Martin (2015). Fertility after separation: second births in higher order unions in Germany // Family and Societies Working Paper Series 'Changing families and sustainable societies: Policy contexts and diversity over the life course and across generations'. №28.
- Levin I. (2004). Living apart together: a new family form // Current Sociology. 52(2): 223–240
- Prskawetz A., A. Vikat, D. Philipov, H. Engelhardt (2003). Pathways to stepfamily formation in Europe: results from the FFS // Demographic Research. 8: 107-150.
- Testa M.R. (2012). Family sizes in Europe: evidence from the 2011 Eurobarometer Survey. // European Demographic Research Papers. №2. Vienna Institute of Demography.
- Thomson E. (2004). Step-families and childbearing desires in Europe //Demographic Research (Special Collection 3): 117-134.
- Thomson E., M. Winkler-Dworak, M. Spielauer, A. Prskawetz (2009). Union instability as an engine of fertility? A micro-simulation model for France // Working Papers. №2. Vienna Institute of Demography.
- Thomson E., T. Lappegård, M. Carlson, A. Evans, E. Gray (2014). Childbearing across partnerships in Australia, the Unites States, Norway and Sweden // Demography. 51: 485-508.
- Vikat A., E. Thomson, J.M. Hoem (1999). Stepfamily fertility in contemporary Sweden: the impact of childbearing before the current union //Population Studies. 53: 211-225.

FERTILITY IN HIGHER-ORDER MARITAL UNIONS IN RUSSIA: DOES A NEW PARTNERSHIP ALLOW FOR THE REALIZATION OF THE TWO-CHILD IDEAL?

SERGEI ZAKHAROV^{1, *}, ELENA CHURILOVA², VICTOR AGADJANIAN³

The rapid deinstitutionalization of lifetime marriage in developed countries in the second half of the 20th century has resulted in increased proliferation and acceptability of diverse forms of marital unions. On the one hand, all developed countries have seen rising risks of dissolution of first marriages; on the other hand, this trend has been partly compensated by increases in second and subsequent unions. The demographic consequences of these fundamental social shifts in Russia have not yet been well studied. In particular, the contribution of higher-order unions to completed cohort fertility has not been adequately addressed, especially outside western settings. In this article, recent data from the longitudinal Generations and Gender Survey conducted in the Russian Federation were used to examine fertility in higher-order unions (marriages and cohabitations) among the post-war generations. The article contributes to the debate on the persistence of the two-child ideal in contemporary Europe by demonstrating how childbearing in higher-order unions corresponds to or deviates from this ideal in Russia.

The results of the study show that higher-order unions play an important role in fulfilling reproductive aspirations. The contribution of births in such unions to the total number of births rose continuously during the observation period of 1950-2009. Entering a higher-order union makes it possible to compensate for the deficit of births that occurs at the pre-divorce and post-divorce stages. Although higher-order unions often are not registered officially, this does not prevent partners from carrying out their reproductive intentions. Entry into a higher-order union, whether registered or not, increases the probability that a woman will have two or more children, thus offering the possibility to conform to the social norm of the two-child family. However, for divorced women of reproductive age, success in finding a new partner remains a key factor determining the number of children they have.

Key words: marriage, cohabitation, higher-order unions, fertility, two-child ideal, Russian Generations and Gender Survey, UNECE Generation and Gender Project.

REFERENCES

Analiticheskii otchet po itogam vyborochnogo nabludeniya reproductivnykh planov naselenia [Analytical report on the results of the sample survey of the reproductive plans of population] (2013). Moscow: Federalnaya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal state statistics service]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (accessed: 10.02.2016).

¹ NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA); ² NEW ECONOMIC SCHOOL (RUSSIA); ³ UNIVERSITY OF KANSAS (USA).

* Correspondence: szakharov@hse.ru

DATE RECEIVED: December 2015.

THE PAPER WAS PREPARED WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ACADEMIC FUND PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2014-2015 (GRANT NO14-05-0054 "STUDYING OF THE DYNAMICS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF FAMILIES AND FERTILITY USING DATA OF SELECTIVE SURVEYS") AND SUPPORTED WITHIN THE FRAMEWORK OF A SUBSIDY GRANTED TO THE HSE BY THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE GLOBAL COMPETITIVENESS PROGRAM.

- Arkhangelsky V.N. (2005). II.1.Reproductivnye orientaci. II.2 Matrimonialnye orientacii [II.1. Reproductive attitudes. II.2 Matrimonial attitudes] // V.N. Arkhangelsky, V.V. Elizarov, N.V. Zvereva, L.Yu. Ivanova. Demographicheskoe povedenie i ego determinacia (po rezultatam sociologo-demograficheskogo issledovaniya v Novgorodskoi oblasti) [Demographic behavior and its determination]. Moscow: TEIS: 49-72.
- (2006). Faktory rozhdaemosti [Factors of fertility]. Moscow: TEIS.
- Beaujouan E., A. Solaz (2008). Childbearing after separation: do second unions make up for missing births? Evidence from France. Documents de travail. №155. Paris: INED.
- Belova V., L. Darsky (1987). Rozhdaemost' v povtornykh brakakh [Fertility in higher order marriages]: Results of sample surveys // Vestnik statistiki [Herald of Statistics]. №7: 35-43.
- Belova V.A. (1983). Povtornye braki i rozhdaemost' [Remarriages and fertility] //Socialnyi i demograficheskii aspekty issledovaniya braka, sem'i i reproductivnykh ustanovok. Vsesouznaya nauchnaya konferencia «Dokhody i potreblenie semei» [Social and demographic aspects of study of marriage, family and reproductive attitudes. All-union scientific conference 'Income and family consumption']. 30 May – 2 June. Abstracts of papers. Erevan: 13-14.
- Belova V.A., E.M. Moreva (1988). Povtornye braki zhenshin: situatsia i faktory [Higher order marriages of women: situation and factors] //Metodologia demograficheskogo prognoza [Methodology of demographic projections] / A.G.Volkov, ed. Moscow: Nauka: 100-117.
- Bodrova V. (2002). Skolko detei khotyat imet' rossiane [How many children do Russians want ?] // Demoscope Weekly. №81-82. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema03.php> (accessed: 10.02.2016).
- Borisov V.A. (2007). Demograficheskaya dezorganizatsia Rossii: 1897-2007 [Demographic disorganization of Russia: 1897-2007]. Selected demographic publications. Ed. and compiled by A.I. Antonov. Moscow: "NOTA BENE".
- Golod S.I. (1998). Sem'a i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint Petersburg: TOO TK «Petropolis».
- Güntter I., K. Harttgen (2016). Desired fertility and number of children born across time and space // Demography. 53(1): 55-83.
- Gurko T.A. (2003). Roditelstvo: sociologicheskie aspekty [Parenthood: sociological aspects]. Moscow: Tcentr obshechelovecheskikh tcennostei.
- (2008). Brak i roditelstvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]. Moscow: RAS Institute of Sociology.
- Henz U., E. Thomson (2005). Union stability and stepfamily fertility in Austria, Finland, France and West Germany // European Journal of Population. 21: 3-29.
- Kreyenfeld M., V. Heintz-Martin (2015). Fertility after separation: second births in higher order unions in Germany. Family and Societies Working Paper Series 'Changing families and sustainable societies: Policy contexts and diversity over the life course and across generations'. №28.
- Levin I. (2004). Living apart together: a new family form //Current Sociology. 52(2): 223–240.
- Maleva T.M., A.O. Tyndik (2014). Potencial rosta rozhdaemosti v Moskve [The potential for increasing fertility in Moscow] // Demoscope Weekly. №585-586. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0585/tema01.php> (accessed: 10.02.2016).

- Prskawetz A., A. Vikat, D. Philipov, H. Engelhardt (2003). Pathways to stepfamily formation in Europe: results from the FFS //Demographic Research. 8: 107-150.
- Testa M.R. (2012). Family sizes in Europe: evidence from the 2011 Eurobarometer Survey. 2012. European Demographic Research Papers. №2. Vienna Institute of Demography.
- Thomson E. (2004). Step-families and childbearing desires in Europe //Demographic Research (Special Collection 3): 117-134.
- Thomson E., M. Winkler-Dworak, M. Spielauer, A. Prskawetz (2009). Union instability as an engine of fertility? A micro-simulation model for France. Working Papers. № 2. Vienna Institute of Demography.
- Thomson E., T. Lappegård, M. Carlson, A. Evans, E. Gray (2014). Childbearing across partnerships in Australia, the Unites States, Norway and Sweden //Demography. 51: 485-508.
- Tolts M.S. (1986a). Demograficheskii analiz brachnosti: problemy, metody, interpretacia rezultatov [Demographic analysis of nuptiality: problems, methods, interpretation of results] // Metody issledovaniia [Research methods] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Mysl': 79-95.
- (1986b). Vzaimosvyaz' brachnogo i reproductivnogo povedeniia [Relationship between matrimonial and reproductive behaviors] //Detnost' sem'i: vchera, segodnya, zavtra [Number of children in a family: yesterday, today, and tomorrow] / A.I. Antonov, ed. Moscow: Mysl': 39-53.
- Tyndik A.O. (2012). Reproductivnye ustanovki naseleniia v sovremennoi Rossii [Reproductive attitudes of population in contemporary Russia] // SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Overviews. №16 (Spring-Summer): 95-112.
- Vikat A., E. Thomson, J.M. Hoem (1999). Stepfamily fertility in contemporary Sweden: the impact of childbearing before the current union // Population Studies. 53: 211-225.
- Vishnevsky A.G., M.S. Tolts (1988). Evolutcia brachnosti i rozhdaemosti v sovetskii period [Evolution of nuptiality and fertility in the Soviet period] //Naselenie SSSR za 70 let [Population of the USSR for 70 years] / L.L. Rybakovsky, ed. Moscow: Nauka: 75-114.
- Zakharov S.V. (2007a). Noveishie tendentsii formirovaniia sem'i v Rossii [New tendencies in family formation in Russia] //Mir Rossii (Universe of Russia). Vol.XVI (4): 73-112.
- (2007b). Transformatsiia brachno-partnerskikh otnoshenii v Rossii: 'zolotoi vek' traditsionnogo braka blizitcya k zakatu? [Transformation of partnerships in Russia: is the 'golden age' of marriage coming to the end?] // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshiny v sem'e i obshetsve [Parents and Children, Men and Women in Family and Society]. Issue 1/ T.M.Maleva, O.V.Sinyavskaya, eds. Moscow: Independent Institute for Social Policy: 75-126.
- (2009). Braki i razvody [Marriages and divorces] //Naselenie Rossii 2007 [Population of Russia 2007]: fifteenth annual analytical report / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: HSE Publishing House.
- Zvereva N.V. (2012). Uroven' zhizni sem'i kak obshee uslovie determinatsii demograficheskikh protsessov [Living standards of family as a general condition for demographic process] // Determinatsiia demograficheskikh protsessov [Determination of demographic process] / N.V.Zvereva, V.N.Arkhangel'sky, ed. Moscow: MAKS Press: 30-57.

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОЙ КОНТИНУУМ: СУДЬБА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЕГО СВЯЗЬ С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ

АНДРЕЙ ТРЕЙВИШ¹,*

Статья посвящена эволюции, схемам и сферам приложения идеи сельско-городского континуума, разнообразию его пространственных и отчасти исторических форм, их типам и свойствам. Эту идею часто определяют от противоположного, противопоставляя ее антиномии города и села, их резкому разделу, территориальному и социальному. Автору представляется, что сельско-городской континуум (континуумы) служит синонимом расселения, понимаемого как сплошное поле, которое можно исследовать в разном масштабе, при разной пропорции города и села. Из обзора графических схем вытекает вывод, что разные версии комплементарны, отражая эволюционную, полимасштабную и градуальную природу континуума. Анализ избранного западного и российского опыта завершён попыткой типизации континуумов по основным регионам России. Сложность и неоднородность нарастают от локального полусельского типа к межрегиональному мегагородскому с интерференцией разных континуальных полей. Мобильность населения в континуумах иллюстрируют примерные расчеты ее параметров по Москве и России. Эта мобильность делает расселение не только континуальным, но и пульсирующим. В заключении кратко изложены проблемы управления, которому по ряду причин трудно усвоить саму идею континуума.

Ключевые слова: сельско-городской, локальный (народно-городской) континуум, расселение, образ жизни, пространственная мобильность, агломерация, мегалополис (мегарегион).

ВВЕДЕНИЕ

Социальные явления, как известно, существуют во времени и пространстве. Вся сопряженная философия автору статьи не по зубам, но разговор о сельско-городском континууме ему хочется начать с понимания пространства в гуманитарных науках. Оно варьируется от условно-метафорического до конкретно-географического.

¹ ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (РОССИЯ).

* E-mail: trene12@yandex.ru

Статья поступила в редакцию в ноябре 2015 г.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083 «ГЕОГРАФИЯ ВОЗВРАТНОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОМ КОНТИНУУМЕ») в ИНСТИТУТЕ ГЕОГРАФИИ РАН.

Первое характерно для «социальных пространств» Э. Дюркгейма, М. Фуко, Т. Парсонса, П. Бурдьё. В их многомерных пространствах практик, процессов, отношений земное «физическое» измерение второстепенно или отсутствует. Мотивы поясняет А.Ф. Филиппов [2008]. Очевидность того факта, что люди действуют в пространстве и времени, он считает обманчивой. Если в пространстве находится действующий человек, то отсюда еще не следует, что в пространстве находится его действие. Аргументы часто облечены в форму вопросов. Что мы скажем о театральной труппе, которая не имеет постоянной сцены, а кочует из театра в театр, из города в город? Как быть с семьей, члены которой в силу обстоятельств оказались вдалеке друг от друга, но не прерывают отношений? Вывод: пространство не является всеобщей формой совершения социальных событий, и мэтры понимали его не буквально, а иносказательно.

Другие ученые погружали жизнь человека и общества в далекое от аллегорий земное пространство-время. К ним можно отнести О. Конта, Г. Спенсера, М. Вебера, Г. Зиммеля, классиков марксизма, не говоря о геодетерминистах Ж. Бодене, И. Гердере, Ш. Монтестье и современных специалистах по социально-экономической географии, региональной экономике, социологии, демографии. Они скажут, что специфику кочующей труппы и разделенной семьи как институтов создают именно пространственно-временные параметры. Впрочем, эти специалисты могут трактовать пространство двояко. Как среду развития общества, независимую переменную Эвклида и Ньютона, особенно если это природный слой геосферы, существовавший до людей и способный обойтись без них. Или как особое социальное геопространство, формируемое ходом и результатами развития, что ближе к пространству Декарта и Лейбница.

Конкретно-научный дискурс обычно обходит эти тонкости, вникая зато в другие. Так, сети расселения людей на той или иной территории допустимо считать средой их жизни, протекания демографических и прочих процессов либо плодом последних. Это не снимает вопросов о том, каковы движущие силы, тренды и формы расселения, образует ли оно системы, некие сплошные поля или состоит из дискретных ячеек, а также о типах и масштабах занятых последними ареалов.

Идея сельско-городского континуума по определению отстаивает континуальный подход к расселению в противовес дискретному. Диалектика этих качеств важна не только для философии или, скажем, физики (квантово-волновой дуализм и др.), но и для наук социальных, и для общества как такового. При неделимости своей элементарной частицы (человека) оно может пониматься как всемирное ноосферное поле или как набор условно автономных сообществ. Впрочем, крайние позиции обычно ведут в тупик.

Когда и где возникла мысль о сельско-городском континууме (кратко СГК), как она менялась со временем, где и для чего применима? На эти вопросы автор пытается дать в статье хотя бы приблизительные ответы.

ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ И СУТЬ ИДЕИ СГК

Во взглядах на город и деревню долго преобладал дискретно-дихотомический и контрарный подход. Кстати, контрарность как логическое отношение требует наличия

общего гиперонима, объединяющего понятия. Видимо, в данном случае это человеческое поселение, населенное место или местность. Проблема их разграничения знакома археологам: раскоп не всегда определим как городище, селище, участок поля или огорода. Город веками противопоставляли деревне и в то же время выдвигали идеи устранения противоположности между ними, что в СССР вылилось в лозунг «стирания граней». Но эти грани, в том числе нормативные, не исчезали, а «смычка» шла универсальными путями урбанизации, подчинения деревни городу, физического поглощения им или переходной зоной пригородов. Сельские жители вовлекались в его трудовую, культурно-бытовую орбиту, а горожан тянуло «к природе»: туризму, аграрно-рекреационным (садово-дачным) владениям и занятиям. В общем, крепло единение города и села, отражаемое понятием СГК и облегчаемое ростом пространственной мобильности людей.

Исторический тренд этого роста американский географ У. Зелински более 40 лет назад положил в основу гипотезы миграционного (мобильного) перехода [Zelinsky 1971]. Вдохновленный набиравшей вес теорией демографического перехода, раскрывшей законы эволюции естественного воспроизводства населения, он искал закономерные стадии его механического движения, модернизации пространственного поведения. Современный английский автор Дж. Урри [2012] уже занят разработкой «социологии мобильности» для XXI века. Но о мобильности позже.

Временем оформления европейского урбанизма и антиурбанизма считают середину XIX века [Горнова 2011], хотя восторг пополам с ужасом от деревни и, еще чаще, от города куда старше. Вспомним о теории и практике средневекового отшельничества, о социальном утопизме, учении физиократов (Ф. Кенэ, А. Тюрго) и руссоистских идиллиях XVIII века. Критики и яркие апологеты города (Р. Флорида, Э. Глейзер) активны и сейчас. Антиномию города и деревни современная наука часто трактует как вариант более общей центропериферийной.

На рубеже XX века западная урбанизация, казалось, довела противоречия до предела. Первым их пытался устранить британский теоретик градостроительства Э. Ховард. Его схема трех магнитов из книг 1898 и 1902 г. [Howard 1902] вкратце такова. Город притягивает своими возможностями, но дорог, тесен, грязен и контрастен. У села нет этих пороков, но там мало денег, занятий, общения и развлечений. Выход – «градодеревня», она же город-сад, где совмещены «магнитические» плюсы. На практике все это вылилось в новые города-спутники европейских столиц и в безудержное расползание американских пригородов с их моторизованным населением. Ховарда часто считают утопистом, но его можно назвать и прямым предтечей идеи СГК.

Она возникла на рубеже 1930-х годов у чикагских социологов и антропологов. П.А. Сорокин и К. Циммерман, исходя из идеальных города и деревни и гаммы переходов между ними (в любой общине есть признаки обоих) по числу, плотности и мобильности жителей, их отношениям, занятиям и т.д., вплотную подошли к идее континуума [Sorokin, Zimmerman 1929]. Р. Редфилд нашел в одной общине – Тепостлан в 30 милях к югу от Мехико – пример народно-городского (folk-urban) континуума, где традиционный уклад переплетался с промышленно-городским [Redfield 1930]. Впоследствии за явлением все-таки закрепился термин СГК (rural-urban continuum).

Обычно СГК определяют от противного: как неприятие полярности города и села, их резкого территориального и социального раздела. Эти два «нераздела» дополняют друг друга так же, как континуальные и дискретные построения. На условную континуальность может претендовать типология, а ее объекты – оставаться пространственно дискретными. Или наоборот, ведь эти категории дополнительные. По словам В.В. Пациорковского [2010: 29], сама непрерывность СГК, данная нам в конкретном пространстве и времени, воспринимается как конечное, прерывное отношение. Отсюда вообще-то должно вытекать признание множественности СГК, различающихся по пространственным и населенческим масштабам, строению, характеру связей.

Судьба идеи (думается, она не стала теорией: идеальный объект, один из признаков теории, налицо, но его свойства довольно расплывчаты) сложилась неодинаково в разных отраслях знания. Социологи и культурологи в пору своего увлечения СГК сопрягали его с общинным *Gemeinschaft* и общественным *Gesellschaft* (по Ф. Теннису) сплочением, стратификацией, модерном и традицией, образом жизни, вертикальной и горизонтальной мобильностью. С чем только не сопрягали!

В середине XX века идею уже критиковали. В том числе за ее неуместность на фоне кризиса сельских общин и фермерства под натиском промышленно-городского бизнеса и технологий [Miner 1952] или на том основании, что ни она, ни различия города и села не важны, если это одна и та же цивилизация [Dewey 1960]. К XXI веку макросоциологи охладели к идее СГК из-за стирания сельско-городских контрастов: в «мировой деревне» выросли города-гиганты, а в «мировом городе» не стало традиционной деревни.

Вряд ли это верно для всей планеты, где доля горожан едва превысила 1/2. А если верно, то скорее повышает роль СГК-подхода к сложным, интегральным формам расселения, когда грани порой и впрямь так размыты, что у любого пункта есть признаки антипода. Поэтому СГК интересен географам, планировщикам и всем тем, кто изучает расселение. Здесь у него свои идейные спутники, такие как эволюционные и центропериферийные модели. Но СГК – не стадия и не таксон расселения, скорее это синоним расселения в целом, понимаемого как непрерывное поле в разных масштабах, с разной долей города и села. СГК не устраняет их роли в жизни людей и разделении труда, причем село, главный агент агрофеодалного расселения, становится затем ведомым городом. В таком виде это не столько идеально-проектный конструкт, сколько форма представления реальности, что не отменяет спроса на ее модели и схемы.

АБСТРАКТНЫЕ И КОНКРЕТНЫЕ МОДЕЛИ (СХЕМЫ) СГК

Простейшая общая схема [World Development... 2009: 51] сводит дихотомию города и села к пунсону города на сельском фоне. «Более реалистичный» СГК с пунктами-селениями на таком же фоне рисует городской мегарегион (мегалополис), а в нем – отдельные города и метрополитенский (агломерационный) ареал. Вообще-то такой регион обычно включает не одну агломерацию и не бывает резко отделен от сельского фона, который на схеме почти не дифференцирован. От «просто города» по дихотомической версии его отличает наличие внутренней структуры.

Богаче деталями схема английского географа П. Клоука [Cloke 1979] с признаками эволюции пригородных селений по зонам транспортной доступности центра. Ближайшие к нему в ходе субурбанизации выросли в город-спутник или сохранили старые ядра, но обросли городской застройкой. В одном месте за линией 1,5-часовой изохроны дома стали вторыми, дачными. Но вне агломерации здесь тоже нет малых городов – центров сельской глубинки, локальных «народно-городских» континуумов Р. Редфилда.

Они издревле покрывали своей сетью Ойкумену. Скромный масштаб и несложный состав не сводили их к паре центр – периферия хотя бы из-за «пульсации» населения по сезонам года, нуждам прокорма и обороны. Роль города мог играть сельский ярмарочный или культовый центр, караван-сарай, замок сеньора, который мог затем стать городом де-факто и де-юре. У агломераций и других сгустков современного населения тоже были предтечи: сельские зоны поливного земледелия с сетью городов и их эмбрионов. Они поныне завывают долю горожан по сравнению с официальной статистической при оценке не по статусу пунктов, а по числу, плотности жителей и близости к большим центрам в ряде тропических стран. Но занижают в таких странах, как Россия, где локальные СГК рассеяны, малы и не отвечают универсальным меркам городского населения, хотя формально оно там есть [World Development... 2009; Нефедова 2013]. В мощные урбанистические образования входят сельские и дачные ареалы, что позволяет совмещать и чередовать два образа жизни. Так, Центрально-Русский мегалополис в 3-4 раза обширнее Московского региона, поскольку захватывает части других. Драйверы его развития городские, а вот по площади тут больше «села», чем города [Махрова и др. 2012].

Типовые сельско-городские связи кратко приведены в таблице 1 по схеме К. Линча [Lynch 2005] для третьего мира. Важно, что в СГК их активизирует сближение и тесное общение полюсов. При глобализации село может поставлять товары и услуги, работников и студентов не в местный, а в более дальний и крупный центр, получая взамен импульсы развития. Но не все связи строятся по принципу дальнего действия, многие, как и встарь, ориентированы на ближайшее соседство.

Таблица 1. Основные сельско-городские связи по К. Линчу

Тип связей	Сельская местность – городу	Город – сельской местности
Ресурсно-экологические	Вода, энергия и т.п.	Загрязнение
Человеческие	Трудовая, учебная миграция	Возвратная/пенсионная миграция
Продовольственные	Свежие продукты питания	Переработанная продукция
Денежные	Сбережения	Инвестиции
Идеологические	Крестьянизация, рурализация	СМИ, культурная урбанизация

Схемы СГК можно связать с эволюционными схемами расселения. Первую, как известно, выдвинул Дж. Джиббс [Gibbs 1963], предложив пять универсальных стадий с чередующимся ростом и упадком населенных мест разного типоразмера. Их география не уточнялась. У Ж.А. Зайончковской [1991] стадий меньше, ведут они от давних эпох, когда малые центры вписывались в сельские ареалы, эксплуатируя и опекая их, укрывая от врагов жителей локальных СГК, к стадии относительной автономии города, в том числе географической. Затем село жмет к городам-лидерам. Наконец, прореженная руральная «ткань» заново интегрируется с урбанистической (рисунок 1).

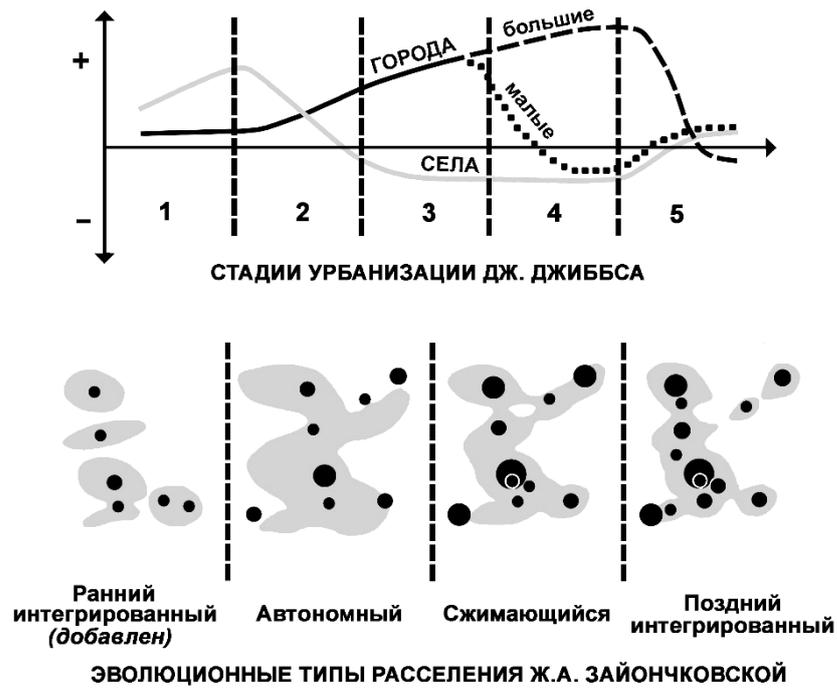

Рисунок 1. Схемы эволюции расселения Дж. Джиббса и Ж.А. Зайончковской

Примечание: Схема Ж.А. Зайончковской дана в графической интерпретации автора статьи.

Белые поля вне серых ареалов сельского расселения – это пустынные природные территории. Их относят к сельским как «все, что не город», но для районов и стран это подходит тем хуже, чем они крупнее и малолюднее. Сам корень «сел» предполагает население, и скорее оседлое. Континуальность социального пространства благодаря мобильности людей касается любых территорий, в том числе неосвоенных, а стабильные поселения (признак обжитой территории) есть не везде. В урбанизированном же СГК не безлюдны и природные ландшафты.

Модель СГК с эволюционным прицелом есть в материалах по миграции Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) [The urban-rural continuum... 1998]. Комментарий гласит, что кривые со временем меняются: от А к В и от В к С (рисунок 2). Хотя пространство между городом и деревней условно, сельская ось похожа на географическую, как при трехмерном изображении версии В с городом-горой и волнистым сельским плато, типичной, как сказано, для развивающихся стран. Широкое «предгорье» пригородов можно принять и за признак перехода к стадии С. Тогда С – это такая мегаполизация, которая вобрала в свой континуум все население страны, укоротила сельскую ось и с ней протяженность обжитого пространства.

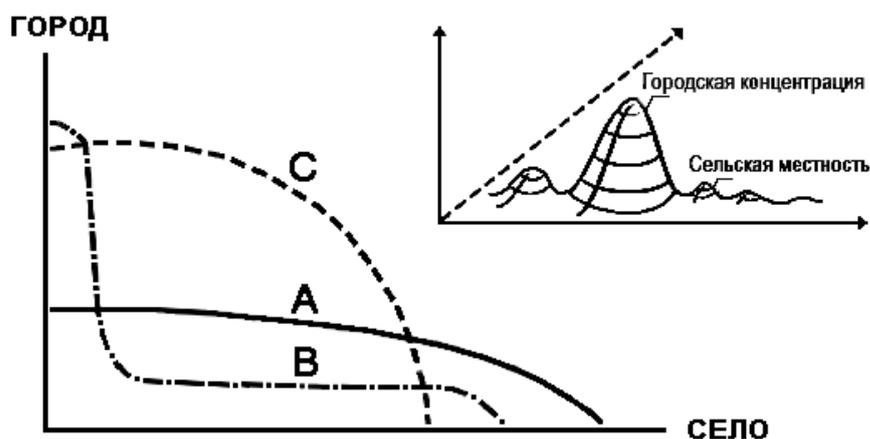

Рисунок 2. Двухмерное представление сельско-городского континуума

Примечания: А – страна с преобладанием сельского населения; В – страна с одним «приматным» крупногородским центром; С – «сбалансированный» вариант. Справа вверху – трехмерное представление варианта В.

Источник: версия ФАО [The urban-rural continuum... 1998].

Разные абстрактные схемы СГК дополняют друг друга, отражая развитие идеи, ее географическую разномасштабность в диапазоне от глобального уровня до локального и «градуальную» природу. Но строго непрерывной графику этих схем не назовешь: в той или иной мере они дискретизируют картину.

К моделям СГК для конкретных территорий относится модель потенциала поля расселения. Популярная у географов в годы «количественной революции», она не исчезла и теперь. Примером служат поля показателей мирового развития [Тикунов 2009: гл. 3]. Континуальная логика ведет к «покрытию» ими даже морских акваторий. Безлюдность максимальна на юго-востоке Тихого океана как антиполюсе массы азиатского населения, а «внехозяйственность» (в поле валового продукта) – в Антарктиде, антиподе северных ядер мировой экономики. Условность физикалистской модели, ее параметры, интерпретация и т.д. вызывали споры. В то же время этот образ СГК зависит от типа «масс», расстояний и потенциальных взаимодействий.

Конкретный опыт «построения» СГК есть в Америке, на родине идеи, и не только там, но часто без ссылки на нее. В отличие от градиентов (векторов) сельско-городских полей в предыдущей модели, здесь на первый план выходят дискретные единицы-районы, принципы их классификации, а для количественных оценок и карт – градации на шкале переходов. Разные ведомства предлагают группировки округов-графств США по степени их урбанизированности, что диктует деление на метрополитенские (или агломерационные) и внеагломерационные ареалы¹. В двух схемах 2013 г. акцент делался на разные части СГК

¹ Метрополитенские статистические ареалы (МСА) группируют округа-графства «ядерным» методом. К ядрам с населением от 50 тыс. человек добавляют смежные округа при известном уровне плотности горожан и их трудовых поездок в ядро. Бюро переписей США с 2000 г. выделяет также микрополитенские ареалы при ядрах с 10-50 тыс. человек. К 2015 г. их было более 540, а МСА – 388. При скромных требованиях к ядрам МСА имеют в среднем 700 тыс. человек и редко меньше 100 тыс. Ядру микроареала достаточно 10 тыс.

[NCHS Urban-Rural... 2013; Rural-Urban Continuum... 2013]. На одной детализированы метрополитенские статистические ареалы (МСА), а вне их выделены микрополитенские ареалы и «безъядерная» сельская зона. На другой «коды» округов дифференцируют их по месту в СГК полнее. Чем шкала подробнее, тем картина «континуальнее» и пестрее, хотя главные свойства те же. «Городской мир» доминирует в США по берегам Атлантики, в Калифорнии и во внутренних очагах урбанизации. Нужно, правда, учесть, что иные городские округа запада страны, размером с целые области России, тянутся миля за милей по пустыне. «Безъядерность» руральных зон Центральных равнин и Скалистых гор не означает отсутствия там локальных СГК. Просто они и их ядра (до 10 тыс. человек) скромнее.

В России сложились свои традиции континуального анализа расселения. Не имея статистики маятниковых миграций, градоведы определяли возможности этих поездок по изохронам транспортной доступности центров для выделения агломерационных и других зон. Замена американского критерия смежности муниципальных единиц дистанционно-транспортным отчасти связана со слабостью дорожной сети, что повышает ее значение для связей. Таковы, например, многолетние разработки А.М. Лола [2005]. Но они трудоемки, и мониторинг ситуации трудно представить без геоинформационных технологий. Заокеанские методы в этом смысле проще.

Микроареалы локальных СГК у нас выделяли редко, в немногих регионах и чаще в Европейской России, особенно Центральной [Нефедова 2003; Ткаченко, Фомкина 2012; 2014; Гунько, Глезер 2015]. Эти разработки похожи на американские, хотя наряду с учетом соседства муниципальных районов используют оценки транспортного положения и концептуально опираются не столько на СГК, сколько на модель центр–периферия. Фактически они все же следуют логике континуума, что видно по обилию переходных категорий, таких как полугород, полупригород, полуглубинка.

К идеологии СГК примыкают типологии городов по наличию у них городских и сельских признаков. Один из них – обеспеченность жилья канализацией или ее отсутствие: выгребная яма на дворе служит приметой застройки сельского типа, «частного сектора» [Нефедова 2013]. Коммунальная статистика позволила оценить долю городских земель под такой застройкой. По ней выделены 75 «супергородов» и 222 типичных или «просто города»: большинство региональных центров и еще 130 без этого статуса. В немногих «собственно городах» живут 60% статистических горожан, а сотни «не совсем городов» и «совсем не городов» невелики.

Попробуем теперь типизировать СГК на уровне регионов всей России, опираясь на схему ФАО (см. рисунок 2), развернутую за счет смешанно-переходных типов. Типы разнятся, прежде всего, по территориально-урбанистической структуре: размерам и плотности городских (и сельских) поселений, наличию надгородских форм. Сводным показателем служил так называемый интегральный коэффициент урбанизированности [Полян 2014: 263-281]. При уточнении принадлежности регионов к тому или иному типу учитывались порознь и его компоненты: распределение городских пунктов по категориям

человек, но в 95% случаев горожан там, как минимум, вдвое больше, а в среднем – 50 тыс.

людности, их доля в населении, плотность горожан и сельских жителей, а также присутствие в регионе крупных агломераций или наагломерационных образований (мегарегионов) и степень охвата ими его территории. Вместо обозначений А, В, С из схемы ФАО введены более содержательные: сельско-мелкогородской (СМ), городской (Г) и мегагородской (МГ) типы. В тип СМ включены как сельские обжитые, так и необжитые ареалы, но зато добавлены еще пять типов, особенно «на подступах» к мегагородскому. Регионы вообще-то – не лучшие ячейки для решаемой задачи, так что речь идет скорее о преобладании и сочетании разных типов СГК в их границах.

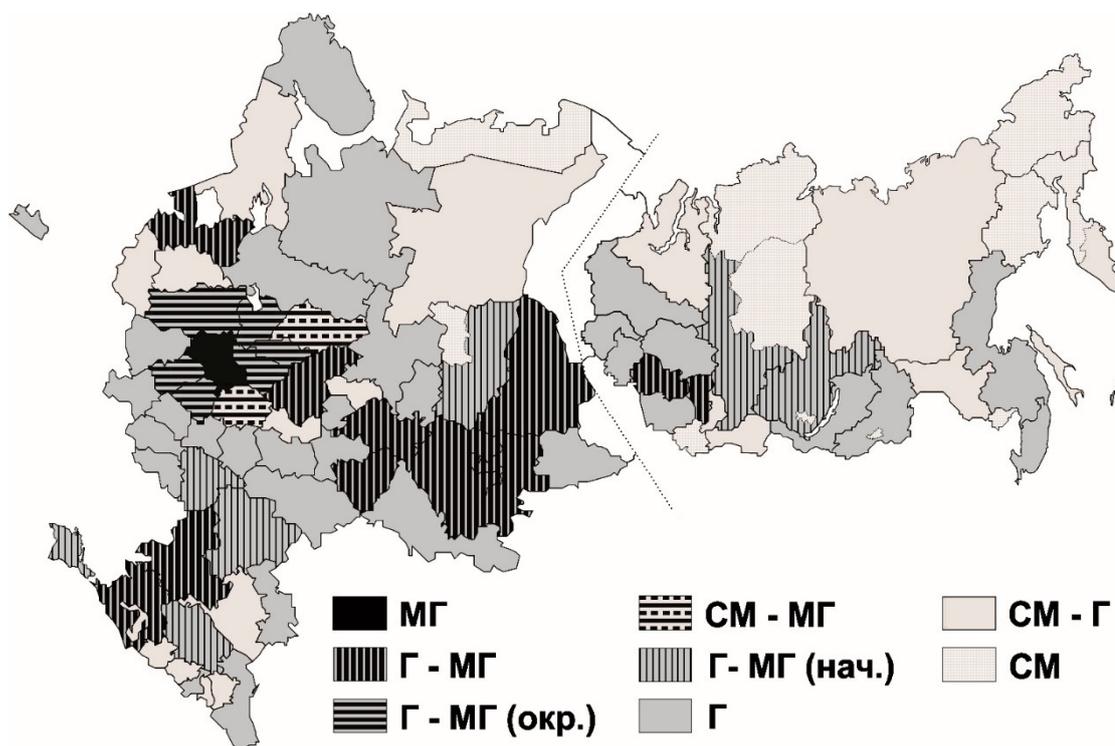

Рисунок 3. Типы сельско-городских континуумов в регионах России

Примечания: Регионы России, включая автономные округа, потерявшие статус субъектов РФ в 2000-х гг., без северных островов; города федерального значения объединены с окружающими регионами. МГ – мегагородской; Г - МГ – промежуточный между городским и мегагородским; Г - МГ (окр.) – то же по окраине Центрально-Русского мегалополиса, СМ - МГ – промежуточный между сельско-мелкогородским и мегагородским; Г - МГ (нач.) – с начальными признаками перехода к мегагородскому; Г – городской с крупным центром; СМ - Г – промежуточный между сельско-мелкогородским и городским (с большим центром); СМ – сельско-мелкогородской.

Мегарегион выделен один – Московский, ядро Центрально-Русского мегалополиса (рисунок 3). За счет его окраин 6 смежных областей отнесены к особому типу (иначе они были бы просто городскими). Еще две области, Рязанская и Костромская, чьи эксцентричные столицы входят в тот же мегалополис, дают резкий переход к нему от руральной среды с отсутствием даже среднего (50-тысячного) города. Смесь признаков двух базовых типов найдена еще в 11 регионах с мощными агломерациями и «лестницей» малых, средних, больших, а то и крупных центров: от 250 тыс. человек. Горожан там обычно более 2 млн, и на селе жителей немало. Те же свойства в меньших масштабах дают

тип с признаками начальной мегаурбанизации, географически примыкающий к ареалам Г - МГ.

Тип с симптомами выроста из крупногородской стадии представлен шире всего: более 30 регионов, особенно в главной полосе расселения. Вне этого типа оставил свою область, где остальные города малы, только один миллионник – Омск. Признаком перехода к городскому типу от сельско-мелкогородского служит центр, не доросший до 100 тыс. жителей. Исключения – Якутия, Карелия – вошли в этот тип из-за сильной разреженности социального пространства с доминированием лесных, сельских и полугородских ареалов.

Регионы типа СМ, обычно северные и восточные, лишены больших городов и состоят из локальных континуумов и «безъядерных» зон.

Неоднородность регионов как вместилищ СГК явно нарастает от последнего типа к первому. Локальным центрам часто недостает потенциала, чтобы создать свое поле взаимодействий. Для сложных урбанизированных структур с высокой плотностью населения, деятельности, инфраструктуры характерно сочетание СГК разного масштаба, хотя малые формы «в тени» города-гиганта нередко подавлены, если не поглощены им вместе с бывшими рощами, полями, лугами, фермами, дачами.

Демографические различия полюсов расселения со временем меняются. Когда-то сельское население могло расти быстрее городского благодаря большей рождаемости, меньшей скученности и антисанитарии, зависимости от внешнего снабжения. Большой город, пионер демографической и прочей модернизации, первым ощущал ее результаты в виде нуклеарной семьи, суженного воспроизводства «коренных» горожан и т.д.². Зато этот фокус инноваций, коммуникаций, элит и капиталов, промоутер и витрина социальной мобильности служит также полюсом мобильности пространственной. И его окружение (весь СГК) при прочих равных условиях меньше страдает от таких типовых болезней, как монопрофильность, миграционный отток, депопуляция и т.д., чем представители той же ступени поселенческой иерархии, оказавшиеся вдали от гиганта. Здесь тоже помогает мобильность, сама широта выбора ее видов и форм.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И СГК

Пространственная мобильность не тождественна горизонтальной социальной: ее может сопровождать вертикальный подъем или спуск по социальным лестницам, а горизонтальная смена веры, семьи, работы может состояться на одном месте. Не вникая в терминологические споры о миграции и мобильности, отнесем к последней все межселенные перемещения: безвозвратные переселенческие и возвратные временные, более массовые. Так, из страны в страну за год переселяются примерно 250 млн человек, а поездок интуристов Всемирная туристская организация ООН (ЮНВТО) фиксирует более 1

² В начале демографического перехода его лидерство еще нагляднее. По оценке Б.Н. Миронова [1999: т. 1: 236], в XIX веке город в России обгонял деревню по изживанию архаических семейных форм лет на 50, то есть на пару поколений. Затем разрыв сокращался, нижние этажи расселения опережали верхние по остроте проблем, вызванных демографическими процессами, не получая миграционной компенсации извне.

млрд. Иностранцы-гастарбайтеры, курсируя между родиной и страной-работодателем, добавляют не менее полумиллиарда поездок. Внутри стран учет мобильности неполон, но обычно она еще активнее. Сюда входят поездки с деловыми (трудовыми), семейно-бытовыми, туристско-рекреационными и другими целями, разные по частоте и дистанции.

Последние взаимосвязаны: частота статистически убывает с расстоянием. Мы чаще движемся по своему дому, чем по городу, селу и тем более между ними. Отсюда связь мобильности с СГК. Вообще-то до двух миллиардов землян считаются иммобильными, не покидающими своих микроареалов, малых родин, но внутри локальных СГК и эти люди движутся. Легко подсчитать: делая в день всего 10 км, за 30 лет «накрутишь» 110 тыс. км пути, или 2,7 длины экватора. Поэтому и в глобально-мобильном мире мобильность выше в местах скопления ее носителей. Даже слабый местный центр привлекает комьютеров, покупателей, сельских гостей. В мегагородских СГК движутся миллионы, а межселенных поездок за год совершаются десятки и сотни миллионов.

Вот условный расчет для Москвы по статистике за 2012-13 гг. [Численность и миграции... 2013; Обследование населения... 2013; Население России... 2015] с коррекцией оценками разных экспертов и рядом допущений. Безвозвратных мигрантов в город и из него регистрируется за год 0,3 млн, это и будет число их условно однократных переездов. Массу комьютеров (маятниковых мигрантов) примем за 1 млн, а частоту их поездок в одну сторону – за 230 (без уикендов, праздников, отпусков и дней болезни). Участники более дальних и менее частых трудовых миграций, т.е. новые российские отходники и гастарбайтеры из-за рубежа, грубо оценены в 1,5 млн на каждую группу. Дачников-москвичей, включая садоводов, арендаторов чужих дач, едущих в отпуск к родне и в свой сельский дом, не менее 5 млн.³ Средняя частота их поездок – 25 (на 135 нерабочих дней) – немного выше, чем у отходников. По минимуму оценены прочие участники передвижений (таблица 2).

Таблица 2. Ориентировочные параметры ежегодной мобильности населения в Москве

Категория	Участники, млн	Среднее число поездок*	Всего поездок, млн	Средняя дистанция поездки, км*	Суммарно, тыс. км**
Мигранты на ПМЖ	0,3	1	0,3	1900	1,9
Комьютеры	1,0	230	230	55	25,3
Отходники	1,5	20	30	900	36,0
Гастарбайтеры	1,5	3	4,5	2500	15,0
Дачники	5	25	125	90	4,5
Прочие***	5	4	20	500	4,0
Итого	14,3	–	410	–	86,7

*Примечания: * – За год в одну сторону; ** – за год в одну сторону (безвозвратные мигранты) или в обе (возвратные) на 1 участника; *** – туристические, деловые, гостевые визиты (без учета транзитных пассажиров).*

В сумме это 14 млн человек, больше, чем число постоянных жителей Москвы из-за ее временного населения и отчасти из-за двойного счета, особенно в графе «прочие». По

³ Треть москвичей, вывозящих на лето свои семьи за город, пополняют ряды комьютеров из области в столицу. В другие сезоны года их доля сильно сокращается [Махрова, Кириллов 2015].

числу поездок лидируют ежедневные комьютеры и дачники. Итог составил 410 млн – как если бы за год Москву посетили все жители США и Германии, а если добавить Подмоскowie, то и Японии (правда, поездки москвичей в область дублируют те, что уже вошли в расчеты по столице). Из них не менее 250 млн поглощает мегаконтинуум, объединяющий Московский регион с окрестными, даже без учета тех поездок жителей окраин большого СГК, что совершаются в обход его ядра. Оценив средние расстояния поездок по категориям, можно рассчитать годовой «пробег» пассажира, максимальный при временных трудовых миграциях. Суммарный километраж за год превосходит двойной оборот вокруг света по экватору. Ручаться здесь можно разве что за порядок цифр, но в любом случае они внушительны.

Столь массовая мобильность и жизнь многих ее акторов на два, а то и на три дома порождают особый феномен в расселении – его пространственно-временную пульсацию. В пространстве она ярко выражена именно в СГК, а во времени определяется ритмами жизнедеятельности (от суточных до многолетних). Оценка по разным материалам средней зимней и летней людности крайних этажей упрощенной иерархии поселений – крупных городов и любых малых пунктов, включая сельские (до 50 тыс. человек), дает «зазор» между сезонами в 7–8 млн человек. Его хватает, чтобы перевернуть картину: зимой больше людей оказывается на верхнем этаже, а летом – на нижнем. Средний городской этаж (50–250 тыс. человек) пульсирует по сезонам года слабее (рисунок 4).

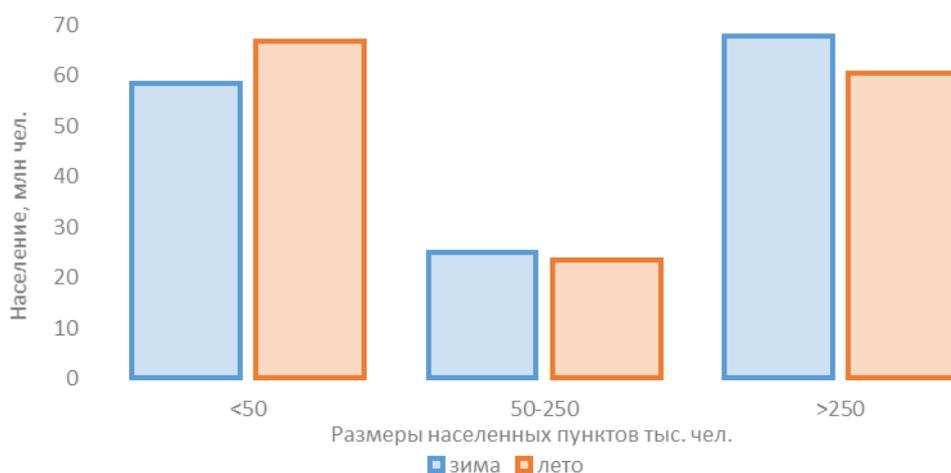

Рисунок 4. Наличное население (млн) трех основных классов населенных мест (тыс.) в средний зимний и летний дни 2010 г.

Источник: оценка автора.

Недельные ритмы, накладываясь на сезонные, усиливают эффект пульсации. Так, в зимний рабочий день в Москве можно насчитать 14 млн человек, а летом в выходной – 9 млн, т.е. на 5 млн меньше. Их плотность в центре столицы, где локализовано свыше трети ее рабочих мест, в будний зимний день превышает 40 тыс. человек на 1 км², а погожим летним воскресеньем она вчетверо ниже. Примерно двух-четырёхкратные перепады отмечены в Подмоскowie, особенно на окраинах [Махрова и др. 2012]. Там и в дачных районах ближних областей обитателей в летние выходные дни бывает на порядок больше, чем зимой в будни.

Компактные пространственные формы СГК предоставляют свои сочетания покоя с движением, оседлости со странничеством (второе всегда лимитируют время и скорость, достаток, здоровье, просто интерес). В компромисс между ценностями «дороги» и «дома» немалый вклад вносит сочетание городского и сельского образов жизни, искомое людьми давно и так или иначе ими находимое. Прежде всего, это «связка» мест жительства, труда и отдыха либо смены занятий.

Ее предлагает континуум любого масштаба вплоть до международного и мирового, которые привлекают внимание многих авторов [Урри 2012]. Между тем, как было показано, интенсивность движения существенно выше при более умеренных дистанциях, т.е. в СГК меньших пространственных масштабов. Если для СГК ранга агломерации ключевой (по сути, образующий их ритм перемещения) – суточный, то для мегалополисов не менее важной представляются недельная и сезонная пульсация их населения. Впрочем, специфика континуальности проявляется в том, что это население не только их: оно часто, порой надолго и на значительный процент «заимствуется» из других мест, а также «ссушается» другим местам. Ни один пространственно очерченный, всегда лишь условно, континуум не изолирован от остальных и от СГК глобального уровня. Все проницаемы для потоков, для внешней по отношению к ним мобильности (иначе отпадает сама идея географически полимасштабной континуальности).

Сверхподвижных новых кочевников, людей типа «перекати-поле» (*rolling stones, homo mobilis*) можно найти в глобальном городе. Но его яркие представители, такие как менеджеры крупных корпораций и звезды шоу-бизнеса, живут не столько в одном городе или стране, сколько в международных отелях, офисах, аэропортах, на престижных курортах. Их немного; они, что называется, не делают погоды. Немного и тех, кто сломя голову бежит из города в глухомань, в экологическое поселение или, напротив, чурается ее, исповедуя крайний урбанизм. Большинству нужны не крайности, а доступное в данных условиях сочетание городской и сельской жизни. С ростом достатка, знаний, свободы передвижения люди становятся более взыскательными потребителями пространства [Смирнягин 2012]. Вот залог модернизации расселения и обитаемого пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В виде заключения с прикладным контекстом обозначим ряд проблем управления, включая территориальное, которому, надо признать, чужда и неудобна сама идея СГК, как и пространственно мобильного населения. Чиновник привык иметь дело с четкими рубежами, определяющими его полномочия. Многомиллионные потоки пассажиров и колебания людности не могут игнорировать прежде всего те, кто отвечает за транспорт, энерго- и водоснабжение. Сбои тут не редкость, что показала российская история с отменой и возвратом электричек. А, скажем, от дачников местные власти получают слишком мало налогов, зато вынуждены реагировать на сезонные нагрузки в сфере торговли и услуг, включая коммунальные. Опыт многих бесед убеждает, что их политика в этом отношении и в отношении трудового отхода, за редкими исключениями, негативна или пассивно-безразлична.

Власти регионов и муниципалитетов, их планы, программы развития территорий не готовы считаться с градиентами вместо границ и с непостоянным в пространстве и во времени населением. Все основные показатели, задачи и нормативы рассчитаны на его постоянство, будь это всего лишь статистическая фикция. Кстати, трудно понять, как при этом многие стратегии регионального и локального развития ставят на туризм при его очевидной пространственно-временной «волатильности».

Для управленцев важен административный, а теперь чаще муниципальный статус территорий, даже не связанный с реалиями социально-экономического пространства. Оно устроено иначе и чутко реагирует на положение места в разномасштабных континуумах, на приливы-отливы населения и колебания хозяйственной активности. Весьма важен субъективный фактор, влияющий на позиционирование мест и регионов, на их образ и брендинг, притяжение или отталкивание мигрантов и капиталов. Так, М.С. Гунько [2015] пришла к выводу, что статус райцентра (город, поселок городского типа или село, округ или поселение) менее важен для развития района, а по сути СГК, чем неформальные отношения поселений, т.е. органов самоуправления и конкретных чиновников.

Особую проблему в России представляет историческая слабость коммунального начала вообще и межмуниципальной, межселенной координации в особенности. Именно этой слабостью иногда, чаще кулуарно, чем открыто, объясняют принимаемые выше по вертикали решения о слиянии, укрупнении, расширении территориальных единиц, включая столь громкое, как расширение Москвы до границ Калужской области, по сути перекроившее границы двух субъектов Федерации. При ином подходе (в духе зарубежных ассоциаций и союзов), полагают сторонники таких действий, насущные задачи развития утонули бы в согласованиях, конфликтах и протестах, не решающих проблем поселений и регионов, включая те, что не могут быть решены без участия соседей. Но если не пытаться решать их «снизу» через взаимодействие, то его навыки не появятся никогда. «Сверху», как известно, всего не разглядеть и не учесть.

Во всяком случае, наука не может игнорировать процессы и явления, меняющие территориальные структуры, даже когда эти изменения малозаметны со стороны и касаются не столько объектов, сколько отношений и связей между ними. Опыт таких исследований, как было показано, в России есть, хотя его носители порой не подозревали, что предметом их анализа был среди прочего СГК. Думается, что рано или поздно общество и власть предъявят спрос на это знание, без которого неизбежны ошибки и неадекватные решения.

ЛИТЕРАТУРА

- Горнова Г.В. (2011). Антиномии города. Омск: Изд-во ОмГПУ. 220 с.
- Гунько М.С. (2015). Взаимосвязи малых городов и сельских районов в Центральной России. Автореф. дисс. канд. геогр. наук. М. 26 с.
- Гунько М.С., О.Б. Глезер (2015). Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970-2010 гг.: динамика и распределение населения // Известия РАН. Серия география. №1: 42-52.

- Зайончковская Ж.А. (1991). Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука. 132 с.
- Лола А.М. (2005). Основы градостроения и теории города (в российской интерпретации). М.: КомКнига. 344 с.
- Махрова А.Г., Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш (2012). Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. №517-518. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema07.php> (дата обращения: 10.02.2016).
- Махрова А.Г., П.Л. Кириллов (2015). Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. №1(47): 117-125.
- Мионов В.Н. (1999). Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). В 2-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин. 1114 с.
- Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад (2015) / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 428 с.
- Нефедова Т.Г. (2003). Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство. 190 с.
- (2013). Большой, средний, малый город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск: Ойкумена: 171-191.
- Обследование населения по проблемам занятости (2013). М.: ФСГС. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm (дата обращения: 12.02.2015).
- Пациорковский В.В. (2010). Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН. 390 с.
- Полян П. (2014). Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый Хронограф. 788 с.
- Смирнягин Л.В. (2012). Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф: 421-456.
- Тикунов А.В. (2009). Интегральные показатели пространственных моделей развития стран мира. М.: Либроком. 248 с.
- Ткаченко А.А., А.А. Фомкина (2012). Глубинка Центральной России: опыт формализованного выделения // Российская глубинка — модели и методы изучения. Сборник статей. М.: Эслан: 49-61.
- (2014). Об агломерированном расселении // Разнообразие как фактор и условие территориального развития. Ч.1. М.: Эслан: 63-68.
- Урри Дж.(2012). Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 335 с.
- Филиппов А.Ф. (2008). Социология пространства. СПб.: Владимир Даль. 290 с.
- Численность и миграции населения Российской Федерации в 2012 году (2013). М.: ФСГС. 142 с.
- Cloke P.J. (1979). Key settlements in rural areas. London: Methuen. 274 p.
- Dewey R. (1960). The rural-urban continuum: real but relatively unimportant // American Journal of Sociology. 66 (1): 60–66.
- Gibbs J. (1963). The evolution of population concentration // Economic Geography. 39 (2): 119–129.

- Howard E. (1902). Garden cities of to-morrow. 2nd edition. London: S. Sonnenschein & Co., Ltd. 195 p.
- Lynch K. (2005). Rural-urban interaction in the developing world. London - New York: Routledge. 209 p.
- Miner H. (1952). The folk-urban continuum // American Sociological Review. 17: 529-37.
- NCHS urban-rural classification scheme for countries (2013). Centers for Disease Control and Prevention. URL: http://www.cdc.gov/nchs/data_access/urban_rural.htm (дата обращения: 20.02.2016).
- Redfield R. (1930). Tepoztlán, a Mexican village: a study of folk life. Chicago: Univ. of Chicago Press. 247 p.
- Rural-urban continuum codes (2013). US department of agriculture. URL: <http://www.ers.usda.gov/data-products/rural-urban-continuum-codes/documentation.aspx> (accessed: 15.05.2015)
- Sorokin P., C. Zimmerman (1929). Principles of rural-urban sociology. New York: Holt. 652 p.
- The urban-rural continuum. Migration and rural development: selected topics for teaching and research (1998) // FAO Economic and Social Development Paper. №3. Rome: FAO. Some considerations on specific aspects of migration. URL: <http://www.fao.org/docrep/x1372t/x1372t05.htm>. 1998 (дата обращения: 20.02.2016).
- World development report 2009: reshaping economic geography (2009). Washington, DC: The World Bank. 376 p.
- Zelinsky W. (1971). The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. №6: 219-249.

THE RURAL-URBAN CONTINUUM: THE DESTINY OF THE NOTION AND ITS LINK TO THE SPATIAL MOBILITY OF POPULATION

ANDREI TREIVISH^{1, *}

The article deals with the evolution, schemes and application domains of the rural-urban continuum concept, with the spatial and, partly, historical variety of its specific forms (continuums, in the plural), and with their types and attributes. The idea is often defined by contradiction, opposing it to a town vs. country antinomy and a sharp separation, both spatial and social. It seems to the author that this concept is a synonym for a settlement system regarded as an uninterrupted field, which can have various urban-rural proportions and can be studied at different scales. A survey of rural-urban graphic schemes leads to the conclusion that the different versions are complementary, reflecting the evolutionary, multi-scale and gradual nature of the continuum. An analysis of the Western and Russian experience ends with an attempt at a typology of continuums in Russia's main regions. The degree of complexity and heterogeneity is increasing, from the semi-rural towards the inter-regional or mega-urban type, with interference of different continual fields. The level of the population's spatial mobility is shown by rough calculations for Moscow and Russia. This mobility makes settlement patterns both continuous and pulsating. In conclusion, some problems of administration, which finds it hard to adopt the very idea of a continuum, are briefly stated.

Key words: rural-urban continuum, local (folk-urban) continuum, settlement system, lifestyle, spatial mobility, agglomeration, megalopolis (mega-region).

REFERENCES

- Chislennost' i migratsii naseleniya Rossijskoj Federacii v 2012 godu [Population number and migration of the Russian Federation] (2013). Moscow: FSGS [Federal state statistics service]. 142 p.
- Cloke P.J. (1979). Key settlements in rural areas. London: Methuen. 274 p.
- Dewey R. (1960). The rural-urban continuum: real but relatively unimportant // American Journal of Sociology. 66 (1): 60–66.
- Filippov A.F. (2008). Sociologiya prostranstva [Sociology of space]. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 290 p.
- Gibbs J. (1963). The evolution of population concentration // Economic Geography. 39 (2): 119–129.
- Gornova G.V (2011). Antinomii goroda [Antinomy of town]. Omsk: Izd-vo OmGPU [Omsk State Pedagogical University Publishers]. 220 p.

¹ INSTITUTE OF GEOGRAPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (RUSSIA).

* CORRESPONDENCE: trene12@yandex.ru

DATE RECEIVED: November 2015.

- Gunko M.S. (2015). Vzaimosvyazi malyx gorodov i sel'skix rajonov v Central'noj Rossii [The relationships between the small towns and rural areas in Central Russia]. Avtoref. diss. kand. geogr. nauk [Autoabstract of the candidate dissertation in geography]. Moscow. 26 p.
- Gunko M.S., O.B. Glezer (2015). Malye rajonnye centry i okruzhayushhie territorii v Central'noj Rossii v 1970-2010 gg.: dinamika i raspredelenie naseleniya [Small rayon centres and their environs in Central Russia in 1970-2010: population dynamics and distribution] // Izvestiya RAN. Seriya geografiya [Geography series]. 1: 42-52.
- Howard E. (1902). Garden cities of to-morrow. 2nd edition. London: S. Sonnenschein & Co., Ltd. 195 p.
- Lola A.M. (2005). Osnovy gradovedeniya i teorii goroda (v rossijskoj intepretacii) [The ABC of urban studies and theory]. Moscow: KomKniga. 344 p.
- Lynch K. (2005). Rural-urban interaction in the developing world. London - New York: Routledge. 209 p.
- Makhrova A. G., T. G. Nefedova, A.I. Treivish (2012). Moskva: megapolis? aglomeraciya? megalopolis? [Moscow: A magapolis? an agglomeration? a megalopolis?] // Demoscope Weekly. 517-518. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema07.php> (accessed: 10.02.2016).
- Makhrova A.G., P.L. Kirillov (2015). Sezonnaya pul'saciya rasseleniya v Moskovskoj aglomeracii pod vliyaniem dachnoj i trudovoj mayatnikovoj migracii: podxody k izucheniyu i ocenka [The seasonal pulsation of settlement system in Moscow agglomeration influenced by second dwelling and labour commuting: approaches to the study and assessment] // Regional'nye issledovaniya [Regional Studies]. 1 (47): 117-125.
- Miner H. (1952). The folk-urban continuum // American Sociological Review. 17: 529-37.
- Mironov V.N. (1999). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX v.). V 2-x tomakh [Social history of Russia during the empire period (the 18th - early 20th century). In 2 vol.]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. 1114 p.
- Naselenie Rossii 2013: dvadcat' pervyj ezhegodnyj demograficheskij doklad [Population of Russia 2013: the twenty first annual demographic report] (2015) / S.V. Zakharov, ed. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly e'konomiki. 428 p.
- NCHS urban-rural classification scheme for countries (2013). Centers for Disease Control and Prevention. URL: http://www.cdc.gov/nchs/data_access/urban_rural.htm (дата обращения: 20.02.2016).
- Nefedova T.G. (2003). Sel'skaya Rossiya na pereput'e [Rural Russia at a crossroads]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 190 p.
- (2013). Bol'shoj, srednij, malyj gorod i selo v Rossii [Large, medium-sized and small city and countryside in Russia] // Geografiya, gradostroitel'stvo, arhitektura: sintez nauk i praktik [Geography, urban construction, architecture: a synthesis of science and practice]. Smolensk: Ojkumena: 171-191.
- Obsledovanie naseleniya po problemam zanyatosti [Population survey on problems of employment] (2013). Moscow: FSGS [Federal state statistics service]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm (accessed: 12.02.2015).
- Paciorkovskij V.V. (2010). Sel'sko-gorodskaya Rossiya [Rural-urban Russia]. Moscow: ISE'PN RAN [Institute for Socioeconomic problems of Population]. 390 p.

- Polyan P. (2014). Territorial'nye struktury – urbanizaciya – rasselenie: teoreticheskie podxody i metody izucheniya [Territorial structures – urbanization – settlement: theoretical approaches and research methods]. Moscow: Novyj Xronograf. 788 p.
- Redfield R. (1930). Tepoztlán, a Mexican village: a study of folk life. Chicago: Univ. of Chicago Press. 247 p.
- Rural-urban continuum codes (2013). US department of agriculture. URL: <http://www.ers.usda.gov/data-products/rural-urban-continuum-codes/documentation.aspx> (accessed: 15.05.2015)
- Smirnyagin L.V. (2012). Mesto vmesto mestopolozheniya? (O sdvigax v fundamental'nyx ponyatiyax geografii) [Locus instead of Location? (About some fundamental shifts in ideas of geography)] // Geograficheskoe polozhenie i territorial'nye struktury: pamyati I.M. Maergojza [Geographical position and territorial structures: in memory of I.M. Maergoiz]. Moscow: Novyj Xronograf 421-456.
- Sorokin P., C. Zimmerman (1929). Principles of rural-urban sociology. New York: Holt. 652 p.
- The urban-rural continuum. Migration and rural development: selected topics for teaching and research (1998) // FAO Economic and Social Development Paper. №3. Rome: FAO. Some considerations on specific aspects of migration. URL: <http://www.fao.org/docrep/x1372t/x1372t05.htm>. 1998 (accessed: 20.02.2016).
- Tikunov A.V. (2009). Integral'nye pokazateli prostranstvennyx modelej razvitiya stran mira [Integral indicators of spatial development models for the countries of the world]. Moscow: Librokom. 248 p.
- Tkachenko A.A., A.A. Fomkina (2012). Glubinka Central'noj Rossii: opyt formalizovannogo vydeleniya [Backwoods of Central Russia: an experience of a formalized selection] // Rossijskaya glubinka — modeli i metody izucheniya. Sbornik statej [The Russia's hinterland — models and research methods. Collection of articles]. Moscow: E'slan 49-61.
- (2014). Ob aglomerirovannom rasselenii [On agglomerated settlement] // Raznoobrazie kak faktor i uslovie territorial'nogo razvitiya [Diversity as a factor and condition of territorial development]. Ch. 1. [P. 1]. Moscow: E'slan: 63-68.
- Urry J. (2012). Sociologiya za predelami obshhestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya [Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly e'konomiki. 335 p.
- World development eport 2009: reshaping economic geography (2009). Washington, DC: The World Bank. 376 p.
- Zaionchkovskaya Zh.A. (1991). Demograficheskaya situaciya i rasselenie [Demographic situation and settlement]. Moscow: Nauka. 132 p.
- Zelinsky W. (1971). The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. №6: 219-249.

САЙМОН КУЗНЕЦ О ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ

АЛЕКСАНДР ТКАЧЕНКО^{1,*}

В статье рассматриваются основные работы Саймона Кузнеца по вопросам взаимосвязи демографического и экономического роста. Отмечен особый вклад ученого в расширение показателей системы национальных счетов: включение ряда демографических показателей. Обращение американского экономиста к исследованиям народонаселения и его роли в экономической динамике в работе относится к более раннему периоду, чем это принято у ряда западных представителей истории экономической науки. Особое внимание уделено недостатку информации о нобелевском лауреате по экономике в России и незначительному числу переводов его фундаментальных работ на русский язык. Подчеркивается, что изучение творчества Кузнеца отечественными демографами поможет развитию фундаментальных экономико-демографических исследований в России.

Ключевые слова: экономическая динамика, демографические процессы, миграция, распределение доходов, экономические циклы, численность населения, семья, урбанизация, инновации.

Нобелевский лауреат по экономике Саймон Кузнец – достаточно заметная в экономической науке фигура, однако его вклад в развитие мировой демографической мысли изучен не слишком хорошо – и не только в нашей стране. В изданной в русском переводе в 2008 г. книге М. Блауга «100 великих экономистов после Кейнса» отмечено, что Кузнец заинтересовался вопросами роста народонаселения в 1970-х годах [Блауг 2008: 132]. На самом деле это произошло намного раньше, о чем свидетельствует, в частности, решение поручить именно ему Обзорный доклад на Всемирной конференции ООН по народонаселению в 1965 г. в Белграде (этот доклад был частично переведен и опубликован на русском языке [Кузнец 1970]).

Статья посвящена исследованиям С. Кузнеца в области экономики и демографии, которые он рассматривал как тесно взаимосвязанные области общественного развития. Интерес к различным сторонам экономико-демографических взаимосвязей хорошо прослеживается в работах Кузнеца и его последователей, но в нашей стране заслуги Кузнеца на этом направлении исследований не очень известны и, по существу, не оценены. Да и сама личность исследователя остается в зоне, где больше белых пятен.

¹ Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации (Россия).

* E-mail: alaltkachenko@gmail.com.

Статья поступила в редакцию в феврале 2016 г.

РАСШИРЕННАЯ ПЕЧАТНАЯ ВЕРСИЯ ДОКЛАДА, ПРЕДСТАВЛЕННОГО НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ОТ ОПИСАНИЯ К ОБЪЯСНЕНИЮ», ПРОВОДИВШЕЙСЯ ИНСТИТУТОМ ДЕМОГРАФИИ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» 22-23 ОКТЯБРЯ 2015 ГОДА.

ФИГУРА С. КУЗНЕЦА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ошибки в информации об этой выдающейся фигуре экономической мысли и практики XX века встречаются во всех не слишком многочисленных отечественных изданиях (как и в зарубежных) и затрагивают самые разные стороны его биографии - от места рождения и учебы до периодизации его демографических исследований, прежде всего изучения закономерностей взаимосвязей экономического роста и роста численности населения. В энциклопедиях и даже в исследовательских статьях пишут о нем очень мало и с большими неточностями. В изданиях Международной ассоциации нобелевского движения (Россия), которая должна была бы пользоваться архивами Нобелевского фонда, встречается немало ошибок о месте рождения, учебы и т.д. Даже в биографической статье М. Абрамовица, написанной в память о С. Кузнец, говорится о его учебе в Харьковском университете [Abramovitz 1986], что является ошибкой, быть может связанной с тем, что в Харьковском коммерческом институте (ХКИ), где он действительно учился, большинство преподавателей было из университета. Ту же ошибку повторяют Мэддисон [Maddison 2004: 7] и Карнацевич [Карнацевич 2005: 221].

Отметим, что С. Кузнец не оканчивал вуз в нашей стране. Он поступил в ХКИ, но на втором курсе его учебы начались преобразования учебных курсов и учебных заведений в Харькове, проводимые новой советской властью, поэтому он ушел работать в статистические органы. В сведениях о том, какую должность он занимал, тоже много неточностей. Кузнец не возглавлял статистический орган Украины, как ошибочно указывает ряд изданий, а работал только в самом Харькове¹. Но даже за 2 года учебы в Коммерческом институте он все-таки смог получить блестящее образование по статистике, что признавали все, когда он приехал в США и сразу стал учиться на последнем курсе Колумбийского университета. По мнению Ангуса Мэддисона, «... когда С. Кузнец прибыл в США, он был уже искушённым и хорошо обученным экономистом с практическим опытом статистической работы»² [Maddison 2004: 7-8].

Можно предположить, что признанный высокий уровень подготовки связан с преподавателями ХКИ, о которых подробно рассказано в работах В.М. Московкина [Московкин 2002; 2005; 2010]. Кафедру статистики в этом институте возглавлял знаменитый статистик Алексей Николаевич Анцыферов, выпускник Московского университета, который, как и многие именитые ученые, к несчастью для нас, покинул свое отечество, и дальнейшее его творчество проходило во Франции. Анцыферов занимался и демографическими проблемами. Он опубликовал даже две специальных работы, прежде всего работу «Nemesis: Демографический этюд» в Записках Русского научного института в Белграде [Анцыферов 1938]³, где обосновывалась новая для того времени идея о замедлении в будущем прироста населения и даже возможной депопуляции из-за «коренного дефекта» его структуры.

¹ Хотя там и находилось в эти годы правительство советской Украины, но он работал в отделе статистики труда, относящемся к профсоюзам.

² Это мнение приводит и В.М. Московкин в своей статье-комментарии к переводу Кузнец [Московкин, Михайличенко 2012: 11].

³ В некоторых источниках ошибочно датируется 1935 г.

Когда автор этой статьи в 2015 г. выступал на конференции Института демографии НИУ ВШЭ, он пользовался библиоинформацией из официальных источников: данных Российской национальной библиотеки, энциклопедических справочников и словарей, но все они пропустили очень важное издание Института информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), который еще в 1954 г. в своей серии «Новые книги за рубежом по общественным наукам» опубликовал первый реферат работы Кузнец [Кузнец 1954], затем были переводы в этом же издании в 1956 г. и в 1972 г. - еще два реферата [Кузнец 1956; 1972], на что не забыла указать Л.Л. Васина [Нобелевские лауреаты XX века 2001: 45]. Национальная библиотека Республики Бурятия имеет наиболее полный список работ, включая крупные издания издательств «Статистика» [Кузнец 1973] и «Экономика» [Кузнец 1966], последняя работа приведена Кузнецом в списке «Мои основные публикации в области экономики», который завершает «нобелевскую» автобиографию. И при этом он очень мало цитируется как в экономических, так и демографических российских изданиях. Наше видение причин этого явления мы попытаемся изложить в данной статье.

Вначале необходимо отметить искажения даже в немногочисленных переводах работ С. Кузнец последнего времени. В честь 250-летия МГУ им. М.В. Ломоносова вышел пятитомник «Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков», в 5 томе которого помещены лекции нобелевских лауреатов [Мировая экономическая мысль ... 2004]. Лекция С. Кузнец изложена в переводе издания [Нобелевские лауреаты по экономике... 2003], который был неполным. Полный перевод всего текста лекции содержится в издании 2007 г. [Лауреаты Нобелевской премии ... 2007: 92-106]. При этом необходимо подчеркнуть, что оба перевода отличаются «осовремениванием» подлинного текста лауреата, которое в большинстве случаев нам представляется неоправданным. Приведем лишь один пример. Раздел 4 своей лекции Кузнец назвал «The Less Developed Countries» [Nobel Lectures ... 1992], что было не только оправдано, но отражало суть их положения в мировой экономике. Другой нобелевский лауреат Г. Мюрдаль открыто возражал против изменения термина со стороны ООН и превращения «слаборазвитых» стран в «развивающиеся». Синонимичным термином Мюрдаля страны «третьего мира» воспользовался автор перевода 2007 г., а автор перевода 2003 г. заменил на «развивающиеся страны». Представляется, что это искажение мысли автора лекции. Сам Кузнец в своих работах употреблял по отношению к странам третьего мира два определения: «underdeveloped» и «less developed» countries.

В определенной мере интерес к социальной области развития был заложен во время первой работы Кузнец после защиты докторской диссертации в Колумбийском университете, когда он в течение полутора лет был научным сотрудником Совета по исследованиям в области социальных наук.

Национальная библиотека России имеет почему-то сведения только о работе [Кузнец 1921: 53-64], которая вышла в сборнике, подготовленном отделом статистики Южного бюро Всероссийского центрального совета профсоюзов. К первому и очень длительное время единственному в нашей стране переводу работ С. Кузнец, имеющих отношение к демографии, принадлежит публикация в серийном издании «Новое в зарубежной демографии», за выпуск которого последующие поколения демографов должны благодарить А.Г. Волкова, наряду с первым директором НИИ ЦСУ СССР А.Я. Боярским, 15 лет заведовавшим кафедрой статистики на экономическом факультете МГУ,

способствовавшим выходу этих выпусков. Боярский же написал предисловие к выпуску «Население и экономика» из этой серии, которое по тем временам было названо своеобразно – «Вводные замечания». В них он оговаривает, что авторы сборника опустили те части текста, в которых «суждения и толкования автора (Кузнецца) о характере взаимосвязи между экономическим ростом и тенденциями движения населения в СССР по меньшей мере недостаточно глубоки и не всегда вполне объективны» [Боярский 1970: 10], и добавляет: «Советский читатель отнесется критически к некоторым его суждениям». Но всё же читателю позволили самому судить о точности и верности суждений Кузнецца. Для тех времён это был смелый шаг. В сборнике удалось опубликовать выдержки из доклада Саймона Кузнецца⁴ на второй Всемирной конференции по народонаселению (Белград, 1965). С. Кузнец выступил и на следующей Всемирной конференции по народонаселению в Бухаресте (1975) с докладом о динамике населения и современном экономическом росте, который он характеризовал как «заметки к вопросу об исторической перспективе» [Kuznets 1975].

Когда же отечественные исследователи обратились к творчеству Кузнецца? Мы имеем очень мало работ в отечественной историографии и экономической мысли об этом лауреате. Впервые это произошло только в 100-летний юбилей со дня рождения Саймона Кузнецца в 2001 г. Есть всего 2 работы, появившиеся в год 100-летия со дня его рождения. Статья В.М. Московкина⁵ о жизненном пути Кузнецца опубликована в украинском журнале «Университеты», а в Москве вышла статья И.В. Филатова [2001], который связал деятельность Кузнецца с проблемами модернизации постсоциалистических стран. В 2002 и 2003 гг. в украинских журналах также выходили статьи Московкина, который в дальнейшем за период между публикациями 2005 и 2010 г., значительно продвинулся на пути ликвидации белых пятен в биографии Кузнецца.

В 2003 г. вышел неполный перевод нобелевской речи [Нобелевские лауреаты по экономике... 2003], а в 2007 г. – полный ее перевод в трехтомнике о нобелевских лауреатах, который состоит из таких пазлов: краткая биография, которая написана самим лауреатом, его нобелевская лекция и краткий комментарий составителя. Впервые в 2007 г., когда вышел первый том, где даны сведения о лауреатах за 1969-1982 гг. (напомним, что Кузнец получил премию в 1971 г.), лекция была переведена на русский язык *полностью*, как и биография, которую пишут все лауреаты, но в ней Кузнец практически ничего не сказал об учебе и работе на своей родине, ограничившись более чем кратким упоминанием: «После двух лет учебы в России (г. Харьков) уехал в США» [Лауреаты Нобелевской премии ... 2007: 91].

В следующий раз о Саймоне Кузнецце напомнили несколькими статьями только к 110-летию со дня его рождения, когда, благодаря отдаленному преемнику ХКИ, Харьковскому национальному экономическому университету, была переведена на русский язык его магистерская работа [Московкин, Михайличенко 2012]. У нас иногда утверждают, что она была написана в Харькове на русском языке, но на самом деле это не так. Защищал её он всё-таки в Колумбийском университете, поэтому и работа была на английском языке

⁴ Под статью (доклад) Кузнецца было отдано более 40% всего объема издания, а остальные – четырем авторам.

⁵ В 2011 г. позиционирован как профессор Белгородского госуниверситета.

и посвящена Йозефу Шумпетеру. С другими работами, кроме вышеназванных переводов, наша научная среда должна знакомиться только в англоязычном варианте.

Этот реальный факт, который тоже относится к элементам забвения и объединяет в нашей отечественной истории экономических, демографических, статистических учений Саймона Кузнеця и два других великих имени XX века: Коррадо Джини и Джона Мейнарда Кейнса, чьи основные (в случае Джини) и до сих пор актуальные (в случае Кейнса) работы не переведены до сих пор.

Сам индекс Джини, который у нас в последнее десятилетие так любят и так часто используют в своих работах экономисты, как раз был апробирован и широко введен в экономическую жизнь как общепризнанный показатель благодаря работам Кузнеця.

В 1936 г. Кузнец принимал активное участие в учреждении Конференции по изучению доходов и благосостояния (Conference on research of income and wealth), имевшей задачей развитие системы национальных счетов в США, и сыгравшей роль в создании Международной ассоциации исследований по доходам и благосостоянию, его можно называть родоначальником современной системы национальных счетов⁶. На этой конференции Кузнец впервые выступил с изложением своих исследований по поводу расчёта ВВП и национального дохода по разработанной им методологии и методике. Тема распределения доходов населения – одна из главных в творчестве Кузнеця [Kuznets 1952; Kuznets 1953].

В завершение раздела об освещении фигуры и деятельности С. Кузнеця в нашей литературе, отметим, что нам представляется неплодотворным и даже сомнительным по отношению к памяти выдающегося учёного «возвращать» ему «отечественные» корни, меняя имя на Семён, как это предлагал В.М. Московкин [2010: 64] или как это делает в своих документах общественная организация «Ассоциация Нобелевского движения». И дело не только в том, что в мировую сокровищницу мысли он вошёл Саймоном С. Кузнецем, но и в его собственных решениях. Не стал же он менять фамилию на взятую отцом в США – Смит, а добавил её как второе имя. А эталоном для любых решений и «притязаний» должна быть его автобиография, которую собственноручно пишут все нобелевские лауреаты.

САЙМОН КУЗНЕЦ О ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Первым «приобщением» С. Кузнеця к демографии была редко упоминаемая теперь работа о населении Филадельфии. Оценка населения Филадельфии и её пригородов, рабочей силы, занятости и прогноз на 1950 г. по этим показателям были выполнены Кузнецем и его ассистентами и опубликованы Пенсильванским университетом в 1946 г. [Kuznets et al. 1946]. По существу, эта первая работа Кузнеця о населении, но предметом нашего

⁶ В литературе чаще звучит имя Р.Стоуна в связи с его участием в подготовке доклада ООН (1947) и как автора доклада «Упрощенная система национальных счетов» (1951), хотя Ю.Н. Иванов отмечает и заслуги С.Кузнеця [Иванов 2012:80].

исследования является творчество ученого в области взаимосвязи демографических и экономических процессов – направлении, которое теперь называют экономической демографией (*demographic economics*) или экономикой народонаселения⁷. Прогноз населения, сделанный группой Кузнецца, базировался, прежде всего, на текущих наблюдениях 1940-1944 гг. Прогнозировались изменения общей численности населения, возрастной и половой структуры и изменения расового состава населения для периода 1940-1950 гг. на основе анализа данных за 1870-1940 гг. В отдельной части были опубликованы детальные таблицы этих прогнозов. Специальный раздел был посвящен применяемой методологии и основным допущениям, включая методы, используемые для оценки рождаемости, смертности, миграции за 1940-1950 гг. Работа выполнялась по заказу Филадельфийской городской комиссии планирования Исследовательского консультативного комитета по народонаселению и экономике. Разумеется, в этой работе Кузнец проявлял себя, прежде всего, как известный и искусный статистик, имеющий уникальный опыт анализа длинных динамических рядов. Работа вызвала несомненный интерес, о чем свидетельствует рецензия в «*Population Index*» [Formal demography ... 1947: 296].

Необходимо подчеркнуть отличие ученого от других представителей экономической и демографической науки: в своих работах Кузнец не только обогащал демоэкономические исследования, но и использовал собственно демографические методы в экономике, способствуя тем самым быстрому прогрессу в становлении её прогностических функций. Этот довольно необычный даже для наших дней феномен, когда экономисты используют демографические методы в своих работах. Как пишет его ученик Р. Фогель, Кузнец применил логистические кривые Р. Пирла, позволившие последнему выявить закономерности роста численности популяции, и актуарные таблицы Б. Гомперца с его идеей о росте смертности с увеличением возраста поколения [Демографическая энциклопедия 2013: 187, 573] для обсуждения проблемы пригодности этих и других математических функций для прогнозирования конкретных экономических процессов [Fogel 2001: 210] и альтернативных методов применения таких функций. Немногие экономисты той эпохи, подчеркивал Фогель, исследовали взаимосвязь между экономическим ростом и ростом населения в такой полной мере, как Кузнец. Методы Гомперца и Пирла Кузнец применил в фундаментальном труде, написанном в 1930 г. во время работы в Национальном бюро экономических исследований, в котором он исследовал вековые движения производства и цен и их влияние на циклические колебания на примере США, Великобритании, Бельгии, Германии и Франции [Kuznets 1930].

Автор биографической статьи о С. Кузнецце в энциклопедическом словаре Л.Л. Васина приводит такое высказывание Фогеля: «Его курс по экономическому росту включал историю технологических изменений на протяжении нового времени, демографию и теорию народонаселения...» [Нобелевские лауреаты ... 2001: 40]. Исследования Кузнецца по демографии и теории народонаселения в его экономических работах и являются предметом данной статьи.

⁷ Мы рассматриваем эти понятия не как синонимичные, но близкие по существу и частично совпадающие. Подробнее см.: [Демографическая энциклопедия 2013: 925-927].

Почему можно считать, что творчество С. Кузнеца продолжает оставаться для российских демографов, экономистов, социологов, представителей других направлений гуманитарных наук актуальным? Представляется, что исключительно важной для решения социально-демографических проблем и выбора направлений развития в XXI веке является мысль С. Кузнеца, что «современный экономический рост заставляет принимать меры по разрешению зарождающихся конфликтов, постоянно создаваемых изменениями в экономике и социальной структуре» [Лауреаты Нобелевской премии ... 2007: 98]. В этой мысли, как нам кажется, существенны два момента: (1) конфликты – это имманентная часть современного экономического и социального роста и (2) изменения в социальной структуре, где столь большую роль играют структуры демографические, столь же важны, как и экономические изменения, и имеют не меньшую силу воздействия на устойчивость экономического роста, которая является основной проблемой современной глобальной экономики. Этой позиции в современном мейнстриме придерживается большинство представителей экономической социологии и, хотелось бы надеяться, экономической демографии. Далее в нобелевской лекции Кузнец делает важный, и спустя 44 года многими экономистами не осмысленный, вывод: «Преимущество технологических инновационных характеристик современного экономического роста и *социальных инноваций*, облегчающих необходимую адаптацию, является наиболее важным фактором, влияющим на экономическую и социальную структуру» (выделено автором - А.Т.) [Лауреаты Нобелевской премии ... 2007: 98].

Среди 5 спецификаций, которые Кузнец считает необходимым рассмотреть при анализе распределения доходов в ходе экономического роста, первой он называет «количество членов семьи и их соотношение по уровню дохода», а к третьей относит «нахождение в определённом месте жизненного цикла данного члена семьи и соответственного дохода в зависимости от экономической активности» [Kuznets 1955: 1]. Анализируя этот сложный вопрос в такой особенной по составу населения стране, как США, необходимо и полезно, по его мнению, рассматривать долю в общем доходе таких специфических групп, как «резиденты» и «мигранты». Интересна также и его установка на классификацию временного анализа: предложение рассматривать статусно-доходные группы в достаточно длительном интервале (по поколениям или с интервалом в 25 лет). Обращаясь к менее очевидным группам факторов компенсационного кумулятивного эффекта концентрации сбережений, первым среди них Кузнец называет фактор демографический: в современных развитых странах имеются различные темпы роста (воспроизводства поколений – А.Т.) у богатых и бедных семей. Он предполагает, что даже без учёта миграции можно утверждать, что для самых богатых 5% населения 1870 г. их потомки будут составлять в 1920 г. значительно меньший процент населения. Свои выводы он предлагает проверить на стране, где существует значительная иммиграция, - на США. Топ 5% населения 1920 г. состоит только частично из топа 5% 1870 г.: может быть, половина или даже большая часть должна происходить из группы с низкими доходами. Это означает, что период, в течение которого эффект влияния концентрации сбережений может быть определён, должен кумулятивно возрастать для любой зафиксированной ординарной группы, будь то верхние 1,5% или 10% населения, и не может быть больше, чем 50 лет. Поэтому анализ по поколениям или по признаку «резиденты-мигранты» так важен, ибо анализ просто по высоко- и низкодходным группам теряет смысл при изучении

долгосрочных изменений в долях и в неравенстве распределения [Kuznets 1955: 2]. Семью Кузнец вводит и в анализ возможных оценок национального дохода. Среди зависимостей этих оценок национального дохода он выделяет систему действующих общественных ценностей и *природу семьи* (выделено автором – А.Т.) [Kuznets 1953; 1968].

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ С. КУЗНЕЦА В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Отличие творчества Кузнеца от многих других ученых состоит в «достижении-овладении» тремя большими вершинами, недостигаемыми, по нашему мнению, до сих пор не только для отдельных исследователей, но и целых коллективов. Первая состоит в том, что во всех работах Кузнеца прослеживается огромная ретроспектива: взаимосвязь экономического роста и демографических тенденций исследовалась по динамическому ряду данных с конца XVIII до середины XX века (в работах 1960-х годов) и далее (в других) – национального дохода с середины XVIII века. Он всегда для анализа берет десятилетия, столетия и исследует данные, оперируя такими длинными динамическими рядами. Об этом говорит в своей лекции и М. Мэддисон [Maddison 2004], который называет Кузнеца пионером в развитии количественной экономической истории. Количественный анализ длинных экономических рядов на несколько десятков или даже сотен лет является очень трудной задачей для исследователя, но именно такие ряды и их анализ хорошо сопрягаются с анализом демографических тенденций, значимые изменения которых происходят на протяжении длительного периода. Раздел «Квантифицирование и интерпретация мирового экономического роста» Мэддисон начинает с оценки научного творчества Кузнеца, который более чем кто-либо другой увеличил обратный горизонт от 1950 г. в исследовании развития «современного» экономического роста и интерпретации его движущих сил. Аналитические масштабы экономической истории, представленной с количественным фундаментом, оцениваются как революционные для экономической науки. Под современным ростом Кузнец понимает промышленную эпоху и называет 1760 г. как стартовую точку современного экономического роста [Kuznets 1961]. Но доступные в настоящее время данные, строго говоря, имеются только с периода около 1820-х годов. В 1930-1940-е годы Кузнец сделал, по выражению Мэддисона, массивный научный вклад в количественный анализ макроэкономической истории США (рост и структура ВВП, акционерный капитал, занятость, иммиграция, распределение доходов, внешняя торговля) [Maddison 2004: 10-11].

Вторая вершина творчества Кузнеца - это то, что он уже в то время (конец 1960-х – начало 1970-х годов) был глобалистом, что явно выражено в его работах. Например, он предлагал «... стимулировать подобающее использование инноваций посредством *генерирования общемирового знания*» [Лауреаты Нобелевской премии ... 2007: 93]. Представляется, что здесь С. Кузнец по своим мыслям очень близок к идеям В.И. Вернадского, хотя в то время они еще не были опубликованы [Вернадский 1977]. Кузнец же ввел и термин «социальные инновации».

Третья вершина: Кузнец предстает как очень глубокий аналитик экономической истории. Именно он предложил рассматривать экономическое развитие по определенным

эпохам и говорил, что развитие необходимо, особенно с инновационной точки зрения, анализировать всегда обязательно в рамках определённой экономической эпохи, которую вы выделяете, но никак не делать это перекрестным способом. Эти эпохи связаны с экономико-технологическими циклами, которые сам Кузнец называл длинными колебаниями (long swings) [Kuznets 1958], а другой известный экономист, нобелевский лауреат 1979 г. У.А. Льюис, назвал «циклами Кузнеца» [Abramovitz 1966: 520], каковыми они и вошли в историю экономической и, будем надеяться, демографической науки. Население не просто присутствует, а является составным образующим элементом в исследованиях Кузнецом широкой исторической перспективы процесса экономического роста, которые выявили ряд эмпирических закономерностей, прежде всего для Соединенных Штатов, а затем и для других стран. Например, были установлены длинные волны («циклы Кузнеца») темпов экономико-технологического роста некоторых стран как общие волны чередования быстрого и медленного роста технического прогресса, **населения** и национального дохода протяженностью 15-25 лет. Издание, которое приводит слова Абрамовица о Льюисе как авторе термина «циклы Кузнеца», отдает должное и роли демографических процессов в этих циклах: детальные исследования Кузнеца показали, что волны иммиграции и другие демографические факторы, такие как формирование домашних хозяйств, так же, как и изменения в возрастной структуре, брачности и уровне рождаемости, породили длительные колебания темпов экономического роста [Economics for the Modern ... 2009: 145]. Как специалист в области циклов М. Абрамовиц неоднократно обращался к этому аспекту творчества Кузнеца в своих работах [Abramovitz 1961; 1968]. В работах по теориям циклов («циклы Кузнеца») среди сфер экономической жизни Великобритании, США, других развитых стран он выделяет сферы, относящиеся к росту народонаселения, внешнюю и внутреннюю миграцию.

В свою очередь Льюиса объединяют с Кузнецом не только исследования влияния циклов на экономический рост и динамику населения, но и интерес к миграционным проблемам. В своей работе [Lewis 1954] он рассматривает гипотетические последствия возможной миграции из Индии и Китая, если бы она ничем не ограничивалась, а въезд в США был бы свободным для иммиграции из этих стран. «Массовая иммиграция, - по выражению Льюиса, - совсем другой коленкор (kettle of fish)». В случае такой миграции «уровень заработной платы в США, несомненно, будет снесен в сторону индийских и китайских уровней», а оплата труда иммигрантов окажется постоянной на уровне прожиточного минимума [Lewis 1954: 177]. В современной ситуации «миграционного кризиса» в Европе никто пока не поднимает вопроса о влиянии миллионов прибывших на уровень оплаты труда в европейских странах в недалеком будущем.

Не будем называть это четвертой вершиной, но нельзя не признать огромных заслуг Кузнеца в анализе взаимосвязанности демографического и экономического роста. Большое население по Кузнецу также способствует расширению масштабов экономики и росту отзывчивости к новым продуктам, потому что, уточняет он, меняется возрастная структура населения. Несмотря на эти позитивные аспекты высоких темпов роста населения, Кузнец признавал, как подчеркивает Р. Фогель, что резкое ускорение роста населения в наименее развитых странах, в основном происходящее благодаря быстрому снижению коэффициента

смертности [Fogel 2001: 217-218]⁸, перегружает экономику и препятствует росту доходов на душу населения. Кузнец указал на экономическое значение того факта, что ускорение роста населения было обусловлено, в первую очередь, снижением уровня смертности, а это, в свою очередь, связано со снижением показателей заболеваемости, что способствует повышению производительности труда. Взаимосвязанные снижение уровня заболеваемости и рост производительности труда, повышают отдачу инвестиций как в рост уровня образования детей, так и в улучшение качества жизни. К тому же более быстрое снижение уровня смертности в городах, чем в сельских районах, способствует урбанизации и ускоряет индустриализацию. Тенденция снижения смертности, стимулирующая снижение рождаемости и содействующая миграции, также способствовала экономическому росту путем адаптации социальных институтов к новым экономическим возможностям. Снижение размера семей с завершённым репродуктивным циклом и тот факт, что это происходило с различной скоростью в сельских и городских районах, привело к ослаблению влияния семьи на молодые поколения и сделало их открытыми современной этике, что продвигало их участие в быстро меняющейся экономической системе. Он рассматривал этот разрыв между кровными узами и экономическими выгодами как центральный фактор победы объективных результатов экономической деятельности над более традиционными приоритетами семейных связей.

Исследования Кузнецца по синергизму экономических и демографических изменений были настолько многогранны, что не поддаются краткому изложению, как писал Фогель в Мемоір [Fogel 2001: 218]. Поэтому Фогель выбирает для комментариев только одну линию исследований Кузнецца: воздействия демографических факторов на измерения неравенства в распределении доходов. Кузнец стал углубляться в проблемы измерения степени неравенства в распределении доходов и определения факторов, которые начинают способствовать этому неравенству в начале своей карьеры. Поэтому и нельзя согласиться с мнением М. Блауга, касающимся периодизации творческого интереса Кузнецца к демографическим процессам: он проявился значительно раньше, чем полагает Блауг, еще до выступления на Всемирной конференции по народонаселению 1965 г. Особое место в творчестве Кузнецца занимает экономика национальных меньшинств, которой и в новом веке уделяется, по нашему мнению, слишком мало концептуального и эмпирического внимания.

Последняя изданная при жизни книга Р. Фогеля о его учителе С. Кузнецце [Fogel 2013] вышла в апреле (а он ушел из жизни в июне 2013 г.) и была написана коллективом авторов, в который также вошли жена Фогеля Инид и два сотрудника Национального бюро экономических исследований, они же сотрудники Центра экономики народонаселения Высшей школы бизнеса Чикагского университета⁹. Книга в основном посвящена деятельности Бюро (NBER), в котором вместе Кузнец и Фогель не работали¹⁰ (последний по свидетельству Р. Истерлина получил от Кузнецца импульс к демографическим исследованиям), и успехам Бюро в создании концепции валового внутреннего продукта,

⁸ В своей статье по случаю 100-летия со дня рождения С. Кузнецца Р. Фогель выделяет раздел «Роль роста населения».

⁹ Nathaniel Grotte - помощник директора Центра экономики народонаселения.

¹⁰ Р. Фогель начал свою работу в Бюро в 1978 г., С. Кузнец покинул Бюро в 1961 г.

которая дала возможность впервые в мире определить эффективность экономики в целом. Собственно, научным методам С. Кузнеца, в том числе в области экономико-демографических связей, посвящена только пятая глава книги «Научные методы Саймона Кузнеца», в которой лишь частично и очень бегло затронуты интересующие нас вопросы, а их освещение в основном повторяет мысли и идеи Фогеля, изложенные в 2001 г. в упомянутой статье [Fogel 2001]. Главная идея книги 2013 г. подчеркивает тот факт, что исследования Кузнеца и его соратников создали из экономических исследований такую научную дисциплину, знания которой могут найти важное практическое применение.

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ВЗАИМОСВЯЗИ И АВТОНОМНОСТЬ

Исследователи Центра изучения народонаселения Пенсильванского университета в 1950-1960-е годы подготовили большое экономико-демографическое исследование, изданное в трех томах, об экономическом росте и перераспределении населения США по территории страны в период 1870-1950 гг. В первом томе (1957) анализировалась основная статистическая информация, составившая базу исследования; во втором томе (1960) - перераспределение экономической активности. Третий том (1964) состоял из 2 частей: в первой Хоуп Элдридж (англ. Hope T. Eldridge) дал оценку международной миграции в США и провел системный демографический анализ, во второй части известнейший американский социолог Дороти Суэйн Томас (англ. Dorothy Swaine Thomas)¹¹ уделила специальное внимание количественным результатам изучения взаимосвязей между экономическим развитием и перераспределением населения по территории США. По двум основным компонентам (дифференциации естественного прироста по регионам и роста, приходящегося на нетто-миграцию) была показана важность перераспределении населения по штатам для экономического развития страны. Обстоятельное предисловие к третьему обобщающему тому написал С. Кузнец. Книги вышли под эгидой Американского философского общества. Наибольший интерес, по мнению журнала «The Journal of Economic History» [Reviews of Books 1965: 436], вызывает пятая часть 3 тома «Потоки миграции», в которой Элдридж, используя данные о штате рождения и штате местожительства (residence), показывает преобладающие потоки общей миграции (gross migration) и роль миграции из-за рубежа.

Теория экономического роста, по Кузнецу, должна строиться на обширном фактическом материале и эмпирических исследованиях, охватывающих 4 ключевых момента: демографический рост, рост знаний, адаптацию национальных экономик к факторам роста и внешнеэкономические отношения. Поэтому считается, что путь Кузнеца к созданию единой общей теории экономического роста «вылился в ряд исторических и статистических исследований роста населения и национального продукта» [Kuznets 1946; 1952].

¹¹ Первая женщина – президент Американской социологической ассоциации.

Среди выделяемых им аспектов экономической жизни, когда по мере роста ВВП происходит глубокое преобразование экономической структуры стран, отметим структуру занятости (отраслевую и профессиональную), распределение занятий на работу внутри семьи и на рынке, численность, возрастной состав и территориальное распределение населения, а также межстрановые потоки рабочей силы. Из этих крупнейших проблем общественной жизни XX века в XXI веке остаются всё еще нерешенными вопросы включения стоимостной оценки ряда занятий внутри семьи в ВВП (методология расчета в рамках системы национальных счетов - СНС) для обоснованности включения, например, нефинансовых, нематериальных затрат на воспитание детей и выполнения ряда семейных обязанностей) и характер баланса трудовой миграции населения для принимающих экономических мигрантов стран.

Далее необходимо обратиться еще к такой идее Кузнеца, которую, к сожалению, не развивают отечественные ученые, как двойственное влияние урбанизации. Он был урбанистом – сторонником современного образа жизни: «Нет современной технологии, совместимой со стереотипом сельского образа жизни, большими семьями и поклонением перед нетронутой природой» [Лауреаты Нобелевской премии ... 2007: 93]. Представляется, что это ответ через 40 лет современным адептам такого понимания «зелёной» экономики, которое требует остановить технический прогресс и экономический рост ради гармонии с окружающей средой. У Кузнеца немало работ по миграции с огромной ретроспективой, например, он анализировал динамику миграции за 75 лет до Первой мировой войны, специально подчеркивая, что включает Российскую империю с ее азиатской частью, - это ещё раз свидетельствует о фундаментальной статистической основе всех его теоретических работ. Он отмечает значительные издержки, связанные с миграцией из сельскохозяйственных районов в города, говорит о высоких затратах как для самих индивидов, так и для общества в целом. Подобные исследования до сих пор большая редкость для экономистов, социологов, демографов. Кузнец отмечает обострение национализма как дорогостоящее последствие функций государства, что особенно актуально звучит на фоне дискуссий последних лет о провале или даже вредности для западного общества концепции и политики мультикультурализма.

Еще в начале 1960-х годов, за много десятилетий до современной российской экономической мысли, когда мы стали много говорить об инновациях и инновационном развитии, энциклопедичность Саймона Кузнеца позволяла ему заложить фундамент для современных исследований. Он выделял инновации социальные, юридические, в социальных структурах, в познании и даже в идеологии. Широкая научная общественность до сих пор не знакома с развернутыми идеями Кузнеца на эту тему. И ещё эвристична мысль Кузнеца о том, что, хотя любая научная проблема лишь временна, от проблем мы никогда не избавимся, какого бы уровня экономического развития не достигли. И уже исторически короткий период XXI века демонстрирует это нам со всей наглядностью в самых высокоразвитых странах.

Когда Кузнец исследует демографические процессы, он часто обращается к идее, что прямая связь между ростом ВВП и ростом доходов населения напрямую отсутствует и что существуют периоды развития каждого государства, когда эти 2 ряда между собой не связаны, и это отсутствие связи не зависит от достигнутого уровня развития. Как идеолог

современной системы национальных счетов он предсказывал, что усилия по расширению рамок национального балансирования приведут к выявлению не измеряемых пока таких положительных результатов, как улучшение здоровья и рост продолжительности жизни, большая мобильность, уменьшение неравенства в доходах населения. И поэтому, хотя Кузнец много работ посвятил полностью или частично демографическим проблемам и вопросам человеческого капитала, его самой большой научно-практической заслугой можно считать включение в счета NIPA (National income and product accounts)¹² *показателей улучшения здоровья и увеличения продолжительности жизни*. Сравнения этого исторического по значению факта с советской методологией расчета национального дохода по «признаку» так называемого материального производства достаточно, чтобы понять различие фонов демографических исследований западной и отечественной научной мысли 1960-1970-х годов.

Несомненен большой вклад С. Кузнец в изучение развития «третьего мира» - эти страны он называл, как и Г. Мюрдаль, слаборазвитыми странами. Кузнец отмечает очень интересный демографический факт, причины которого так и остались до конца не изученными до сих пор: «ни одна из ныне развитых стран не сталкивалась с таким высоким уровнем естественного прироста, который характерен для многих стран третьего мира на протяжении двух-трех последних десятилетий» [Лауреаты Нобелевской премии ... 2007: 101], т.е. в 1960-70-е годы Кузнец говорил, что вклад в уменьшение смертности в развитых европейских странах не связан с общим развитием этих стран, с промышленной революцией и с ростом доходов на душу населения; в первую очередь это связано с инновациями в здравоохранение. Именно они привели к снижению смертности и увеличению продолжительности жизни. К этой же мысли пришли в конце XX века другие ученые, в том числе это прозвучало на Всемирной конференции по народонаселению и развитию 1994 г. (Каир).

Первые работы на эту тему у С. Кузнец были еще до Второй мировой войны. Наиболее крупная работа, посвященная демографическим проблемам, кроме доклада на Всемирной конференции по народонаселению в Белграде, – «Шесть лекций по экономическому росту» [Kuznets 1959]. По этой и многим аналогичным причинам нельзя относить «интерес» Кузнец к исследованию проблем народонаселения к 1970-м годам.

Необходимо также отметить следующее. Во-первых, Кузнец написал работу [Kuznets 1965], в которой подчеркнул, что наиболее важны вложения в человеческое развитие и что это – *наиболее важный капитал* среди других факторов производства. Если взять первую работу одного из создателей теории человеческого капитала Теодора Шульца [Schultz 1961] (работа Гэрри Беккера вышла даже позже), можно увидеть, что Кузнец мыслил в том же русле и видел определяющее будущее именно этого фактора производства. Но до сих пор в отечественной литературе об инвестициях и инновациях доминирует технократический подход, а человеческий капитал даже не упоминается. Отмечая быстрые структурные сдвиги при высоком темпе общего роста в эпоху индустриализации, Кузнец выделяет изменение значения международных потоков товаров, фондов и людей и

¹² С 1993 г. - Система национальных счетов. Последняя версия: [System of National ... 2009].

изменение экономических категорий в пределах этих движений через национальные границы. Высокий темп структурных сдвигов, который в анализе он отделяет от высоких темпов роста продукта на душу населения, в свою очередь вызывает сдвиг от одной производственной и социальной части к другой, но не влияет на все части одновременно. От современного экономического роста неотделима способность индивидуумов и общественных институтов реагировать на непрерывные и быстрые изменения в потенциале экономического роста. А все эти изменения взаимосвязаны со взглядами, «которые воздействуют на нормы демографического поведения». Поражает своей современностью и такая мысль С. Кузнеца, высказанная 50 лет назад: «Взаимосвязь между демографическими тенденциями и экономическим ростом важна не только вследствие изменений в численности населения..., но также вследствие изменений в качестве людей и в экономически значимых нормах их поведения» [Кузнец 1973: 110].

В 1956-1963 годах Кузнец опубликовал в одном и том же журнале «Economic Development and Cultural Change» 8 объемных статей под общим названием «Количественные аспекты экономического роста наций», начав с темы экономического развития и культурных изменений. Эти важнейшие работы тоже до сих пор не переведены на русский язык. Кузнец говорил о влиянии экономического роста (увеличение ВВП на душу населения) на динамику смертности и пришел к выводу, что закономерность снижения смертности с ростом ВВП не имеет силы для отдельных стран и, «что более важно, во времени». Он имел в виду постоянную и прочную связь [Kuznets 1963]. И эти пионерные для того времени мысли Кузнеца с успехом впоследствии были развиты А. Сенном, получившим за них нобелевскую премию. Гораздо большее влияние оказывают, по мнению Кузнеца, технические нововведения в здравоохранении в XX веке или урбанизация в XIX веке.

Выпускник Пенсильванского университета, в котором Кузнец проработал почти 20 лет, Ричард Истерлин написал о нём биографические статьи в трех энциклопедиях [Encyclopedia of Population 2003; The New Palgrave 1987; The International Encyclopedia ...1979], хотя интересен нам прежде всего тем, что в 2009 году получил престижную премию Института экономики труда (Institute for the Study of Labor, Bonn) за вклад в анализ субъективного благополучия и за исследования *взаимосвязи* демографического развития и экономических результатов. Интересу к экономико-демографическим проблемам Истерлин обязан именно Кузнецу, его интеллектуальному влиянию во время совместной работы в Бюро экономических исследований (1956-1961). В определенной мере Истерлина можно считать и продолжателем вслед за Абрамовицем исследований проблемы взаимовлияния длинных колебаний (long swings) в численности населения и экономического роста [Abramovitz 1961; Easterlin 1968; 2000]. В отечественной литературе Истерлина цитируют в связи с политикой налогообложения, направленной на перераспределение капиталов (сбережений) между молодыми и пожилыми иждивенцами для покрытия растущих общественных затрат на содержание пожилых иждивенцев. Признается, что «проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой» [Демографическая модернизация ... 2006: 524]. Этот вывод Истерлина нам представляется весьма уязвимым и не учитывающим признанных выводов теории человеческого капитала.

Можно подчеркнуть очень важную мысль ученого, которая близка к проблемам нашей страны даже в XXI веке. Это различие демографических показателей между городским и сельским населением. Конечно, Кузнец был не первым, кто это отметил. Отдельные представители науки тоже об этом писали, но он это говорил аргументировано и раньше многих других. При этом цитировал работу Кейнса 1937 г. «О некоторых экономических последствиях сокращения численности населения». Это различие между сельским и городским населением, о котором говорил Кузнец и которое, как он подчеркивал, даже в ходе уменьшения коэффициентов, остается значительным, сохраняется в России и в развивающихся странах, например входящих в БРИКС, до сих пор.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Является ли риторическим вопрос: почему же экономисты так много занимаются демографическими проблемами и виден ли их вклад в демографию? Или необходимы особые доказательства плодотворных связей демографии и экономической науки? Творческое наследие С. Кузнеця и других названных в статье экономистов отвечает на этот вопрос: потому что без человеческого фактора и соответственно воспроизводящих его процессов, без человеческого капитала невозможно строить модели и отслеживать феномен экономического развития. Если обратиться к Первой Всемирной конференции по народонаселению, которая проходила в 1927 г. в Женеве, то там самую крупную группу мировых имён составили экономисты: Дж. М. Кейнс, К. Джини, Р. Кучинский и другие.

Саймон Кузнец много работ посвятил полностью или частично демографическим проблемам и вопросам человеческого капитала, его самой большой научно-практической заслугой можно считать включение в национальные счета показателей улучшения здоровья и увеличения продолжительности жизни населения.

До сих пор в отечественной литературе об инвестициях и инновациях доминирует технократический подход и игнорируется роль человеческого капитала потому, что нет такой связки работ демографов и экономистов, которая наблюдалась при Кузнеця в исследованиях Бюро экономического анализа и в Принстонском университете. Важный вывод из анализа экономико-демографических работ Кузнеця и его учеников состоит в том, что оценки, измерения и прогнозы исследователей теперь имеют решающее значение для принятия решений правительств; можно предположить, что современная экономическая и демографическая ситуация в самой России и её положение в глобальной экономике приведут к такому же последствию, рекомендации научного сообщества будут тоже иметь решающее значение при выборе решений федеральных и региональных органов власти.

По-видимому, вехой начала исследовательского направления по изучению творчества С. Кузнеця в отечественной науке и влияния на это творчество его жизненного

пути можно считать период после его 100-летнего юбилея (2001)¹³. В Киеве, также в юбилей ученого, но уже следующий (2011), был проведен международный симпозиум, посвященный Саймону Кузнецу, и в 2012 г. создана научная общественная организация «Международный институт развития и самоорганизации им. Саймона Кузнеца». Активный участник этих событий – российский экономист Ю.В. Яковец [2011], один из «новых открывателей» Н.Д. Кондратьева (с последним Кузнец вел переписку, когда Кондратьев уже был в заключении). Таким образом, еще большая «волна» интереса относится к 2010 - м годам, и, будем надеяться, она не прервется до следующего юбилея, а изучение творчества Саймона Кузнеца, в котором чрезвычайно ценным мы считаем исследования взаимосвязи демографических и экономических процессов, включающее и переводы его известных в мировой научной мысли работ на русский язык, станет важной составной частью отечественных исследований в области демографической теории и экономической демографии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин А.В. (1995). Люди науки: встречи с выдающимися экономистами. М.: «Дело Лтд».
- Анцыферов А.Н. (1938). Nemesi: демографический этюд // Записки Русского научного института в Белграде. Вып.15. Белград.
- Блауг М. (2008). 100 великих экономистов после Кейнса / Пер. с англ.; под ред. М.А. Сторчевого. СПб.: Экономическая школа.
- Боярский А.Я. (1970). Вводные замечания // Население и экономика. Новое в зарубежной демографии. Сб.3 / Под ред. А.Г. Волкова, А.Я. Кваши. М.: Статистика.
- Вернадский В.И. (1977). Размышления натуралиста. Книга 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука.
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 (2006) / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство.
- Демографическая энциклопедия / Редкол.: А.А. Ткаченко, А.В. Аношкин, М.Б. Денисенко и др. М.: Издательство «Энциклопедия».
- Иванов Ю.Н. (2012). История возникновения международной и отечественной статистики // Вопросы статистики. №8.
- Карнацевич В. (2005). 100 знаменитых харьковчан. Харьков: ФОЛИО.
- Кузнец С. (1921). Денежная заработная плата рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности г. Харькова в 1920 году // Материалы по статистике труда на Украине / Под ред. И.Н. Дубинской. Вып. 2. Харьков.
- (1954). Доля лиц с высоким доходом в национальном доходе и сбережениях // Новые книги за рубежом по общественным наукам. №2. М.

¹³ Исключение составляет книга А.В. Аникина [1995], одного из моих профессоров на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, - краткие мемуары о его встречах с великими экономистами, не рассматривающая труды этих ученых.

- (1956). Экономическое развитие Бразилии, Индии, Японии // Новые книги за рубежом по общественным наукам. №13. М.
- (1966). Современный экономический рост: норма, структура и протяженность. М.: Экономика.
- (1970). Демографические аспекты современного экономического роста // Население и экономика. Новое в зарубежной демографии. Сб.3 / Под ред. А.Г. Волкова, А.Я. Кваши. М.: Статистика: 103-166.
- (1972). Экономический рост наций. Совокупный продукт и структура производства // Новые книги за рубежом по общественным наукам. №7. М.
- (1973). Население, капитал и рост. Сборник очерков. М.: Статистика.
- Лауреаты Нобелевской премии по экономике: в 3 т. (2007) / Науч. ред. В.В. Окрепилов. Т.1: 1969–1982. СПб.: Наука.
- Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. (2004) // Всемирное признание: лекции нобелевских лауреатов. Т.V в 2 кн. Кн.1 / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. М.: Мысль.
- Московкин В.М. (2002). Семён Кузнец: его профессиональное окружение в Харькове и первая научная работа // Бизнес Информ. №9-10.
- (2005). Семён Кузнец: жизнедеятельность и его вклад в мировую науку // Проблеми науки, освіти та управління. Збірник наукових праць. Вып. VII.
- (2010). Неизвестный Семён Кузнец: учеба в Харькове // Universitates: наука и просвещение. №1.
- Московкин В.М., Д. Ю. Михайличенко (2012). Вступление. Саймон Кузнец и Харьковская высшая экономическая школа начала XX ст. // Кузнец С. Экономическая система д-ра Шумпетера, излагаемая и критикуемая; Перлман М. Две фазы заинтересованности Кузнеця Шумпетером / Сост. В. М. Московкин, Д. Ю. Михайличенко, перев. Е.Е. Перчик; под ред. В.С. Пономаренко. Харьков: ИД «ИНЖЕК».
- Нобелевские лауреаты XX века. Экономика (2001). Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН.
- Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России (2003) / Под ред. Ю.В. Яковца. М.: «Гуманистика».
- Филатов И.В. (2001). Теоретическое наследие С. Кузнеця и проблемы модернизации постсоциалистических стран // Социально-экономическая трансформация в России / Под ред. Е.А. Киселёвой. М.: МОНФ: 77-98.
- Яковец Ю.В. (2011). Научное наследие Саймона Кузнеця: синтез теорий циклов, эпохальных инноваций и экономического роста: к 110-летию со дня рождения нобелевского лауреата по экономике Саймона Кузнеця. М.: МИСК.
- Abramovitz M. (1961). The nature and significance of Kuznets cycles // Economic development and cultural change. Vol.9. №3. Essays in the quantitative study of economic growth, presented to Simon Kuznets on the occasion of his sixtieth birthday, University of Chicago Press, by His Students and Friends (April 1961): 225-248.
- (1966). Readings in business cycles selected by a committee of the American economic association. London: George Allen&Unwin Ltd.

- (1968). The passing of the Kuznets cycle // *Economica*. New series. Vol.35. №140: 349-367.
- (1986). Simon Kuznets (1901-1985) // *The journal of economic history*. Vol.46. №1.
- Easterlin R.A. (1968). *Population, labor force, and long swings in economic growth: the American experience*. New York: Columbia University Press.
- (2000). Twentieth-century American population growth // *The Cambridge economic history of the United States*. Vol.3. The twentieth century. S.L. Engerman, R.E. Gallman, eds. Cambridge University Press.
- Economics for the modern built environment* (2009) / L. Ruddock, ed. London and New York: Taylor & Francis.
- Fogel R.W. (2001). Simon S. Kuznets 1901–1985. A biographical memoir // *Biographical memoirs*. Vol.79. The National Academy Press. Washington: Hoselitz Bert F.: 433-454.
- Fogel R.W, E.M. Fogel, M. Guglielmo, N. Grotte (2013). *Political arithmetic: Simon Kuznets and the empirical tradition in economics*. Chicago: University of Chicago press.
- Formal demography: United States, 1722*. (1947) // *Population index*. Vol.13. №4: 292-305.
- Kuznets Simon S. (1930). *Secular Movements in Production and Prices: Their Nature and Their Bearing upon Cyclical Fluctuations*. Boston and New York.
- (1946). *National products since 1869*. N.Y.
- (1952). Long-term changes in the national income of the United States of America since 1890 // *Income and wealth of the United States: Trends and structure*. Income and wealth series. Vol.2. Cambridge.
- (1953). International differences in income levels: reflection on their causes // *Economic change*. New York.
- (1955). Economic growth and income inequality // *The American economic review*. Vol.XLV. №1.
- (1958). Long swings in the growth of population and in related economic variables // *Proceedings of the American philosophical society*. Vol.102. №1: 25-52.
- (1959). *Six lectures on economic growth*. Glencoe, Illinois: Free Press.
- (1961). *Capital in the American economy: its formation and financing*. Princeton.
- (1963). Quantitative aspects of the economic growth of nations: VIII. Distribution of income by size // *Economic development and cultural change*. Vol.11. №2. Part 2: 1-80.
- Kuznets S. (1965). *Economic growth and structure: selected essays*. N.Y.
- (1968). Developed and underdeveloped countries: some problems of comparative analysis // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. Bd. 124.
- (1974). Demographic aspects of the distribution of income among families: recent trends in the United States / *Econometrics and economic theory: Essays in honor of Jan Tinbergen*. W. Sellekaerts, ed. London.
- (1975). Population trends and modern economic growth: notes towards a historical perspective. Population debate: dimensions and perspectives. Papers of the World population conference. Bucharest, 1975. Vol. 1 // *Population Studies*. №57.
- Kuznets S.S., E.D. Burdick, E.P. Hutchinson, D.T. Rowlands (1946). *Population of Philadelphia and environs in 1950*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

- Lewis W.A. (1954). Economic development with unlimited supplies of labor // The Manchester school. Vol.22. Issue 2: 139–191.
- Maddison A. (2004). Contours of the world economy and the art of macro-measurement 1500-2001 // Ruggles lecture, IARIW 28th General conference. August 2004. Cork, Ireland. P. 68.
- Nobel lectures. Economics 1969-1980 (1992) / A. Lindbeck, ed. Singapore: World scientific publishing Co.
- Reviews of books (1965) // The Journal of Economic History. Vol.25. Issue 03 (Sept).
- Schultz T.W. (1961). Investment in human capital // American Economic Review. Vol.52. №1: 1-17.
- System of National Accounts 2008 (2009). European Commission, International Monetary Fund, Organization for Economic Co-operation and Development, United Nations, World Bank.

SIMON KUZNETS ON DEMOGRAPHIC ISSUES

ALEXANDER TKACHENKO^{1, *}

The article discusses the main works of Simon Kuznets analyzing the relationship between demographic and economic growth. The article notes the special contribution of the scientist to the expansion of the System of National Accounts by the inclusion of a number of demographic indicators. Kuznets' research in the field of population science and of the role of the population in economic dynamics goes back much further than is accepted by a number of Western scholars of economics. Particular attention is paid to the lack of information in Russia about the Nobel Laureate in Economics and to the paucity of translations of his fundamental works into Russian. The author concludes that Russian demographers studying the work of this scientist can promote the development of fundamental demo-economic research in Russia.

Key words: economic dynamics, demographic processes, migration, income distribution, economic cycles, population, family, urbanization, innovations.

REFERENCES

- Abramovitz M. (1961). The nature and significance of Kuznets cycles // Economic development and cultural change. Vol.9. №3. Essays in the quantitative study of economic growth, presented to Simon Kuznets on the occasion of his sixtieth birthday, University of Chicago Press, by His Students and Friends (April 1961): 225-248.
- (1966). Readings in business cycles selected by a committee of the American economic association. London: George Allen&Unwin Ltd.
- (1968). The passing of the Kuznets cycle // *Economica*. New series. Vol.35. №140: 349-367.
- (1986). Simon Kuznets (1901-1985) // *The journal of economic history*. Vol.46. №1.
- Ancyferov A.N. (1938). Nemesis: demograficheskij etjud [Nemesis: demographic etude] // *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade*. Vyp.15 [Study papers of the Russian scientific institute in Belgrade. Iss.15]. Belgrad.
- Anikin A.V. (1995). Lyudi nauki: vstrechi s vydayushhimisya ekonomistami [Men of science: meeting with prominent economists]. Moscow: "Delo Ltd".
- Blaug M. (2008). 100 velikix ekonomistov posle Kejnса [One hundred great economist since Keynes]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Boyarsky A.Ya. (1970). Vvodnye zamechaniya [Introductory remarks] // *Naselenie i ekonomika*. Novoe v zarubezhnoj demografii. Sb.3 [Population and economy. New in foreign demography. Vol.3] / A.G. Volkov, A.Ya. Kvascha, eds. Moscow: Statistika.
- Demograficheskaya enciklopediya [Demographic encyclopedia] (2013) A.A. Tkachenko, A.V. Anoshkin, M.B. Denisenko, etc., eds. Moscow: Izdatel'stvo "Enciklopediya".
- Demograficheskaya modernizaciya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000] (2006) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

¹ FINANCIAL UNIVERSITY UNDER THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION (RUSSIA).

* CORRESPONDENCE: alaltkachenko@gmail.com.

DATE RECEIVED:: FEBRUARY 2016.

- Easterlin R.A. (1968). Population, labor force, and long swings in economic growth: the American experience. New York: Columbia University Press.
- (2000). Twentieth-century American population growth // The Cambridge economic history of the United States. Vol.3. The twentieth century. S.L. Engerman, R.E. Gallman, eds. Cambridge University Press.
- Economics for the modern built environment (2009) / L. Ruddock, ed. London and New York: Taylor & Francis.
- Filatov I.V. (2001). Teoreticheskoe nasledie S. Kuznetsa i problemy modernizacii postsocialisticheskix stran [The theoretical legacy of Simon Kuznets and problems in transition countries modernization] // Social'no-ekonomicheskaya transformaciya v Rossii [Social-economic transformation in Russia] / E.A. Kisselyeva, ed.. Moscow: MONF: 77-98.
- Fogel R.W. (2001). Simon S. Kuznets 1901–1985. A biographical memoir // Biographical memoirs. Vol.79. The National Academy Press. Washington: Hoselitz Bert F.: 433-454.
- Fogel R.W, E.M. Fogel, M. Guglielmo, N. Grotte (2013). Political arithmetic: Simon Kuznets and the empirical tradition in economics. Chicago: University of Chicago press.
- Formal demography: United States, 1722. (1947) // Population index. Vol.13. №4: 292-305.
- Ivanov Yu.N. (2012). Istoriya vzniknoveniya mezhdunarodnoj i otechestvennoj statistiki [History of creation of the international and national statistics] // Voprosy statistiki [Statistical issues]. №8.
- Jakovets Y.V. (2011). Nauchnoe nasledie Sajmona Kuznetsa: sintez teorij ciklov, epoxal'nyx innovacij i ekonomicheskogo rosta: k 110-letiyu so dnya rozhdeniya nobelevskogo laureata po ekonomike Sajmona Kuznetsa [The scientific legacy of Simon Kuznets: synthesis cycles theories epoch-making innovation and economic growth: the 110th anniversary of the Nobel laureate in economics Simon Kuznets]. Moscow: MISK.
- Karnacevich V.I. (2005). 100 znamenityx xar'kovchan [100 well-known citizens of Kharkov]. Kharkov: FOLIO.
- Kuznets Simon S. (1921). Denezhnaya zarabotnaya plata rabochix i sluzhashhix fabrichno-zavodskoj promyshlennosti g. Xar'kova v 1920 godu [Money wages of factory employees in Kharkov in 1920] // Materialy po statistike truda na Ukraine [Materials on labor statistics of Ukraine] / Pod red. zav. Otdelom statistiki I.N. Dubinskoj. Vyp. 2 [I.N. Dubinskaja, ed. 2^d issue]. Kharkov.
- (1930). Secular movements in production and prices: their nature and their bearing upon cyclical fluctuations. Boston and New York.
- (1946). National products since 1869. N.Y.
- (1952). Long-term changes in the national income of the United States of America since 1890 // Income and wealth of the United States: trends and structure. Income and wealth series. Vol.2. Cambridge.
- (1953). International differences in income levels: reflection on their causes // Economic change. New York.
- (1954). Dolya lic s vysokim doxodom v nacional'nom doxode i sbrezheniyax [Shares of upper income groups in income and savings] // Novye knigi za rubezhom po obshhestvennym naukam [New editions abroad on social sciences]. №2. Moscow.
- (1955). Economic growth and income inequality // The American economic review. Vol.XLV. №1.

- (1956). *Ekonomicheskoe razvitie Brazilii, Indii, Yaponii* [Economic growth: Brazil, India, Japan] // *Novye knigi za rubezhom po obshhestvennym naukam* [New editions abroad on social sciences]. №13. Moscow.
- (1958). Long swings in the growth of population and in related economic variables // *Proceedings of the American philosophical society*. Vol.102. №1: 25-52
- (1959). *Six lectures on economic growth*. Glencoe, Illinois: Free Press.
- (1961). *Capital in the American economy: its formation and financing*. Princeton.
- (1963). Quantitative aspects of the economic growth of nations: VIII. Distribution of income by size // *Economic development and cultural change*. Vol.11. № 2. Part 2: 1-80.
- Kuznets S. (1965). *Economic growth and structure: selected essays*. N.Y.
- (1966). *Sovremennyj ekonomicheskij rost: norma, struktura i protyazhennost'* [Modern economic growth: rate, structure and spread]. Moscow: Ekonomika.
- (1968). Developed and underdeveloped countries: some problems of comparative analysis // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. Bd. 124.
- (1970). *Demograficheskie aspekty sovremennogo ekonomicheskogo rosta* [Demographic aspects of modern economic growth] // *Naselenie i ekonomika. Novoe v zarubezhnoj demografii. Sb.3* [Population and economy. New in foreign demography. Vol.3] / A.G. Volkov, A.J. Kvascha, eds. Moscow: Statistika: 103-166.
- (1972). *Ekonomicheskij rost nacij. Sovokupnyj produkt i struktura proizvodstva* [Economic growth of nations: total output and production structure] // *Novye knigi za rubezhom po obshhestvennym naukam* [New editions abroad on social sciences]. №7. Moscow.
- (1973). *Naselenie, kapital i rost. Sbornik ocherkov* [Population, capital and growth: selected essays]. Moscow: Statistika.
- (1974). *Demographic aspects of the distribution of income among families: recent trends in the United States / Econometrics and economic theory: essays in honor of Jan Tinbergen*. W. Sellekaerts, ed. London.
- (1975). *Population trends and modern economic growth: notes towards a historical perspective . Population debate: dimensions and perspectives. Papers of the World population conference*. Bucharest, 1975. Vol.1 // *Population studies*. №57.
- Kuznets S.S., E.D. Burdick, E.P. Hutchinson, D.T. Rowlands (1946). *Population of Philadelphia and environs in 1950*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Laureaty Nobelevskoj premii po ekonomike: v 3 t. [Nobel Prize Winners in Economics. In 3 vol.] (2007) / V.V.Okrepilov, ed.. T.1: 1969–1982 [Vol.1: 1969-1982]. Saint-Petersburg: Nauka
- Lewis W.A. (1954). *Economic development with unlimited supplies of labor* // *The Manchester school*. Vol.22. Issue 2: 139–191.
- Maddison A. (2004). *Contours of the world economy and the art of macro-measurement 1500-2001* // *Ruggles lecture, IARIW 28th General conference*. August 2004. Cork, Ireland. P. 68.
- Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. V 5 t.* [World economic thought: Through the prism of centuries. In 5 volumes] (2004) / *Vsemirnoe priznanie: lekicii nobelevskix laureatov. T.V v 2 kn. Kn.1* [Worldwide recognition: lectures of Nobel prize. Vol.V. Issue 1] / G.G. Fetisov, ed. Moscow: Mysl'.

- Moskovkin V. M. (2002). Semyon Kuznets: ego professional'noe okruzhenie v Khar'kove i pervaya nauchnaya rabota [Simon Kuznets: his professional environment in Kharkov and the first scientific study] // Business inform. № 9-10.
- (2005). Semyon Kuznets: zhiznedeyatel'nost' i ego vklad v mirovuyu nauku [Simon Kuznets: life activity and its contribution to world science] // Problemi nauki, osviti ta upravlinnya. Zbirnik naukovix prac. Vyp.VII [The problems of science, education and management. Collection of scientific papers. Vol.VII].
- (2010). Neizvestnyj Semyon Kuznets: ucheba v Xar'kove [Unbeknown Simon Kuznets: studying in Kharkov] // Universitates: nauka i prosveshhenie [Universitates: Science and Education]. №1.
- Moskovkin V.M., D. Yu. Michailichenko (2012). Vstuplenie. Sajmon Kuznec i Xar'kovskaya vysshaya ekonomicheskaya shkola nachala XX st. [Introduction. Simon Kuznets, and the Kharkov Higher School of Economics at the beginning of the XX century] // Kuznets S. Ekonomicheskaya sistema d-ra Shumpetera, izlagaemaya i kritikuemaya; Perlman M. Dve fazy zainteresovannosti Kuzneca Shumpeterom [Kuznets S. Comment on the economic system of Dr. Schumpeter; Perlman Mark. Two periods of Kuznets' interest to the work of Schumpeter] / V.M. Moskovkin, D. Yu. Michailichenko, comp., V.S. Ponomarenko, ed. Kharkov: ID «INZhEK».
- Nobel lectures. Economics 1969-1980 (1992) / A. Lindbeck, ed. Singapore: World scientific publishing Co.
- Nobelevskie laureaty po ekonomike: vzglyad iz Rossii [Nobel prize winners of economic: a view from Russia] (2003) Y.V. Jakovets, ed. Moscow: "Gumanistika".
- Nobelevskie laureaty XX veka. Ekonomika [Nobel prize winners of the XX century. Economics] (2001). Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary]. Moscow: ROSSPEN.
- Reviews of books (1965) // The Journal of Economic History. Vol.25. Issue 03 (Sept).
- Schultz T.W. (1961). Investment in human capital // American Economic Review. Vol.52. №1: 1-17.
- System of National Accounts 2008 (2009). European Commission, International Monetary Fund, Organisation for Economic Co-operation and Development, United Nations, World Bank.
- Vernadsky V.I. (1977). Razmyshleniya naturalista. Kniga 2. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Reflections of natural philosopher. Vol. 2. Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka.

КТО НАРУШИЛ ЭТНИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ В РОССИИ?

ИГОРЬ ЕФРЕМОВ^{1, *}

Отклик на статью известного российского демографа Л.Л. Рыбаковского, посвященную этническим характеристикам депопуляции России. В условиях, когда суммарный коэффициент рождаемости в России опустился ниже уровня простого воспроизводства населения уже около полувека назад и при этом целый ряд титульных народов России до сих пор не завершил демографический переход, актуальность такой статьи не вызывает сомнения. Автор выходит в своей статье на смежное поле демографии и этнологии, что усложняет его задачу. Он рассматривает проблему на глобальном, страновом и региональном уровнях, особенно сосредотачиваясь на ретроспективном описании исследуемых этнических и демографических процессов. Исследуется и демонстрируется важность их пространственных характеристик на уровне постсоветского пространства, России и ее регионов. Совмещение широко используемого в тексте «языка цифр» – обилия статистического материала – с эмоционально окрашенной оценкой исследуемых демографических и этнических процессов оживляет работу и не может оставить читателя равнодушным. Статья ставит перед читателем важные научные вопросы, но, к сожалению, дает меньше ответов.

Ключевые слова: депопуляция, миграция, этническое равновесие, колонизация, ассимиляция, перепись населения, репатриация, этнос, примордиализм.

В номере 4 (372) за 2015 г. одного из наиболее авторитетных российских журналов в области социологических наук «Социологические исследования» была опубликована статья доктора экономических наук, профессора, главного научного сотрудника Института социально-политических исследований РАН Леонида Леонидовича Рыбаковского «Депопуляция и ее этнические аспекты в России» [Рыбаковский 2015].

В условиях, когда суммарный коэффициент рождаемости в России опустился ниже уровня простого воспроизводства населения уже около полувека назад и при этом целый ряд титульных народов России до сих пор не завершил демографический переход, актуальность такой статьи не вызывает сомнения.

Л.Л. Рыбаковский – известный российский демограф – выходит в этой статье на смежное поле демографии и этнологии, что усложнило его задачу. Автор статьи рассматривает проблему на глобальном, страновом и региональном уровнях, особенно сосредотачиваясь на ретроспективном описании исследуемых этнических и демографических процессов. Исследуется и демонстрируется не меньшая, чем динамики вышеназванных процессов, важность их пространственных характеристик на уровне постсоветского пространства, России и ее регионов. Совмещение широко используемого в тексте «языка цифр» – обилия статистического материала – с эмоционально окрашенной оценкой исследуемых демографических и этнических процессов оживляет работу и не может оставить читателя равнодушным.

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия).

*E-mail: igorefremovnv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

Вопрос о том, что же такое депопуляция, может быть рассмотрен с разных точек зрения. Речь здесь может идти как исключительно о естественном движении населения, так и об общей динамике, включающей в себя итоги миграции. В свою очередь, начало убыли населения можно обнаружить как в момент перехода рождаемости за границу простого воспроизводства поколений при ее снижении, так и при превышении числа умерших над числом родившихся. В последнем случае временные рамки депопуляции могут быть сильно искажены возрастной структурой населения и краткосрочными явлениями (к примеру, кризисными для общества событиями).

В статье «Депопуляция и ее этнические аспекты в России» автор выбрал в качестве временных границ депопуляции годы превышения числа умерших над числом родившихся, о чем говорит указанная дата окончания депопуляции – «до 2013 г.». Общий же прирост населения России стал положительным еще в 2009 г. благодаря миграции. При этом суммарный коэффициент рождаемости уже в середине 1960-х годов опустился ниже уровня простого воспроизводства населения (с краткосрочным его достижением в 1980-х годах). Кроме того, согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., во всех поколениях россиянок, родившихся после 1940 г., среднее число рожденных детей, приходящихся на одну женщину, менее двух [Итоги всероссийской переписи населения... 2010b]. Исходя из этого, нам видится справедливым искать корни депопуляции в более далеких, нежели начало 1990-х, годах.

Рассматривая глобальный аспект российской депопуляции, автор приводит следующие данные: «Россия, занимая четвертое место в мире по численности населения в начале 1990-х гг., передвинулась в новом тысячелетии на девятое». К сожалению, приведенные данные не совсем верны: последний раз Россия (в современных границах) была на четвертом месте по величине населения лишь в 1970-х годах, после чего ее вытеснила Индонезия. К началу 1990-х годов Россия была уже шестой, пропустив вперед еще и Бразилию. К настоящему времени также Пакистан, Бангладеш и Нигерия имеют большее, чем Россия, население. Вполне возможно, что в статье на четвертом по людности месте в мире к началу 1990-х годов подразумевается весь Советский Союз, что, безусловно, правда. Но в таком случае потеря Россией лидирующих позиций вызвана не столько депопуляцией, сколько распадом СССР.

Автор справедливо отмечает, что «вследствие естественной убыли» «ускорилось сокращение доли России в мировом населении». Здесь нам хотелось бы немного пофантазировать о том, как могли бы развиваться события при отсутствии естественной убыли в описываемый период. В таком случае (при сохранении имевшихся величин миграционного прироста и нулевом естественном приросте) население России сейчас составляло бы приблизительно 156 млн человек вместо фактических (округленно) 147 млн. С 1992 по 2015 г. доля России в мировом населении сократилась с почти 2,8 до 2%. А при реализации гипотетического сценария отсутствия естественной убыли доля россиян сократилась бы с тех же 2,8 до 2,15%. Таким образом, глобальные демографические потери геополитического статуса России из-за депопуляции составили 0,15 процентного пункта. Эту величину трудно назвать значительной. Справедливости ради стоит отметить, что доля мирового населения, приходящаяся на демографически благополучные (по меркам развитых стран) США, также неуклонно сокращается. Уместно также вспомнить и более

далекие годы. К началу XX века на острове Великобритания проживало около 2% (удивительное совпадение) всего населения планеты. И эти 2% фактически владели 20-ю процентами мирового населения, которое проживало на тот момент в их колониях. Тот факт, что нынешние 2% мирового населения в лице россиян не установили контроль над пятой частью человечества, вряд ли свидетельствует лишь о недостатке в России демографического потенциала.

К ряду последствий депопуляции, помимо снижения трудноопределяемых «геополитического статуса» и «политического влияния», автор статьи причисляет также «сокращение его (государства) экономического и оборонного потенциала».

Достаточно простой и при этом доступный показатель экономического потенциала стран – валовой внутренний продукт – поможет пролить свет на связь депопуляции и экономического развития. За время депопуляции (1992 – 2013 гг. по версии автора статьи) валовой внутренний продукт, рассчитанный по паритету покупательной способности, в экономике России увеличился с 1 до 3,7 трлн долларов США [База данных Всемирного банка]. Аналогичная ситуация наблюдается также во многих других депопулирующих развитых странах.

Сравнивать оборонный потенциал стран в нынешних относительно мирных условиях сложнее. Тем не менее вооруженные силы требуют финансирования, и его объем может служить хорошей основой для сравнения. Так, по данным Стокгольмского института исследования мира, в 2014 г. депопулировавшая Россия оказалась на третьем месте в мире по военным тратам, уступая Китаю и США [Тренды мировых... 2014]. При этом в спину нам дышит Саудовская Аравия, которая со своим населением едва заметна на глобальном демографическом уровне. Но российский воин силен также смекалкой и боевым духом, которые, как известно, не купишь. Не говоря уже об инженерном и научном гении создателей российского оружия. Составители рейтинга «Глобальная военная мощь» ежегодно анализируют объемы и качество вооружения стран мира, исключая из анализа ядерный потенциал. Но даже и без боеголовок Россия в этом рейтинге стабильно держит второе место, оставляя далеко позади самые населенные страны мира – Китай и Индию [Рейтинг стран ... 2016]. Впрочем интересно не столько это, сколько, например, попадание почти в десятку стран с мощнейшими армиями мира (11-е место) крошечного Израиля с населением всего лишь около 8 млн человек. Небольшой демографический потенциал этой страны позволил не только создать процветающую экономику, но также и оборонный потенциал, который существенно больше, чем, к примеру, у четвертой по людности страны мира – Индонезии, второй по территории – Канады и седьмой по объему экономики – Бразилии. Вероятно, в военных конфликтах XXI века стратегия закидывания врага трупами собственных солдат уже не работает.

Все это показывает, что гигантомания, даже демографическая, не гарантирует способность преодолеть экономические, военные, политические вызовы, стоящие перед государствами.

Переходя с глобального на общероссийский уровень описания проблемы, автор внимательно прочитанной нами статьи подмечает недооценку пространственных масштабов депопуляции общественным (научным и политическим) мнением из-за

чрезмерной его сосредоточенности на обезлюдении исключительно азиатской части России. В действительности же депопуляция, согласно статье, отмечается в 80% субъектов РФ. Поэтому автор рекомендует государству сосредоточить свои усилия в первую очередь на решении проблем расселения населения, и лишь во вторую – проблем его динамики.

Согласно данным Росстата, в 2015 г. общая численность населения сократилась в 61% всех субъектов РФ [Оценка численности населения...], естественная убыль в 2014 г. (наиболее актуальные опубликованные данные) отмечалась в 49% всех субъектов [Родившиеся, умершие...]. Нужно отметить, что в 1990-х и 2000-х годах число проблемных регионов было гораздо *большим*, хотя эта маленькая неточность несколько не умаляет остроты проблем расселения населения России.

Автор статьи вводит термин «этническое равновесие», но не раскрывает его сущности. Аналогичный термин был введен антропологом и этнографом Сергеем Широкогоровым в 1920-х годах во время его исследований в Маньчжурии и имел отношение скорее к популяционной экологии, чем к этническим аспектам демографии [Ревуненкова, Решетов 2003]. В данной же статье лишь указывается, что этническое равновесие «создавалось в процессе длительного формирования единого российского государства». К концу советской эпохи действительно было достигнуто некоторое этническое равновесие. А именно: согласно переписи населения 1989 г. доля лидирующего по численности этноса – русских – в составе всего населения СССР снизилась по сравнению с предыдущей переписью и достигла 51%. Таким образом, было практически достигнуто равновесие в численности русских и всех других этносов СССР, вместе взятых. Однако в дальнейшем автор статьи указывает на то, что снижение доли русских в современной России (80% по переписи 2002 г. и 78% по переписи 2010 г.) как раз и является нарушением этнического равновесия. Следовательно, для «равновесия» требуется как минимум сохранение доли крупнейшей этнической группы в структуре населения.

Неоднократное упоминание «мирного» сосуществования русских с некоторыми другими народами в течение многих веков, равно как и «мирное» присоединение части народов и территорий, дает основания предполагать, что под этническим равновесием в статье подразумевается мирное и относительно бесконфликтное сосуществование разных этнических групп внутри России, которое нарушилось депопуляцией, прежде всего, «государствообразующего этноса» – русских. Предпосылки такого подхода не совсем соответствуют суровой реальности былой колонизации этнических окраин России. Так, пятивековому действительно мирному сосуществованию русских и мордвы предшествовали сотни лет регулярных войн. Комментируя цитату из статьи: «Мирному проживанию вместе славянских и финно-угорских народов уже доброе тысячелетие», уместно будет упомянуть научные работы по истории, фокусирующиеся на данной теме и опровергающие приведенное выше утверждение автора (например, В.В. Фомин [2007]; Е.А. Федосеева [2006]; Е.Н. Мокшина [2013]; Н.Ф. Мокшин [1994: 232–237]; В.И. Молодин [2005: 67, 79, 83]). Колонизация Сибири также была настолько «мирной» и добровольной, что в фольклоре народов Севера русские до сих пор имеют негативные характеристики. К примеру, во время обрядовых танцев коренные жители надевают маски и объясняют духу мертвого зверя, что он убит русскими, которым дух соответственно должен отомстить [Кулемзин, Лукина 1992].

При этом было бы неправильно утверждать, что исключительно русские колонизаторы были жестокими убийцами. В действительности же насилие между разными этническими группами было абсолютной нормой в то время. Колонизируемые народы точно так же устраивали войны с соседями.

Колонизация, насильственная и ненасильственная ассимиляция оправдываются и объясняются в статье следующим образом: «славяне, находясь на более высоком уровне общественного развития, чем аборигены...»; «... (Латвия и Эстония) вообще не имели собственной государственности ... Эти страны были не захвачены Россией, а отвоеваны ею»; «Эти страны ... находились на более низком уровне общественного развития и были слабыми вследствие своих малых размеров ... (также) фокусировали на себе геополитические интересы (других) крупных держав». Достойной иллюстрацией «низкого уровня» развития является, к примеру, тот факт, что самые древние города на территории Российской империи и СССР были построены вовсе не руками славян и не на славянских землях. Еще один интересный факт: в XVII веке «не имевшее собственной государственности» герцогство Курляндии и Семигалии (современная западная и центральная Латвия) владело собственными колониями в Африке (современная Гамбия) и Америке (о. Тобаго в Карибском море) [Кенинш 1990: 99].

Но не только история достижения «этнического равновесия» описана в статье «Депопуляция и ее этнические аспекты в России». В положительном ключе отмечается взаимопроникновение народов в рамках союзных республик в СССР благодаря единому миграционному пространству. Упоминается и значимость миролюбивой национальной идеологии советского государства. В то же время далее в статье мы обнаруживаем данные об исходе русского населения с этнических окраин СССР с 1959 по 1989 г. в Закавказье и с 1979 по 1989 г. в Средней Азии. Это, а также известные кровавые этнические конфликты в этих регионах в конце 1980-х годов, наводит на мысль, что советская идеология вовсе не была такой эффективной. Очевидно, что межэтническая напряженность не была разрешена с помощью идеологии, а лишь накапливалась. Давление государства позволяло до поры до времени держать этнические конфликты в латентном состоянии, придав им так называемый «эффект сжатой пружины». Говоря о роли идеологии в межэтнических отношениях, можно также вспомнить, как советское государство помогло не только простым людям, но даже ученым-историкам «забыть» недостаточно мирные страницы взаимоотношений русского этноса с народами колонизируемых территорий. Так, ведущий советский этнограф 1930 – 1950-х годов профессор С.П. Толстов, создавая программу исторического отдела «руководящего теоретического органа партии» (журнала «Большевик») рекомендовал Управлению пропаганды и агитации советской коммунистической партии в 1944 г. пропагандировать «... ту большую положительную роль, которую оказало на развитие отсталых народов ... распространение элементов русской культуры», а также яростно клеймил советских историков, которые не могли «... уяснить наше советское понимание историзма и патриотического отношения к историческому прошлому», ошибочно, по его мнению, «... разоблачающих захватническую политику России» [Толстов 2007]. Профессор Толстов, как это было принято в то время, щедро сдабривал свои тексты цитатами из товарища Сталина. Этот эффективный менеджер, как известно, легко и результативно решал любые этнические проблемы, преподавая целым народам замечательные выездные

уроки межнационального добрососедства в степях Казахстана, а также в тайге и тундре Сибири. Не потому ли советские идеология и пропаганда тех лет были так эффективны?

В статье отмечается важная роль в СССР «единого для страны русского языка». Нам же недоступность образования (особенно профессионального) на родном языке видится одним из основных орудий ассимиляции российских этносов и маргинализации их остатков. Тем не менее процесс колонизации и ассимиляции народов России в статье описывается скорее как полезный для установления «этнического равновесия». Следовательно, продолжение государством дискриминирующей языковой политики в отношении этнических меньшинств по такой логике помогает «нейтрализовать негативные последствия происходящих этнических ... процессов».

Полностью разделяя позицию автора о важности русского языка как языка межнационального общения, объединяющего народы России (а прежде народы СССР), мы все же полагаем, что он преувеличивает тяжесть последствий исхода русского населения из национальных республик. В статье описывается угрожающий процесс «систематического выдавливания государствообразующего народа России из национальных республик». В этой части наглядно демонстрируется заметное сокращение доли русских в населении ряда субъектов РФ за межпереписные периоды. Наиболее пугающая картина сложилась в Якутии, Тыве и всех северокавказских республиках, кроме Адыгеи. Но действительно ли Россия теряет эти национальные окраины? Мы проанализировали результаты переписей населения 2002 и 2010 г. в указанных регионах (таблица 1).

Таблица 1. Доля населения, владеющего русским языком, в отдельных регионах России по данным переписей населения 2002 и 2010 г., %

Субъект РФ	Доля населения, владеющего русским языком		
	2002	2010	изменение доли, п.п.
Чеченская Республика	81,4	91,8	10,4
Республика Дагестан	88,2	90,5	2,3
Республика Ингушетия	86,6	88,4	1,8
Республика Северная Осетия	96,3	97,0	0,7
Кабардино-Балкарская Республика	95,1	95,6	0,5
Карачаево-Черкесская Республика	96,3	96,3	0
Республика Саха (Якутия)	93,3	92,3	-1,0
Республика Калмыкия	99,3	97,6	-1,7
Республика Тыва	87,8	84,7	-3,1
Дагестан, Чечня и Ингушетия вместе	86,2	90,7	4,5

Источники: [Итоги всероссийской переписи населения... 2010а; Итоги всероссийской переписи населения... 2002].

Как видно из таблицы 1, владение «единым для страны» русским языком в указанных республиках не только находится на высоком уровне, но даже растет в большинстве из них. Выполняя указание автора статьи «особо надо сказать о трех северокавказских республиках», мы также подсчитали этот показатель и для них вместе. Таким образом, несмотря на сокращение доли русского населения в республиках, распространение и влияние русского языка в них лишь растет. Возможно, этот инструмент межнационального общения окажет большее влияние на мир и стабильность, чем в советские годы оказывало присутствие сотен тысяч русских жителей.

Описывая этническую динамику населения Кавказа с использованием переписных данных, необходимо поднять вопрос об их качестве. Результаты переписей населения 2002 и 2010 г. (прежде всего, в республиках Северного Кавказа, но также и в Москве, Башкортостане) многократно подвергались обоснованной критике. Среди их недостатков можно назвать, к примеру, вероятный двойной учет населения, выбывшего из регионов. Нельзя исключить и прямые фальсификации, направленные на искусственное завышение численности населения региона. Кроме того, в некоторых регионах местные власти, вероятно, пытались оказать влияние на результаты переписи в части ответов о национальной принадлежности [Богоявленский 2008; 2012]. Таким образом, с учетом языковой ситуации разбалансировка «этнического равновесия» на Северном Кавказе может оказаться совсем не такой катастрофичной, как описывает автор статьи.

Анализируя результаты переписи населения 2010 г., Л.Л. Рыбаковский указывает на «ускорение темпов сокращения ... доли основного этноса в населении России» по сравнению с итогами переписи 2002 г. В частности, в статье сообщается, что «за 8 лет доля русских уменьшилась почти на 4,9 млн человек». Даже если пройти мимо не совсем обычного измерения доли в млн человек, такое прочтение результатов переписи выглядит немного поверхностным. Как нами уже отмечалось выше, качество проведения переписей оставляло желать лучшего. Особенно это касается переписи 2010 г. В таблице 2 мы привели данные обеих переписей для дальнейшего анализа.

Таблица 2. Некоторые данные переписей населения России 2002 и 2010 г. по национальному составу населения, тыс. чел.

	2002	2010
Все население	145 167	142 857
в том числе русские	115 889	111 017
национальность не указана	1 461	5 629
в том числе отказ от ответа	н.д.	584

Примечание: н.д. – нет данных.

Источники: [Итоги всероссийской переписи населения... 2010а; Итоги всероссийской переписи населения... 2002].

Как видно из таблицы 2, в разы выросла доля жителей России, чья этническая («национальная» в терминах переписи) принадлежность не указана вовсе. Если в 2002 г. такие жители составили 1%, то в 2010 г. уже 3,9%. Несмотря на сокращение абсолютного числа русских за межпереписной период, доля их от всего населения, указавшего свою национальность, немного выросла с 80,64 до 80,9%. Но согласно автору статьи «уменьшение почти на 9 млн человек ... русского народа» «представляет питательную среду для ... национализма». Следовательно, опасаясь русского национализма, многочисленные представители этнических меньшинств, «систематически выдавливающие» русских, могли отказаться от сообщения своей национальности переписчику. Именно это, казалось бы, может объяснить такой рост доли переписанного населения без указания этничности. Но в действительности около 90% этого населения вопрос о национальной принадлежности в 2010 г. вообще не задавался, так как многие жители были переписаны по административным источникам, в которых нет таких сведений. А значит, число скрывающих свою национальность представителей этнических меньшинств даже в худшем случае не превысило 584 тыс. человек. Исходя из этого и из

разумного допущения, что переписанные заочно жители России по национальной принадлежности распределены аналогично указавшим свою этничность, мы подсчитали примерную общую численность русских по переписям 2002 и 2010 г. Она составила 117,1 млн человек в 2002 г. и 115,1 млн в 2010 г. Таким образом, наиболее вероятно, что численность русских в этот межпереписной период сократилась на 2 млн человек или почти на 1,7%, тогда как все население страны сократилось на 2,3 млн человек или на 1,6%. Эти результаты входят в противоречие с уже упоминавшимися выводами статьи, согласно которым между переписями 2002 и 2010 гг. «доля русских уменьшилась почти на 4,9 млн человек».

В статье неоднократно указывается важная роль миграции в установлении или нарушении «этнического равновесия». По большому счету речь идет о репатриации (здесь и далее мы условно используем данный термин, подразумевая лишь прирост русского населения России в международном миграционном обмене) русских из бывших республик СССР. Несмотря на эту важность, в России «с 2008 г. прекращен учет национального состава мигрантов». Поэтому автор вынужден лишь приблизительно сообщить читателям численность русских, прибывших на постоянное место жительства между переписями населения – «70–80 тысяч человек». Эта оценка кажется странной. Автор прав в том, что учет национального состава мигрантов с 2008 г. был прекращен, но ведь до этого он велся. В таком доступном источнике как «Демографический ежегодник России» за 2008 г. можно без труда найти информацию, согласно которой миграционный прирост русских только за 2003–2007 гг. составил 242 тыс. человек [Демографический ежегодник 2008: 500], и наверняка он не прекратился и после этого. Если предположить, что его величина на протяжении трех лет до переписи населения в конце 2010 г. равнялась среднегодовой за 2003–2007 гг., то за весь межпереписной период он должен был составить 387 тыс. человек.

До известной степени эти данные можно проконтролировать, благодаря тому, что, к счастью, есть еще как минимум одно крупное постсоветское государство, которое очень ответственно относится к этнической принадлежности своих жителей – Казахстан. Мы позволили себе использовать данные статистики этой страны (и других стран постсоветского пространства), являющейся крупным миграционным партнером России, и тоже попытались сделать приблизительные оценки русских репатриантов в указанный период. Комитет по статистике министерства национальной экономики Казахстана публикует данные о национальном (этническом) составе мигрантов, в том числе по отдельным странам, включая Россию. Анализ этих данных показал, что с 2003 по 2010 г. в миграционном обороте с Россией Казахстан потерял в сумме 156,3 тыс. русских [Архив бюллетеней...]. Следует добавить, что при любом качестве учета миграции выбытия регистрируются хуже прибытий, а значит, это число должно быть еще больше. Как видно, одни лишь казахстанские русские репатрианты с лихвой перекрывают оценки автора статьи. Мы пошли дальше и посчитали, какой могла быть миграционная убыль русского населения в странах СНГ в обмене с Россией, исходя из численности имеющейся в начале 2000-х годов русской диаспоры в этих странах, Казахских данных и допущения, что исход русских на историческую родину из других стран СНГ имел приблизительно такую же интенсивность, как в Казахстане. Для этого мы собрали данные по национальному составу населения наиболее близких к 2002 г. переписей населения в ряде стран. Исходя из

данных переписи населения Казахстана 1999 г. и приведенных выше данных текущего учета, миграционные потери русской диаспоры Казахстана составили приблизительно 3,5% ее численности на начало 2000-х годов. В Узбекистане длительное время не проводились переписи населения, поэтому для него дана оценочная численность русского населения на начало 2000-х годов. Общие данные о русской диаспоре СНГ приведены в таблице 3.

Таблица 3. Численность русского населения отдельных стран по данным переписей населения, млн

Страна	Год переписи	Численность русских
Украина	2001	8,3
Казахстан	1999	4,5
Белоруссия	1999	1,1
Киргизия	1999	0,6
Молдавия (включая Приднестровье)	2004	0,37
Туркменистан	1995	0,3
Азербайджан (без Нагорного Карабаха)	1999	0,14
Грузия (без Абхазии и Южной Осетии)	2002	0,07
Таджикистан	2000	0,07
Армения	2001	0,015
Узбекистан		ок. 1
Всего		ок. 16,5

Источники: [Алексеевко 2002; Максакова 2010; Мкртчян, Сарыгулов 2012; Население Приднестровья ... 2005; Национальный состав населения Украины...; Перепись населения Армении...; Результаты переписи населения...; Тульский 2005; 2006; Туркмены составляют... 2001; Этнические группы...; Юнусов 2004].

Подсчитанный таким образом миграционный прирост русского населения России в обмене со странами СНГ за 2003–2010 гг. мог превысить 500 тыс. человек. Но не Казахстаном единым полнится русский народ. Поэтому мы нашли еще один способ приблизительно оценить этот репатриационный поток. База неперсонифицированных микроданных российской переписи населения 2010 г. позволяет нам выделить жителей, участвовавших в переписи, назвавших себя русскими и указавших место проживания за год до переписи в других странах. Таких русских иммигрантов, прибывших в течение одного лишь года, было 72 081 человек. Добавим к ним 3,5% переписанных, вероятно, заочно людей без указания этнической принадлежности и получим не менее 75 тыс. русских иммигрантов [База микроданных переписей... 2016]. Вышеназванные данные статистики Казахстана показывают, что в данный межпереписной период величина потока русских эмигрантов быстро убывала. Следовательно, мы можем предположить в указанные годы русскую иммиграцию в объеме большем, чем 600 тыс. человек. Существовала, безусловно, и эмиграция русских. Но в условиях продолжавшейся репатриации немцев, евреев и титульных народов постсоветских стран объем ее, вероятно, не превысил 300 тыс. человек, исходя из данных Росстата о международной миграции, показывающих в сумме около 450 тыс. выбывших в 2003-2010 гг. [Международная миграция]. Таким образом, мы можем оценить миграционный прирост русского населения России между переписями 2002 и 2010 г. как минимум в пределах 300–500 тыс. человек, что неплохо согласуется с данными Демографического ежегодника России, но значительно больше оценки автора статьи. Безусловно, помимо русских, и другие титульные народы России (татары, башкиры, чуваша, мордва и др.) широко расселены по осколкам империи и также частично

переселяются на историческую родину. Но мы не стали их учитывать, так как своим появлением на российской земле они, как должно следовать из логики статьи, лишь усугубляют нарушение «этнического равновесия». Автор статьи сам указывает на важность репатриационного потока: «3 млн (русских) человек прибыли в Россию из нового зарубежья». Но делает это лишь для периода между переписями 1989 и 2002 г. Мы же убеждены, что миграция русских в Россию и в 2000-е годы, несмотря на падение интенсивности, оставалась крупным источником пополнения их численности.

В статье подробнейшим образом описана динамика численности и доли практически всех крупных народов России между переписями 1989, 2002 и 2010 г. Возвращаясь к утверждению автора: «такая динамика (уменьшение на 7,4% между 1989 и 2010 гг.) русского народа представляет питательную среду для проявления различных форм национализма», хотелось бы привести цитаты из статьи, которые иллюстрируют эту динамику у других народов. «Помимо русских наиболее сильно сократили численность и долю ... карелы, коми-пермяки и коми, марийцы, мордва, удмурты и чуваша. Численность этих народов с 1989 г. по 2010 г. уменьшилась почти на 1,1 млн человек, а доля в населении России сократилась с 2,87 до 2,39% или на 16,7%». Исходя из логики автора, что «такая динамика» у русских – «питательная среда ... национализма», мы предполагаем, что у вышеназванных народов, депопулирующих намного быстрее русских, среда для регионального этнического национализма (и, как следствие, сепаратизма в национальных республиках) гораздо более питательна. Особенно ее, должно быть, подпитывает тот факт, что депопуляция этих народов достигает таких масштабов за счет ассимиляции (иначе в отсутствие войн и геноцида этим народам с относительно высокой в среднем рождаемостью было бы проблематично так сильно уменьшиться). В подтверждение приводим данные переписи населения 2010 г. о среднем числе рожденных детей на одну женщину названных национальностей в возрастах 30–44 года, т.е. тех женщин, пик рождаемости у которых пришелся на описываемый период депопуляции (рисунок 1).

Следуя далее логике статьи о питательных средах для национализма по аналогии с тем, что исправление динамики русского народа в России должно сделать среду национализма менее питательной, мы неизбежно приходим к выводу, что путь к минимизации риска национализма и сепаратизма в национальных республиках – улучшение динамики численности соответствующих титульных народов в своих регионах. Следовательно, представителям этих народов в своих республиках необходимо приложить максимум усилий к «систематическому выдавливанию государствообразующего народа», то бишь русских (а также всех прочих не титульных), давя, таким образом, национализм в зародыше. В итоге мы пришли к противоречивым выводам о том, кто, кого и откуда должен выдавливать ради сохранения мира, согласия, территориальной целостности и «этнического равновесия».

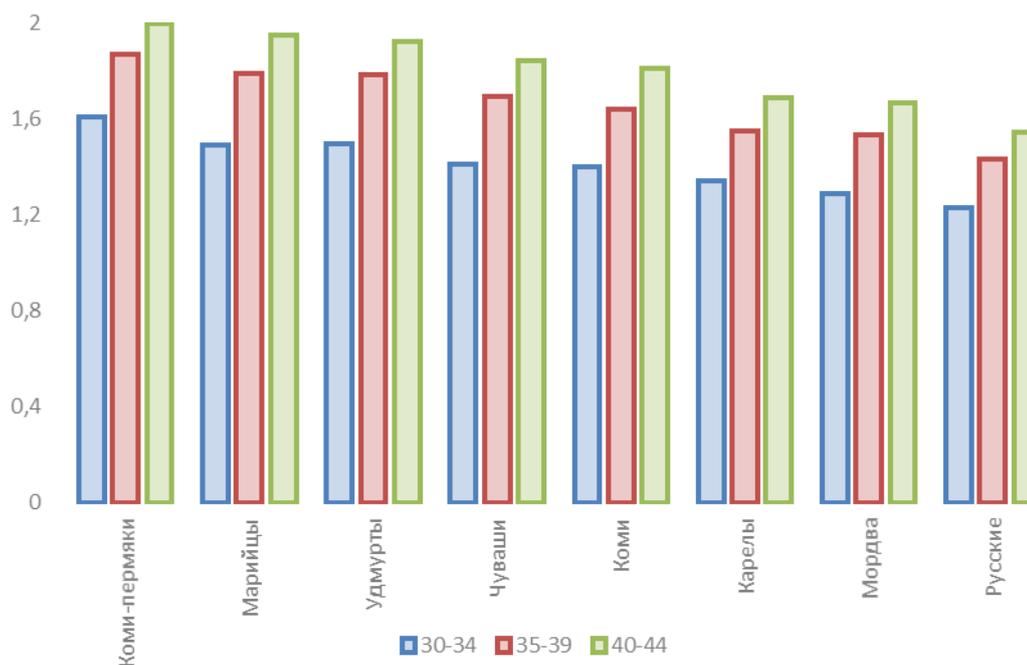

Рисунок 1. Среднее число рожденных детей на одну женщину соответствующего возраста по отдельным этническим группам согласно переписи населения России 2010 г.

Источник: [Итоги всероссийской переписи населения... 2010b].

Как показывает далее статья, в большинстве российских республик происходит «систематическое выдавливание» русских. Исключением стали лишь Карелия, Коми и Удмуртия, где доля русских выросла, а также Марий-Эл и Чувашия, где их доля стабильна. К сожалению, автор не углубляется в показатели «выдавливаний» русских из республик, хотя было бы очень интересно разделить вклад «естественных» причин сокращения доли русского населения (разница с титульными народами в рождаемости, смертности, возрастной структуре) и миграции. Таким образом, можно было бы разделить регионы на те, из которых русских действительно выдавливают какие-либо факторы, и те, в которых русское население скорее «выдавливает» само себя в мир иной, чем в другие регионы.

В статье неоднократно упоминается влияние на этническую структуру населения добровольного изменения своей этнической принадлежности жителями России. Такие факты, как сказано, массово имели место во время переписи 1926 г., паспортизации населения, переписи 1939 г., между переписями 1989 и 2002 г.

Нельзя забывать и о сокрытии своей национальности многими представителями дискриминируемых этнических групп в СССР, что могло искусственно завышать долю русских. Напомним также, что программы переписей населения в России не допускают указания множественной этнической (национальной) принадлежности. Вполне возможно, что значительная часть упомянутых выше жителей России, отказавшихся назвать национальность переписчику, как минимум биэтничны и просто не смогли сделать свой выбор. Возникает вопрос, имеет ли моральное право государство (так или иначе влияющее на программу переписи населения) оказывать такое опосредованное давление на жителей в

вопросах этнической идентичности? По нашему мнению, это не только неэтично, но и не в полной мере соответствует духу пункта 1 статьи 26 Конституции России, гласящей: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности». Насколько вообще разумно с позиции стремления к межнациональному согласию и «этническому равновесию» так или иначе вынуждать людей выбирать этничность в случаях, когда она множественная? Ведь демонстрация места межэтнических семейных союзов и их детей в населении России могла бы стать гораздо более действенным подтверждением братской дружбы народов, чем формалистское достижение и сохранение желаемого для государства соотношения разных этнических групп в населении. О масштабах и характеристиках этого явления можно узнать, к примеру, из работы Е.Л. Сороко [2014] о смешанных супружеских парах.

Возвращаясь к упоминанию в статье национализма, хотелось бы отметить следующую мысль автора: «то, что существует проблема русского этноса, невозможно отрицать». Удивляет отсутствие в статье заботы о проблемах других этносов многонациональной России. Как было указано самим автором, в стране есть народы, депопулирующие гораздо быстрее русского. Эти народы вдобавок стремительно ассимилируются. Тут уж русским грех жаловаться – никто их в России ассимилировать не способен. Если же идея о том, что первоочередного решения заслуживает лишь проблема «государствообразующего» этноса, захватит умы представителей менее преуспевающих народов, не приведет ли это к желанию тоже стать «государствообразующим» и очередной волне сепаратизма? Ведь, судя по всему, именно сепаратизма опасается автор статьи, напоминая нам о «выдавливании» русских из республик СССР незадолго до его распада и тут же указывая на повторение этого «выдавливания» уже в национальных республиках внутри России в настоящее время. Можно рассмотреть и важные составляющие демографических проблем этносов: рождаемость и смертность. Ряд народов России имеют сегодня едва ли не африканскую продолжительность жизни, ведь не русские в нашей стране лидеры в смертности. Неужели этот факт не заслуживает равного, с гораздо более низкой смертностью среди русского населения, внимания исследователей и государства? Л.Л. Рыбаковский в статье акцентирует внимание на проблемах ряда республик, чье титульное население еще имеет относительно высокую рождаемость. Эта высокая рождаемость вместе с наличием труднопреодолимых барьеров для межрегиональной мобильности вносит большой вклад в сегодняшнюю плачевную социально-экономическую ситуацию в данных субъектах. И именно в этих регионах автор статьи обнаружил самое сильное сокращение доли русского населения. Вероятно, решение демографических проблем этих этносов помогло бы не только им самим, но сохранило бы часть того самого «этнического равновесия» в республиках.

Теоретические подходы к проблемному полю статьи «Депопуляция и ее этнические аспекты в России» лежат, помимо демографической науки, в поле этнологии. Признавая свою недостаточную осведомленность в этой сфере, мы все же считаем, что основная часть идей и выводов автора строится на примордиалистском подходе к определению и исследованию этничности, утверждающем при первом приближении, что этносы – неделимые сплоченные общности людей, объединенные рядом уникальных, в том числе

биологических, признаков (подробнее об этнологических подходах, в частности примордиализме, см. Г.Л. Тульчинский [2011], В.А. Колосов [1998], Т.Г. Стефаненко [2009]). Но в рамках такой парадигмы нам представляется, что автор недооценивает роль русского языка в современных межнациональных отношениях в России, отмечая при этом его крайне высокую важность во времена СССР.

В тоже время отношение как к самим проблемам, поднятым в статье, так и к выводам автора, по нашему мнению, можно свести к известной дилемме «Человек для государства или государство для человека». Вероятно, автор статьи стоит ближе к позиции «Человек для государства». Это подтверждается, к примеру, его озабоченностью ранговым положением России среди стран мира по численности населения, геополитическим статусом страны, ее политическим влиянием, оборонным и экономическим потенциалом. Вряд ли жители процветающих, но малозаметных в глобальной политике стран сильно страдают от того, что их государство не может накладывать вето на решения Совета Безопасности ООН, а также из-за своей неспособности, к примеру, «превратить США в радиоактивный пепел». Развивая известную идею «small is beautiful» в данном аспекте, хочется привести еще один интересный международный рейтинг. Центр мира и исследований конфликтов университета Сиднея разработал и составляет Глобальный индекс миролюбия. В последнем таком рейтинге (за 2015 г.) среди лидеров есть лишь одна страна с относительно большим населением – Япония (на 8-ом месте). Первая среди стран с ядерным оружием – Великобритания – на 39-ом месте. При этом в первой десятке рейтинга такие известные своей многонациональностью и терпимостью страны, как Канада, Австралия, Новая Зеландия. Россия же в этом рейтинге оказалась на 152-ом месте, и нашему миролюбию могут позавидовать лишь жители Северной Кореи, Пакистана и ряда стран с перманентными гражданскими войнами [Глобальный индекс миролюбия].

В то же время мы не претендуем на абсолютную правоту в этом вопросе. Очевидно, что интересы государства в формировании демографической и этнической политики тоже важны, а иногда они даже могут совпадать с интересами индивидов, живущих под его управлением и опекой.

Нельзя утверждать, что в вопросах национальной (этнической) политики в России государство самоустранилось и бездействует. При этом действия государства в этой сфере могут вызывать обоснованное беспокойство. Мы сомневаемся, что обеспокоенным нарушением «этнического равновесия» россиянам стоит удовлетвориться современной национальной политикой России, в рамках которой федеральный центр закрывает глаза на коррупцию, подбор государственных служащих по этническому (а то и по родственному) признаку, фактическое внедрение отдельных религиозных норм в качестве обязательного для всех жителей закона в ряде субъектов под предлогом якобы «национальных традиций» таких республик.

В завершении прочитанной нами статьи упоминалась «мина замедленного действия» – усиление локализации народов России в своих национальных «квартирах» – титульных регионах – с одновременным исходом оттуда русского населения. В этой связи нам кажется, что «разминировать» хотя бы часть проблем русского и других этносов России

помогло бы обеспечение реального равенства граждан, независимо от их этнической принадлежности.

В целом статья Л.Л. Рыбаковского после прочтения оставляет некоторое чувство незавершенности. Приведен масштабный подробный анализ преимущественно переписных данных об этнической динамике. Некоторые части статьи нагнетают мрачные опасения о судьбах России и русского народа. Из-за всего этого ожидается, что в конце статьи автор приведет спасительные рекомендации по восстановлению «этнического равновесия». Но, к сожалению, завершают статью лишь общие, хоть и верные, формулировки и благие пожелания: «нужна продуманная, согласованная между собой национальная и демографическая политика, которая могла бы нейтрализовать негативные последствия происходящих этнических и демографических процессов». При этом не указывается, в чем конкретно должна состоять такая политика. Статья «Депопуляция и ее этнические аспекты в России», как и полагается научному тексту, ставит перед читателем важные исследовательские вопросы. Но, к сожалению, дает гораздо меньше ответов.

В заключение хочется выразить надежду, что в светлом будущем в российском обществе этническая принадлежность станет настолько малозначимой на фоне преобладающей гражданской идентичности, что проблема нарушения «этнического равновесия» станет неактуальной.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. (2002). О некоторых итогах переписи населения Казахстана // Демоскоп Weekly. №57-58. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/057/analit04.php> (дата обращения: 06.01.2016).
- Архив бюллетеней «Миграция населения». Комитет по статистике Министерства национальной экономики республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz> (дата обращения: 06.01.2016).
- База данных Всемирного банка. Всемирный банк. Вашингтон (США). URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/countries> (дата обращения: 06.01.2016).
- База микроданных переписей населения России 2002 г. и 2010 г. М.: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 06.01.2016).
- Богоявленский Д.Д. (2008). Все ли российские народы верно посчитали? // Демоскоп Weekly. №319-320. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (дата обращения: 06.01.2016).
- (2012). Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. №531-532. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (дата обращения: 06.01.2016).
- Глобальный индекс миролюбия. Институт исследования экономики и мира. URL: <http://www.visionofhumanity.org/#/page/indexes/global-peace-index> (дата обращения: 06.01.2016).

- Демографический ежегодник России 2008 (2008). Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Итоги всероссийской переписи населения 2002 (2002). Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <http://www.perepis2002.ru> (дата обращения: 06.01.2016).
- Итоги всероссийской переписи населения 2010 (2010a). Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 06.01.2016).
- (2010b). Т.10. Рождаемость. М.: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 06.01.2016).
- Кенинш И. (1990). История Латвии. Рига: Изд-во Звайгзне.
- Колосов В.А. (1998). «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // Полис. Политические исследования. №3: 95–106.
- Кулемзин В.М., Н.В. Лукина (1992). Знакомьтесь: Ханты. Новосибирск.
- Максакова Л. (2010). Узбекистан в системе международных миграций // Демоскоп Weekly. №415-416. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit03.php> (дата обращения: 06.01.2016).
- Международная миграция. М.: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 06.01.2016).
- Мкртчян Н., Б. Сарыгулов (2012). Изменение этнического состава населения Кыргызстана // Демоскоп Weekly. №531-532. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit06.php> (дата обращения: 06.01.2016).
- Мокшин Н.Ф. (1994). Мордва // Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия.
- Мокшина Е.Н. (2013). Мордовский народ в русских летописях и других письменных источниках средневековья // Социально-политические науки. №1: 27-30
- Молодин В.И. (2005). История и культура Хантов. Томск: Изд-во Томского университета.
- Население Приднестровья по переписи 2004 года (2005) // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0213/panorm01.php#2> (дата обращения: 06.01.2016).
- Национальный состав населения Украины по данным переписей населения. Государственный комитет статистики Украины. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/graphic (дата обращения: 06.01.2016).
- Оценка численности населения на 1 января 2016 года и в среднем за 2015 год. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 06.01.2016).
- Перепись населения Армении 2001 г. Национальная статистическая служба Республики Армения. URL: <http://www.armstat.am/en/?nid=585> (дата обращения: 06.01.2016).

- Ревуненкова Е.В., А.М. Решетов (2003). Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. №3: 100–118.
- Результаты переписи населения республики Беларусь 2009 г. Национальный статистический комитет республики Беларусь. URL: <http://census.belstat.gov.by/pdf/BOOK-ru-RU.pdf> (дата обращения: 06.01.2016).
- Рейтинг стран по военной силе (2016). Глобальная огневая мощь. URL: <http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (дата обращения: 06.01.2016).
- Родившиеся, умершие и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации. М.: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (дата обращения: 06.01.2016).
- Рыбаковский Л.Л.(2015). Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социс. №4:18-28.
- Сороко Е.Л. (2014). Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. №4: 96–123
- Стефаненко Т.Г. (2009). Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. №2: 3–17.
- Толстов С.П. (2007). Докладная записка в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 28 августа 1944 г. // Этнографическое обозрение. №5: 163–166
- Тренды мировых военных расходов. 2014 г. (2014). Стокгольмский международный институт исследования мира. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=496 (дата обращения: 04.01.2016).
- Тульский М. (2005). Итоги переписи населения Таджикистана 2000 года: национальный, возрастной, половой, семейный и образовательный составы // Демоскоп Weekly. №191-192. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php> (дата обращения: 06.01.2016).
- (2006). Некоторые итоги переписи 2004 г. в Молдавии // Демоскоп Weekly. №249-250. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit08.php> (дата обращения: 06.01.2016).
- Тульчинский Г.Л. (2011). Национальная идентичность и социально-культурные технологии ее формирования // Философские науки. №7: 23–28.
- Туркмены составляют 91% населения Туркмении (2001) // Демоскоп Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/037/evro010.php> (дата обращения: 06.01.2016).
- Федосеева Е.А. (2006). Межнациональные отношения в эпической поэзии Мордвы // Регионология. №4: 394–403.
- Фомин В.В. (2007). Пургасова Русь // Вопросы истории. №9: 3–17.
- Этнические группы по основным административно-территориальным единицам Грузии. Национальное статистическое бюро Грузии. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/census/2002/03%20Ethnic%20Composition.pdf (дата обращения: 06.01.2016).
- Юнусов А. (2004). Этнический состав Азербайджана (по переписи 1999 года) // Демоскоп Weekly. №183-184. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit05.php> (дата обращения: 06.01.2016).

WHO HAS UPSET THE ETHNIC BALANCE IN RUSSIA?

IGOR EFREMOV^{1, *}

Comments on the article "Depopulation and its ethnical aspects in Russia" written by the noted Russian demographer Leonid L. Rybakovskiy. Given a situation in which the total fertility rate in Russia has been below the replacement rate for about the past fifty years, in which, moreover, a number of ethnic groups have still not completed the demographic transition, the topicality of such an article is clear. The author here is working in the contiguous fields of demography and ethnology, which makes his task much harder. He studies the problem on a global, country and regional level, with a special focus on a historic description of the relevant demographic and ethnic processes, of which the author shows both the dynamics and the spatial aspects. The combination of statistics and an emotionally charged assessment of demographic and ethnic processes bring the paper alive in a way which can leave no reader indifferent. The article asks many important research questions, but unfortunately gives fewer answers.

Key words: *depopulation, migration, ethnic balance, colonization, assimilation, population census, repatriation, ethnoscience, primordialism.*

REFERENCES

- Alekseenko A. (2002). O nekotorykh itogakh perepisi naseleniya Kazaxstana [Some results of the Kazakhstan population census] // Demoscope Weekly. №57-58. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/057/analit04.php> (accessed: 06.01.2016).
- Arkhiv byulletenej "Migraciya naseleniya" [Archive of "Population migration" bulletins]. Komitet po statistike Ministerstva nacional'noj e'konomiki respubliki Kazakhstan [Ministry of national economy of the republic of Kazakhstan]. URL: <http://stat.gov.kz> (accessed: 06.01.2016).
- Baza dannykh Vsemirnogo banka [World Bank database]. Vsemirnyj bank [World Bank]. Washington, USA. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/countries> (accessed: 06.01.2016).
- Baza mikrodannykh perepisej naseleniya Rossii 2002 g. i 2010 g [Russian population 2002 and 2010 censuses microdata database]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF [Russian Federal state statistics service]. Moscow. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 06.01.2016).
- Bogoyavlenskij D.D. (2008). Vse li rossijskie narody verno poschitali? [Whether all the Russians are accounted correctly?] // Demoscope Weekly. №319-320. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (accessed: 06.01.2016).
- (2012). Perepis' 2010: e'tnicheskij srez [Census 2010: ethnic face] // Demoscope Weekly. №531-532. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (accessed: 06.01.2016).
- Global'nyj indeks mirolyubiya [Global peace index]. Institut issledovaniya ekonomiki i mira [Economics and peace research institute]. URL: <http://www.visionofhumanity.org/#/page/indexes/global-peace-index> (accessed: 06.01.2016).

¹ THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (RANEPA) (RUSSIA).

* CORRESPONDENCE igorefremovnv@yandex.ru

DATE RECEIVED: December 2015.

- Itogi vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 [Results of the population census 2002] (2002). T.4. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [Vol. 4. Ethnic structure, languages and citizenship]. Moscow: Russian Federal state statistics service. URL: <http://www.perepis2002.ru> (accessed: 06.01.2016).
- Itogi vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 [Results of the population census 2010] (2010a). T.4. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [Vol.4. Ethnic structure, languages and citizenship]. Moscow: Russian Federal state statistics service. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 06.01.2016).
- (2010b). T.10. Rozhdaemost' [Vol.10. Fertility]. Moscow: Russian Federal state statistics service.. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 06.01.2016).
- Keninsh I. (1990). Istoriya Latvii [History of Latvia]. Riga: Izd-vo Zvajgzne.
- Kolosov V.A. (1998). "Primordialism" i sovremennoe nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo ["Primordialism" and present nation and state construction] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political research]. №3: 95–106.
- Kulemzin V.M., N.V. Lukina. (1992). Znakom'tes': Khanty [Let's meet: Khanty]. Novosibirsk.
- Maksakova L. (2010). Uzbekistan v sisteme mezhdunarodnykh migracij [Uzbekistan within the international migration system] // Demoscope Weekly. № 415-416. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit03.php> (accessed: 06.01.2016).
- Mezhdunarodnaya migraciya [International migration]. Moscow: Russian Federal state statistics service. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (accessed: 06.01.2016).
- Mkrtychyan N., B. Sarygulov (2012). Izmenenie etnicheskogo sostava naseleniya Kyrgyzstana [Changing of the Kyrgyzstan population ethnic structure] // Demoscope Weekly. №531-532. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit06.php> (accessed: 06.01.2016).
- Mokshin N.F. (1994). Mordva // Narody Rossii. Enciklopediya [Population of Russia. Encyclopedia] / V.A. Tishkov, ed.. Moscow: Bol'shaya rossiaskaya enciklopediya [Great Russian Encyclopedia].
- Mokshina E.N. (2013). Mordovskij narod v russkikh letopisyakh i drugix pis'mennykh istochnikakh srednevekov'ya [Mordva nation from the Russian chronicles and other medieval written sources] // Social'no-politicheskie nauki [Social and political sciences]. №1: 27-30.
- Molodin V.I. (2005).). Istoriya i kul'tura Khantov [History and culture of the Khantys]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.
- Naselenie Pridnestrov'ya po perepisi 2004 goda (2005) [Transdnistria population according 2004 census] // Demoscope Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0213/panorm01.php#2> (accessed: 06.01.2016).
- Nacional'nyj sostav naseleniya Ukrainy po dannym perepisej naseleniya [Ethnic structure of Ukrainian population according population censuses]. Gosudarstvennyj komitet statistiki Ukrainy [Ukraine state statistics bureau]. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/graphic (accessed: 06.01.2016).
- Ocenka chislennosti naseleniya na 1 yanvarya 2016 goda i v srednem za 2015 god [Population estimated for January, 1 2016 and average 2015]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj

- statistiki RF [Russian Federal state statistics service]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (accessed: 06.01.2016).
- Perepis' naseleniya Armenii 2001 g. [Armenia population census 2001]. Nacional'naya statisticheskaya sluzhba Respubliki Armeniya [National Statistics service of the Republic of Armenia]. URL: <http://www.armstat.am/en/?nid=585> (accessed: 06.01.2016).
- Revunenkov E.V., A.M. Reshetov (2003). Sergei Mixailovich Shirokogorov // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. №3: 100–118.
- Rezul'taty perepisi naseleniya respubliki Belarus' 2009 g. [Results of the Belarus republic population census 2009]. Nacional'nyj statisticheskij komitet respubliki Belarus'[National statistics bureau of the Belarus republic]. URL: <http://census.belstat.gov.by/pdf/BOOK-ru-RU.pdf> (accessed: 06.01.2016).
- Rejting stran po voennoj sile [Countries ranking by military strength] (2016). Global'naya ognevaya moshh' [Global fire power]. URL: <http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed: 06.01.2016).
- Rodivshiesya, umershie i estestvennyj prirost naseleniya po sub"ektam Rossijskoj Federacii [Numbers of births, deaths and natural increase by federal Subjects of Russia].]. Moscow: Russian Federal state statistics service.. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (accessed: 06.01.2016).
- Rybakovskiy L.L. (2015). Depopulation and its ethnical aspects in Russia [Depopulyatsiya i yeye eticheskiye aspekty v Rossii] // Sotsis [Social research]. № 4: 18-28.
- Soroko E.L. (2014). Etnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossijskoj Federacii [Ethnically mixed families in the Russian Federation] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. №4: 96–123.
- Stefanenko T.G. (2009). Etnicheskaya identichnost': ot etnologii k social'noj psikhologii [Ethnic identity: from ethnology to social psychology] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya [The Moscow University Herald. Series 14: Psychology]. №2: 3–17.
- Tolstov S.P. (2007). Dokladnaya zapiska v Upravlenie propagandy i agitacii CK VKP(b) ot 28 avgusta 1944 g [Report to the Central Committee of the All-Union Communist Party (b) office of propaganda and agitation by August,24 1944] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. №5: 163–166.
- Trendy mirovykh voennykh raschodov. 2014 g. [Trends in world military expenditure, 2014] (2014). Stokgol'mskij mezhdunarodnyj institut issledovaniya mira [Stockholm International Peace Research Institute]. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=496 (accessed: 06.01.2016).
- Tul'skiy M. (2005). Itogi perepisi naseleniya Tadzhikistana 2000 goda: nacional'nyj, vozrastnoj, polovoj, semejnyj i obrazovatel'nyj sostavy [The results of the Tajikistan population census 2000: ethnic, gender, family and education structure] // Demoscope Weekly. №191-192. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php> (accessed: 06.01.2016).
- (2006). Nekotorye itogi perepisi 2004 g. v Moldavii [Some results of the Moldova census 2004] // Demoscope Weekly. №249-250. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit08.php> (accessed: 06.01.2016).
- Tulchinskiy G.L. (2011). Nacional'naya identichnost' i social'no-kul'turnye texnologii ee formirovaniya [National identity and social-cultural technologies of its creating] // Filosofskie nauki [Philosophical sciences]. №7: 23–28.

- Turkmeny sostavlyayut 91% naseleniya Turkmenii [91 percent of Turkmenistanian population are Turkmen] (2001) // Demoscope Weekly. URL: <http://demoscope.ru/weekly/037/evro010.php> (accessed: 06.01.2016).
- Fedoseeva E.A. (2006). Mezhnacional'nye otnosheniya v epicheskoj poezii Mordvy [International relations within Mordovian epic poetry] // Regionologiya [Regionology]. №4: 394–403.
- Fomin V.V. (2007). Purgasova Rus // Voprosy istorii [Issues of History] №9: 3–17.
- Etnicheskie gruppy po osnovnym administrativno-territorialnym edinicam Gruzii [Ethnic groups by main administrative-territorial units of Georgia]. Nacionalnoe statisticheskoe byuro Gruzii [National statistical bureau of Georgia]. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/census/2002/03%20Ethnic%20Composition.pdf (accessed: 06.01.2016).
- Yunusov A. (2004). Etnicheskij sostav Azerbajdzhana (po perepisi 1999 goda) [Ethnic structure of Azerbaijan population (according to 1999 census)] // Demoscope Weekly. №183-184. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit05.php> (accessed: 06.01.2016).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья КАШНИЦКИЙ ^{1,2,*}

- *Liefbroer A.C., A.-R. Poortman, J.A. Seltzer. Why do intimate partners live apart? Evidence on LAT relationships across Europe*
- *Vitali A., F.C. Billari. Changing determinants of low fertility and diffusion: a spatial analysis for Italy*
- *Grigoriev P., E.M. Andreev. The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures?*
- *Scherbov S., D. Ediev. Does selection of mortality model make a difference in projecting population ageing?*
- *Tamborini C.R., C. Kim, A. Sakamoto. Education and lifetime earnings in the United States*
- *Marshall E.A. Population projections and demographic knowledge in France and Great Britain in the postwar period*
- *Matsudaira J.D. Economic conditions and the living arrangements of young adults: 1960 to 2011*
- *Janssen F., V. Rousson, F. Paccaud. The role of smoking in changes in the survival curve: an empirical study in 10 European countries*
- *Janssen F., F. van Poppel. The adoption of smoking and its effect on the mortality gender gap in Netherlands: A historical perspective*
- *Van Raalte A.A., M. Myrskylä, P. Martikainen. The role of smoking on mortality compression: An analysis of Finnish occupational social classes, 1971-2010*
- *Kelly L.A., S.H. Preston. The contribution of a history of heavy smoking to Scotland's mortality disadvantage*

WHY DO INTIMATE PARTNERS LIVE APART? EVIDENCE ON LAT RELATIONSHIPS ACROSS EUROPE

[Liefbroer A.C., A.-R. Poortman, J.A. Seltzer (2015). Why do intimate partners live apart? Evidence on LAT relationships across Europe // Demographic Research. 32: 251-286. doi.org/10.4054/demres.2015.32.8]

С повсеместным распространением второго демографического перехода в Западной Европе традиционный брак перестал быть доминирующим способом организации семейной жизни. Ему на смену пришли разнообразные новые формы интимных отношений. Главным "конкурентом" брака справедливо признают сожительство. Однако в последние годы стремительно набирает популярность и привлекает все большее внимание исследователей специфическая форма семейной жизни, когда интимные партнеры, осознавая себя парой, вынуждены или предпочитают жить раздельно. Такая форма семейной жизни получила устоявшееся название в научной литературе - живущие вместе раздельно (living apart together, LAT). Специфику подобных отношений изучали на данных обследований GGS нескольких европейских стран Арт Лифброер, Анне-Рихт Портман и Юдит Зельтцер. Исследователи поставили себе задачу выяснить, насколько распространены LAT-отношения в разных странах Европы и какие черты наиболее свойственны людям, состоящим в таких союзах.

¹ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ); ² УНИВЕРСИТЕТ ГРОНИНГЕНА (RUG) И НИДЕРЛАНДСКИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (NIDI, НИДЕРЛАНДЫ).

*E-mail: ikashnitsky@hse.ru.

Относительная сложность изучения LAT заключается в том, что их не всегда можно прямо противопоставлять браку или сожительству. Очень часто подобные отношения носят временный характер и предшествуют сожительству или даже браку. При этом есть определенные категории людей, не считающие LAT-отношения временными и вполне гармонично живущие в таком состоянии на протяжении длительного времени. Какова роль LAT-отношений в современной Европе и насколько они распространены? Данное исследование одним из первых пытается подробно осветить эти вопросы.

В целом LAT пока не слишком популярны: их доля колеблется в пределах 5-10% населения в возрасте 18-79 лет в разных странах Европы, при этом в Западной Европе они распространены чуть больше. Однако результаты сравнения Западной и Восточной Европы позволяют предположить, что в Восточной Европе LAT-отношения обладают большей селективностью - в них состоят преимущественно люди из высших социально-экономических слоев населения. Живут в отношениях на расстоянии преимущественно молодые люди. При этом именно молодые люди чаще выбирают LAT в качестве временной меры и выражают неудовлетворение тем, что не имеют возможности полноценно жить вместе со своими партнерами. Люди в возрасте и, в особенности, разведенные или овдовевшие более склонны рассматривать LAT в качестве стабильной формы постоянных интимных отношений. Однако подобное возрастное разграничение лучше описывает ситуацию в Западной Европе. В Восточной же Европе постоянство LAT в целом более характерно для элитарных слоев населения.

CHANGING DETERMINANTS OF LOW FERTILITY AND DIFFUSION: A SPATIAL ANALYSIS FOR ITALY

[Vitali A., F.C. Billari (2015). Changing determinants of low fertility and diffusion: a spatial analysis for Italy // Population, Space and Place (early view). doi.org/10.1002/psp.1998]

Актуальна ли все еще диффузионистская теория снижения рождаемости? Агнес Витали и Франческо Биллари проверяют это на региональных итальянских данных.

Теория диффузии низкой рождаемости в основном применялась к историческим данным и относилась к масштабному снижению рождаемости на протяжении первого демографического перехода. Однако, как оказалось, теоретическая концепция не исчерпала себя и до наших дней. С развитием качества и полноты данных и распространением пространственного подхода в демографии все чаще единицей статистического наблюдения становится регион, а не страна; внутривосточные же различия оказываются не менее интересными и масштабными, чем межстрановые. Динамика внутривосточных различий в уровне рождаемости наглядно демонстрирует соответствие диффузионистской концепции: сначала изменения затрагивают наиболее продвинутые регионы и лишь позднее докатываются до отсталых периферийных частей страны.

Италия представляет собой любопытный пример страны с колоссальными региональными различиями в рождаемости. При этом традиционная картина, когда более высокая рождаемость наблюдалась в южных регионах, в последние десятилетия сменилась

на диаметрально противоположную (рисунок 1). После прохождения Италией исторического минимума коэффициента суммарной рождаемости условного поколения (1,19) в 1995 г. рождаемость стала значительно быстрее восстанавливаться в северных регионах страны.

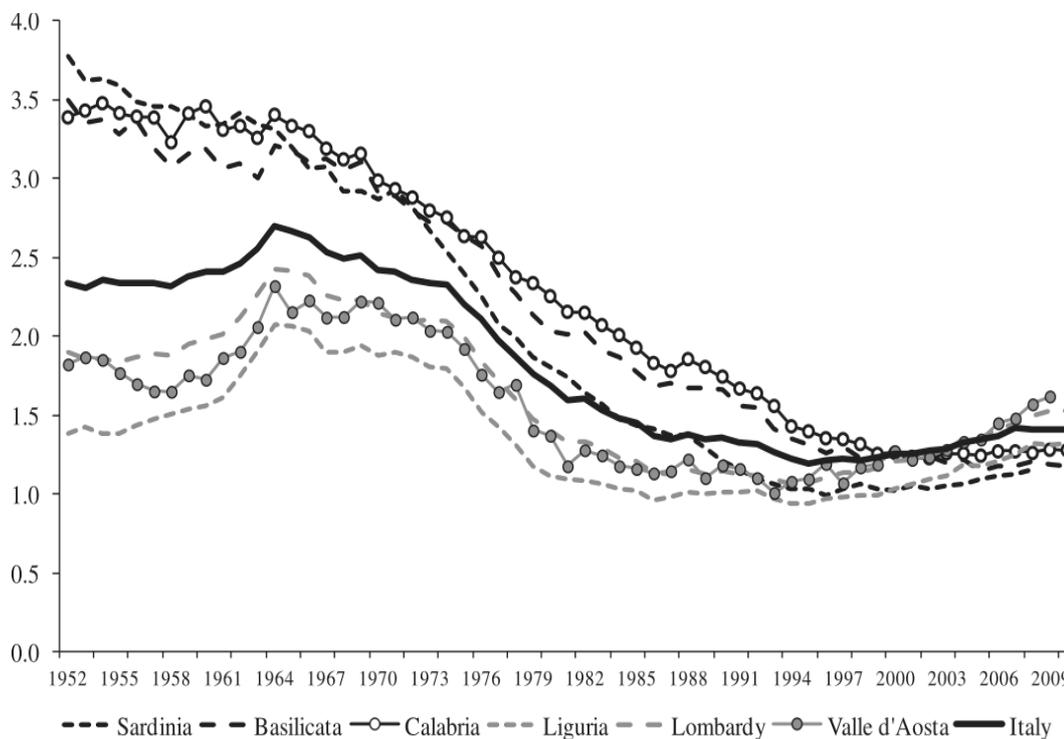

Рисунок 1. Коэффициент суммарной рождаемости в трех северных и трех южных регионах Италии, а также в среднем по стране

Еще нагляднее произошедший пространственно-временной переворот виден на картах, построенных по данным 1999 и 2010 г. (рисунок 2).

Примечательно, что вместе с пространственным распределением уровня рождаемости на противоположные сменились и корреляции рождаемости с прочими показателями (рисунок 3). В 1999 г. ВВП на душу населения, рождаемость иностранцев и уровень секуляризации были негативно связаны с уровнем рождаемости, а гендерные различия в условиях трудоустройства, наоборот, положительно. На протяжении периода исследования все корреляции сменились на противоположные.

Применяя метод географически взвешенных регрессий, авторы показывают, что взаимные зависимости всех рассмотренных переменных и уровня рождаемости существенно варьируются как на протяжении периода исследования, так и пространственно (рисунок 4).

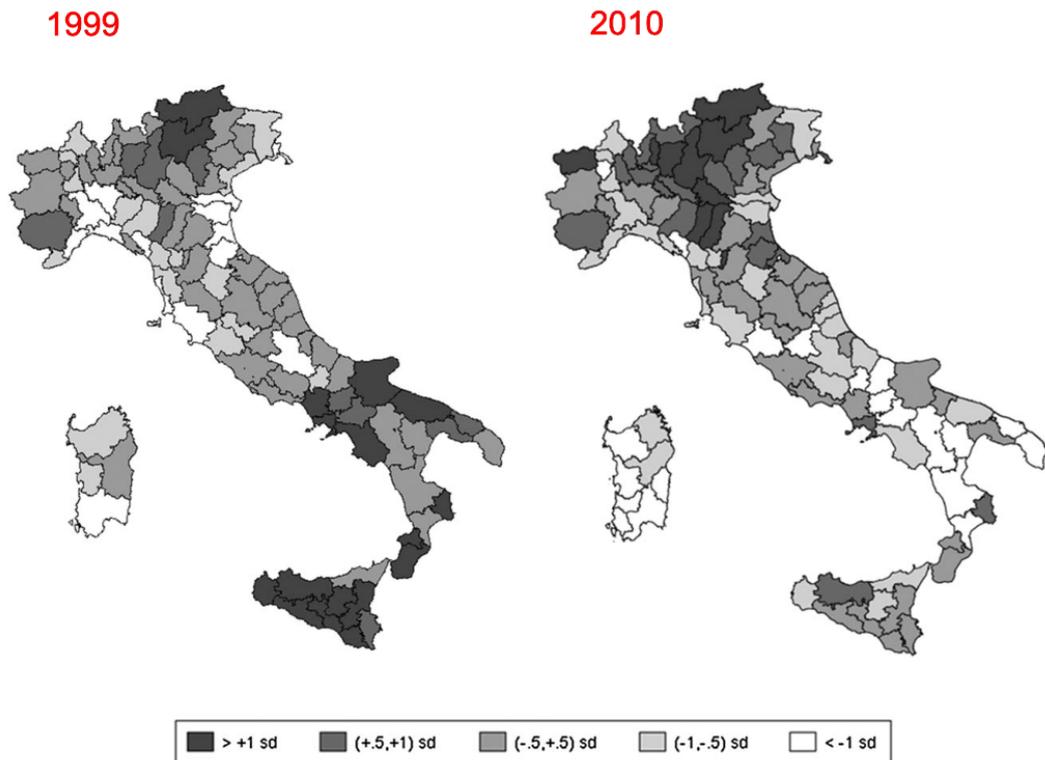

Рисунок 2. Распределение регионов Италии по отклонению от среднего по стране значения коэффициента суммарной рождаемости (в стандартных отклонениях), 1999 и 2010 г.

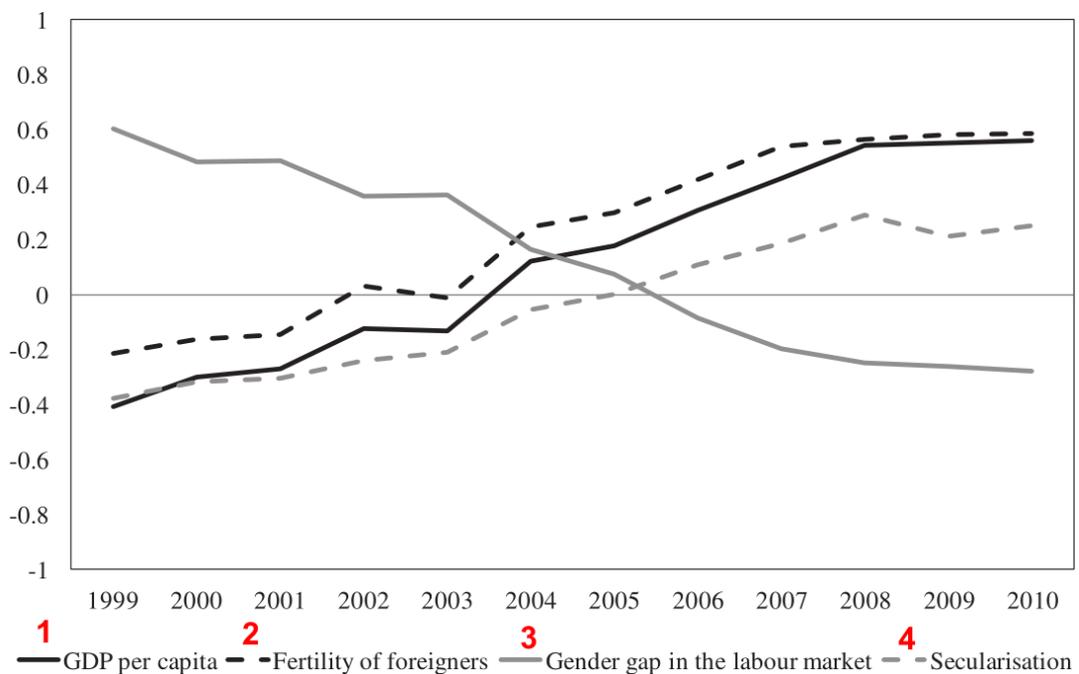

Рисунок 3. Корреляции между уровнем рождаемости и (1) ВВП на душу населения, (2) уровнем рождаемости иностранцев, (3) гендерным различием в трудоустройстве и (4) уровнем секуляризации на протяжении периода исследования (1999-2010) в Италии, административно-территориальный уровень муниципалитетов

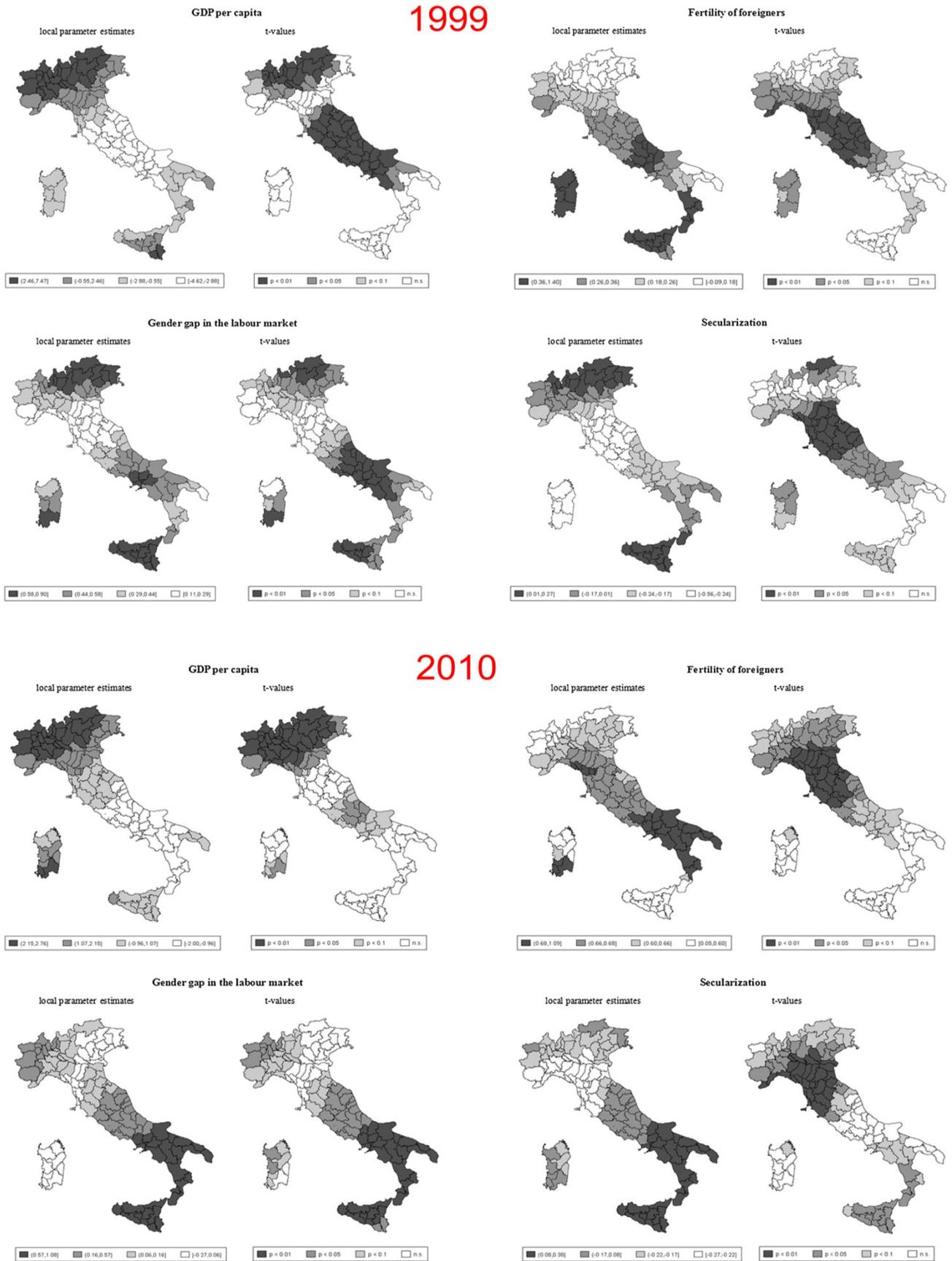

Рисунок 4. Результаты географически взвешенных регрессий

THE HUGE REDUCTION IN ADULT MALE MORTALITY IN BELARUS AND RUSSIA: IS IT ATTRIBUTABLE TO ANTI-ALCOHOL MEASURES?

[Grigoriev P., E.M. Andreev (2015). *The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures?* // PLoS One. 10(9). e0138021]

Связано ли резкое снижение мужской смертности в России и Белоруссии с антиалкогольными мерами? Павел Григорьев и Евгений Андреев посвятили этому вопросу недавнюю статью.

Используя детальные данные о причинах мужской смертности за 1980-2013 гг., исследователи пытались выяснить, в какой мере отчетливые улучшения 2000-х годов можно отнести к позитивному влиянию антиалкогольных мер, принятых в России и Белоруссии. В качестве связанных с рискованным потреблением алкоголя причин смерти были выбраны случайные отравления алкоголем, цирроз печени, ишемические болезни сердца, сердечные приступы, ДТП и прочие внешние причины. На основе отобранных показателей был рассчитан стандартизованный коэффициент смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя (рисунок 5).

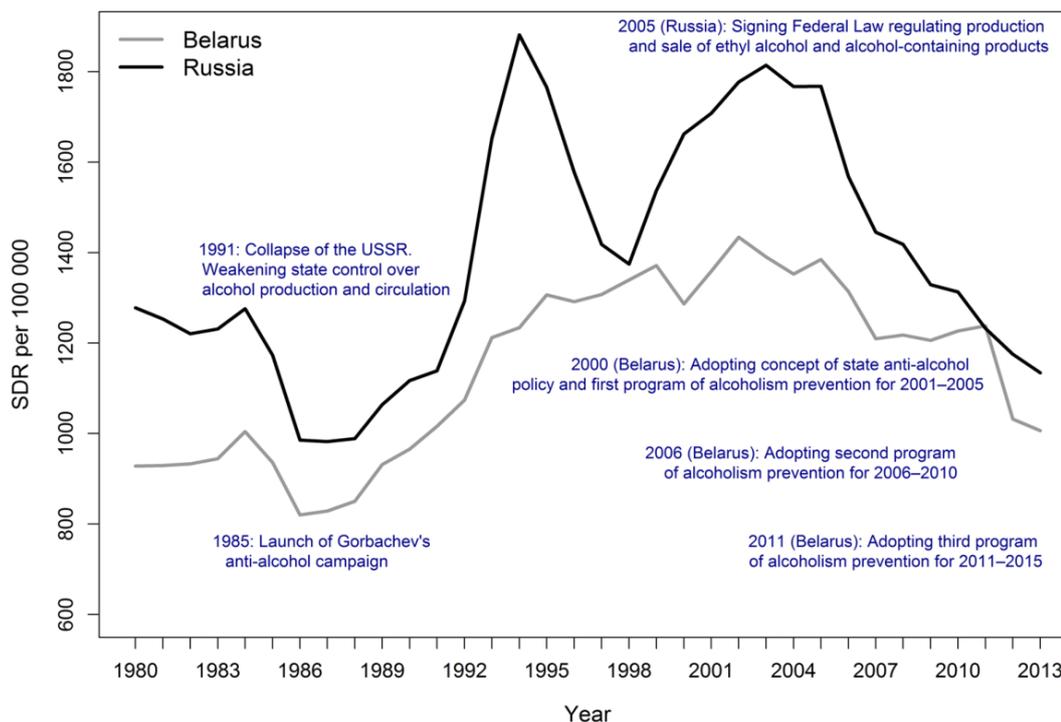

Рисунок 5. Стандартизованный коэффициент смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя, Россия (черная линия) и Белоруссия (серая линия), мужчины в возрасте 20-64 лет, 1980-2013

На рисунке 5 отмечены основные события, сильно повлиявшие на коэффициент:

- 1985 г. - начало Горбачевской антиалкогольной кампании;

- 1991 г. - распад СССР и сопутствовавшее ослабление контроля за производством и распространением алкоголя;
- 2000 г. (Белоруссия) - принята первая программа борьбы с алкоголизмом, рассчитанная на 2001-2005 гг.;
- 2005 г. (Россия) - принят федеральный закон, регламентирующий производство и продажу алкогольной продукции;
- 2006 г. (Белоруссия) - принята вторая программа борьбы с алкоголизмом, рассчитанная на 2006-2010 гг.;
- 2011 г. (Белоруссия) - принята третья программа борьбы с алкоголизмом, рассчитанная на 2011-2015 гг.

Авторы отмечают, что относительно небольшой прямой эффект наблюдался и в России, и в Белоруссии непосредственно после принятия очередного решения на государственном уровне. Однако общее снижение алкогольной смертности скорее можно отнести на счет закономерных временных флуктуаций показателя. В частности, в обеих странах снижение алкогольной смертности начиналось до введения соответствующих распоряжений. Основные же изменения тренда связаны с флуктуациями, запущенными масштабной антиалкогольной кампанией середины 1980-х годов.

Динамика отдельных показателей не указывает на то, что ситуация с алкоголизмом изменилась коренным образом (рисунок 6). Динамика смертности от цирроза печени, наиболее очевидно связанной с алкоголизмом причины, не внушает оптимизма - показатель неуклонно растет. При этом, видимо, постепенно меняется культура потребления алкоголя: оно становится все менее рискованным, снижается смертность от случайных отравлений алкоголем.

Авторы отмечают, что, на их взгляд, есть два принципиальных пути государственного воздействия на смертность от алкогольных причин. Первый направлен на сокращение числа спонтанных смертей вроде отравления алкоголем. Здесь отечественные практики государственного регулирования добились определенного успеха. Второй же путь подразумевает прицельную работу с наиболее подверженной риску группой людей - регулярно потребляющими алкоголиками. И тут значительные результаты были достигнуты лишь в середине 1980-х годов, когда жесткие государственные меры действительно пресекли десятилетиями устоявшиеся традиции потребления алкоголя, однако последовавшая сумятица начала 1990-х вернула традиционные устои. Меры 2000-х годов и близко не были столь же системными и эффективными, как Горбачевские. Поэтому определенный кратковременный и весьма умеренный эффект они оказали, но отнюдь не такой значительный, как полагали некоторые исследователи. Григорьев и Андреев отмечают, что в отличие от представленной работы апологеты успешности недавних антиалкогольных мер не объясняют конкретных механизмов, благодаря которым произошло снижение.

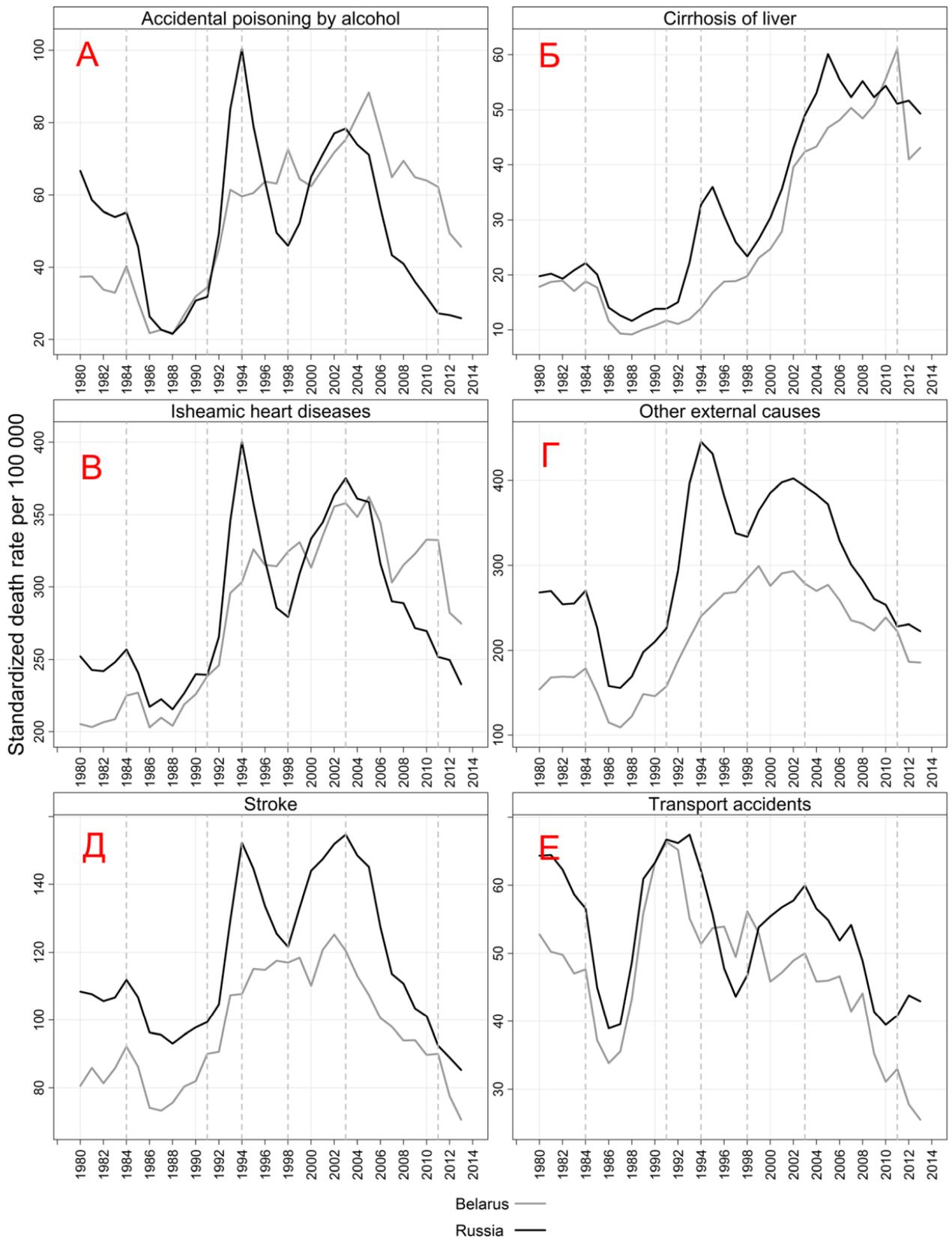

Рисунок 6. Динамика смертности от причин смерти, связанных с потреблением алкоголя: А - случайные отравления алкоголем; Б - цирроз печени; В - ишемическая болезнь сердца; Г - прочие внешние причины; Д - инсульт; Е - транспортные несчастные случаи

DOES SELECTION OF MORTALITY MODEL MAKE A DIFFERENCE IN PROJECTING POPULATION AGEING?

[Scherbov S., D. Ediev (2016). Does selection of mortality model make a difference in projecting population ageing? // Demographic Research. 34(2): 39-62. doi.org/10.4054/DemRes.2016.34.2]

Сергей Щербов и Далхат Эдиев исследовали, насколько результаты моделирования смертности зависят от примененной в расчетах модели. Проблема крайне актуальна: все большее количество исследований, в частности исследования старения населения, опираются на прогнозные сценарии снижения смертности. При этом, как правило, изменения возрастных показателей смертности не являются ключевым элементом демографического прогноза. В комплексных демографических прогнозах снижение смертности очень часто моделируется постепенным увеличением ожидаемой продолжительности жизни. Сценарий изменения интегрального показателя смертности не учитывает возрастной дифференциации динамики смертности. В итоге при одних и тех же исходных данных прогнозные оценки могут сильно варьироваться.

Авторы сравнили прогнозные смертности в 2050 г. для Италии, Японии, России, Швеции и США, составленные с использованием четырех различных моделей: Ли-Картера, линейной экстраполяции, Брасса и Бонгартса. Результаты значительно различаются (рисунок 7). Наибольшие различия в итоговых прогнозных демографических структурах наблюдаются в старших возрастах (рисунок 8). Результаты демографического прогноза обычно выражают в неких сводных показателях. Поскольку чаще всего темой исследования демографических структур оказывается старение населения, на основе прогнозов часто рассчитывают показатели демографической нагрузки пожилыми. Авторы демонстрируют (рисунок 9), что различия в демографических структурах, полученных разными методами прогнозирования смертности, не столь велики, если измерять демографическую нагрузку пожилыми традиционным способом (доля населения в возрасте старше 65 лет по отношению к численности населения в возрасте 20-64 лет). Однако различия становятся существенными, если применять показатели, учитывающие различия в возрастных коэффициентах смертности (например, проспективный показатель демографической нагрузки пожилыми, т.е. доля населения с остаточной ожидаемой продолжительностью жизни 15 лет и меньше по отношению к населению в трудоспособном возрасте).

Показатели демографической нагрузки пожилыми: *conventional* - отношение населения в возрасте более 65 лет к населению в возрасте 20-64 лет; *prospective* - отношение численности людей с остаточной ожидаемой продолжительностью жизни менее 15 лет к численности населения старше 20 лет и остаточной ожидаемой продолжительностью жизни не менее 15 лет.

Завершают статью Щербов и Эдиев следующей рекомендацией: везде, где только возможно, при демографическом прогнозировании лучше моделировать весь профиль возрастных коэффициентов смертности, а не принимать допущения относительно динамики сводного показателя смертности, ожидаемой продолжительности жизни. И уж во всяком случае необходимо указывать, какая из моделей прогнозирования возрастных

коэффициентов смертности использовалась (как ни странно, очень часто исследователи не публикуют эту информацию).

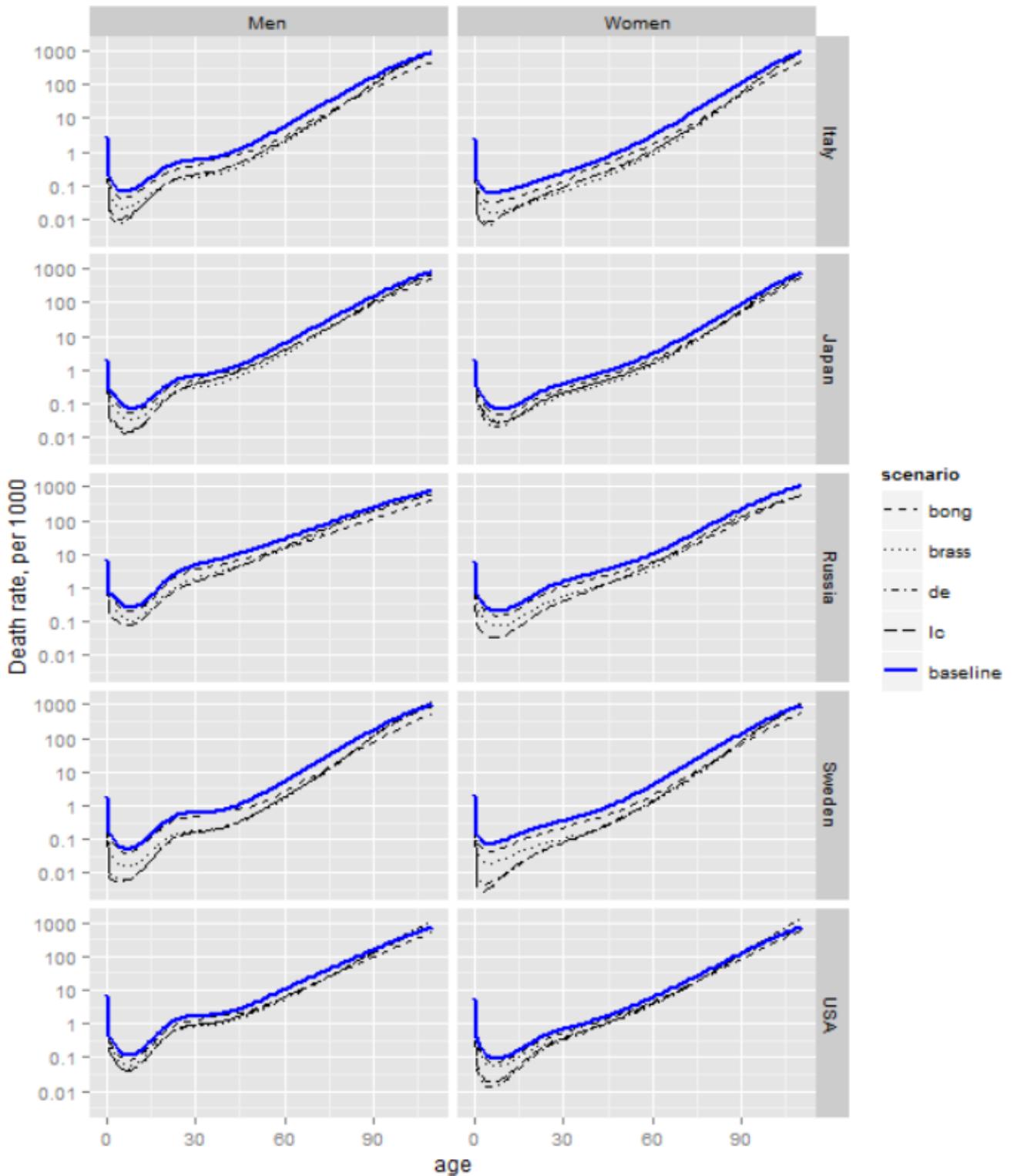

Рисунок 7. Базовый (2013) и прогнозные (2050) возрастные профили смертности, полученные различными методами

Примечание: Использованные методы: bong - Бонгартс; brass - Брасс; de - метод прямой экстраполяции; lc - Ли-Картер; baseline - оценка методом Бонгартса для базового (2013) года.

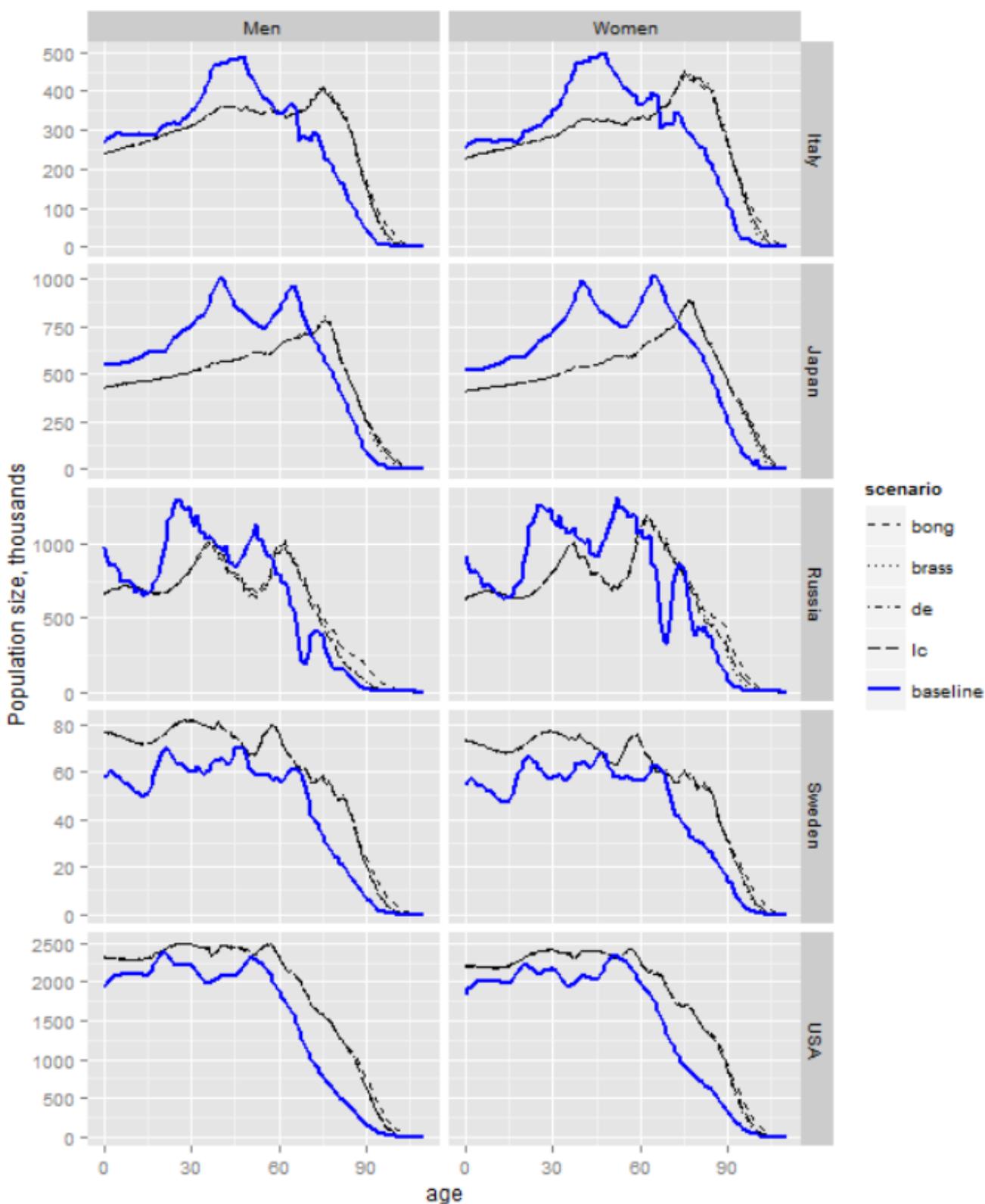

Рисунок 8. Возрастные структура населения в 2050 г., полученные разными методами прогнозирования

Примечание: Использованные методы: bong - Бонгартс; brass - Брасс; de - метод прямой экстраполяции; lc - Ли-Картер; baseline - оценка методом Бонгартса для базового (2013) года.

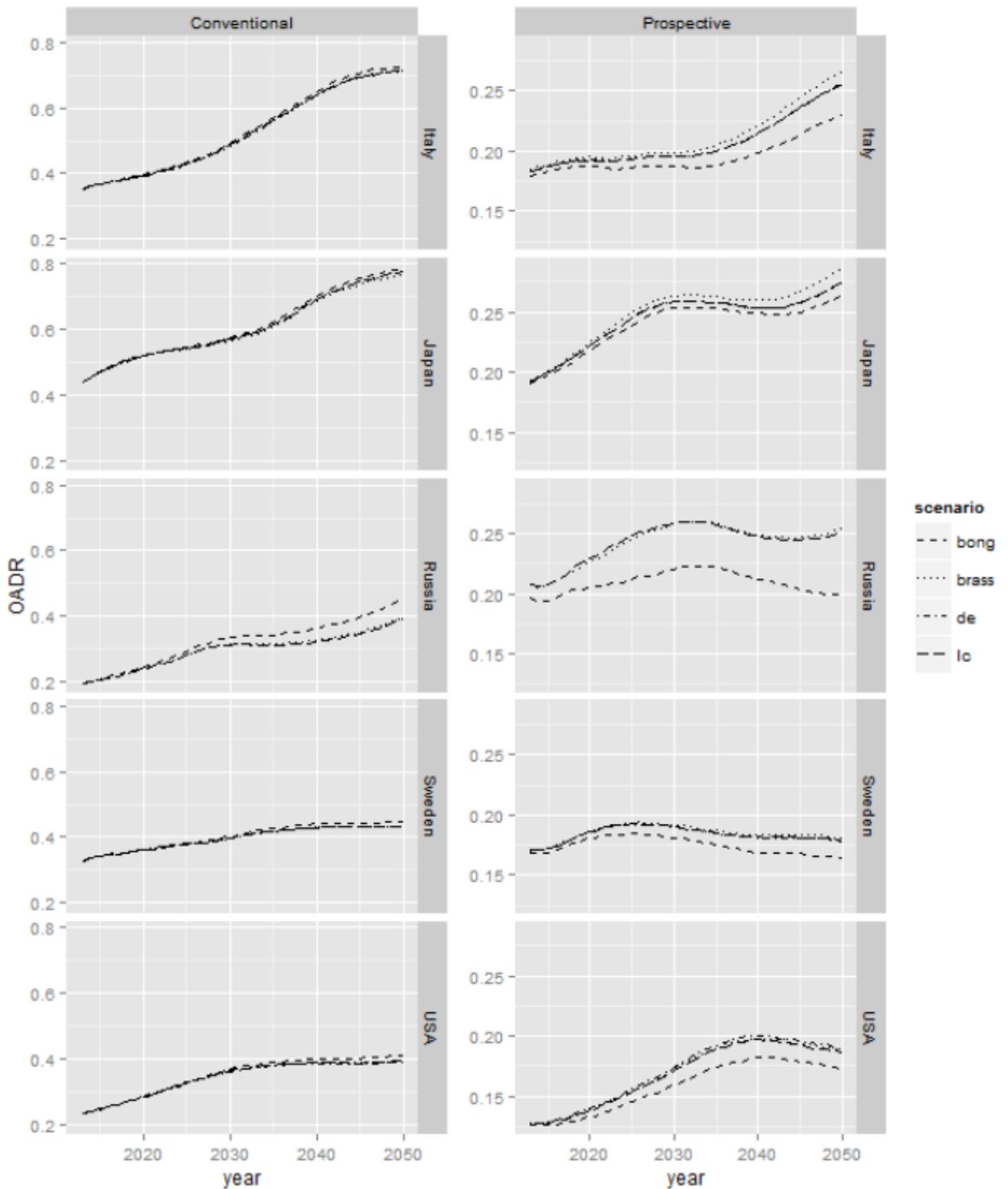

Рисунок 9. Традиционный и перспективный показатели демографической нагрузки пожилыми в 2050 г. для разных прогнозных оценок возрастной структуры

Примечание: Использованные методы: bong - Бонгарте; brass - Брасс; de - метод прямой экстраполяции; lc - Ли-Картер.

EDUCATION AND LIFETIME EARNINGS IN THE UNITED STATES

[Tamborini C.R., C. Kim, A. Sakamoto (2015). *Education and lifetime earnings in the United States // Demography. 52(4): 1383-1407. doi.org/10.1007/s13524-015-0407-0*]

Кристофер Тамборини, Чан-Ван Ким и Артур Сакамото изучали, как различаются доходы американцев на протяжении жизни в зависимости от уровня полученного образования. В отличие от многочисленных предыдущих исследований этой интригующей темы авторам удалось использовать детальные данные о налоговых отчислениях людей за продолжительный период (20 лет). Налоговые данные состыковали с ретроспективным обследованием образовательной истории. Преимущество подобного подхода заключается в том, что, во-первых, использованы объективные оценки доходов, а во-вторых, доходы респондентов отслеживаются на протяжении значительной части их трудоустроенной жизни. Как правило, подобные исследования проводились раньше на данных за очень короткий промежуток времени. При этом подразумевалось, что доходы на протяжении жизни человека будут соответствовать его доходам на момент наблюдения. В действительности, разумеется, полной корреляции нет. Поэтому продолжительность наблюдения в 20 лет - это очень сильный аргумент в пользу методологической состоятельности исследования.

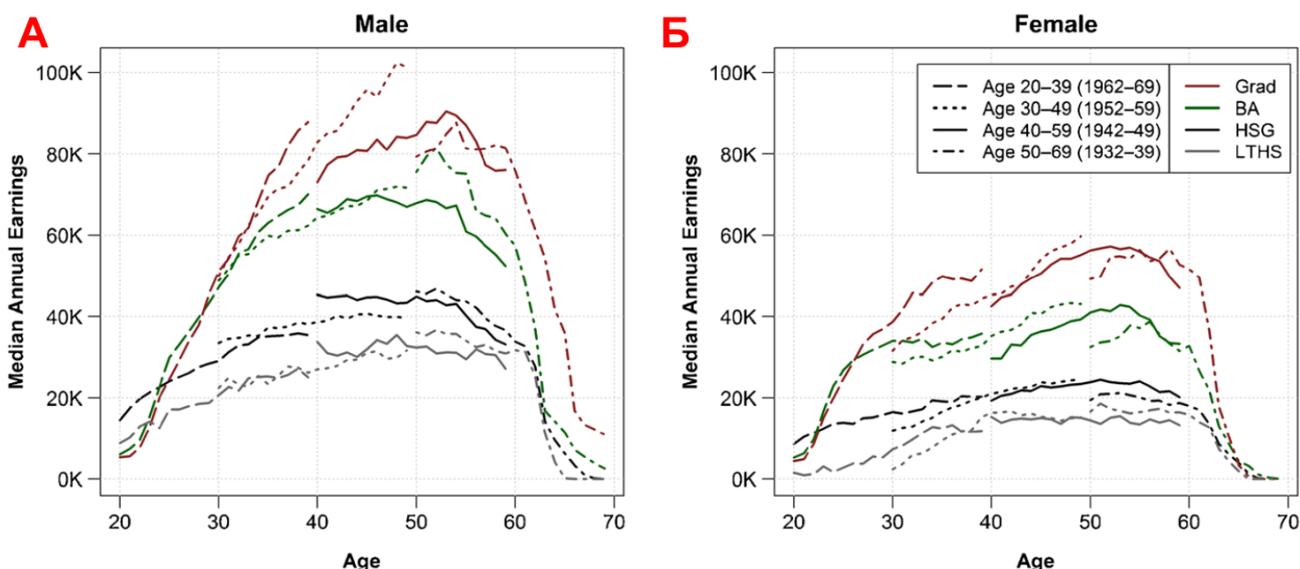

Рисунок 10. Среднегодовые доходы на протяжении жизни в зависимости от уровня образования и пола респондента (А - мужчины; Б - женщины)

Примечание: Уровни образования: красный - полное высшее; зеленый - бакалавры; черный - высшая школа / колледж; серый - все уровни ниже колледжа.

Результаты видны на рисунке 10. Регрессионный анализ, проведенный отдельно для разных когорт, подтверждает статистическую значимость различий. Примечательно, что некоторые различия в доходах в зависимости от уровня образования не значимы лишь для возрастных групп 20-29 и 60-69 лет. В молодой возрастной группе сильно отличаются

только доходы наименее образованных респондентов. В пожилом возрасте, наоборот, значительное преимущество в доходах обеспечивает лишь полное высшее образование.

Помимо очевидных гендерных различий, любопытны результаты некоторых контрольных переменных в модели. Очень значима раса в определении уровня дохода мужчин: при прочих равных условиях белое население зарабатывает значительно больше черного, испаноязычного или любого прочего населения США (у женщин неравенство не столь шокирующее). Значительно меньше на протяжении жизни зарабатывают мужчины, никогда не женившиеся (у женщин эта зависимость проявляется только в молодом возрасте). Для женщин значимым негативным фактором в уровне доходов оказывается число детей. И у мужчин, и у женщин доходы ниже у респондентов, рожденных в южных штатах.

В среднем на протяжении 50 лет карьеры диплом бакалавра обеспечивает доход выше, чем у окончивших колледж, на 43% для мужчин и на 51% для женщин. Авторы отмечают, что продолжительный период наблюдения и учет большого количества контрольных переменных в их анализе объясняют тот факт, что полученные ими оценки значительно ниже широко цитированной цифры 84% из предыдущего исследования¹.

Социальная значимость результатов, по мнению авторов, заключается в том, что они иллюстрируют окупаемость инвестиций в образование. Поскольку многие молодые люди в США серьезно размышляют, стоит ли взваливать на себя ярмо образовательных кредитов, подобные результаты могут убедить многих в целесообразности инвестиций в собственное образование.

POPULATION PROJECTIONS AND DEMOGRAPHIC KNOWLEDGE IN FRANCE AND GREAT BRITAIN IN THE POSTWAR PERIOD

[Marshall E.A. (2015). Population projections and demographic knowledge in France and Great Britain in the postwar period // Population and Development Review. 41(2): 271-300. doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00047.x]

Специфика прогнозов заключается в том, что они полностью обращены в будущее, на их основании принимаются решения "здесь и сейчас", и довольно редко к ним возвращаются спустя годы. Уникальное исследование провел Эмили Маршал, изучив *post factum* различия демографических прогнозов во Франции и Великобритании на протяжении второй половины XX века. Пример этих двух стран крайне любопытен, поскольку, несмотря на очень похожие фактические изменения рождаемости (рисунок 11), на протяжении всего послевоенного времени в Великобритании и Франции существенно различались взгляды на уровень рождаемости как среди демографов, так и среди политиков, в медиа и просто в

¹ Carnevale A.P., S.J. Rose, B. Cheah (2013). The college payoff: education, occupation, and lifetime earnings (Report). Washington, DC: Georgetown University Center on Education and the Workforce. URL: <https://cew.georgetown.edu/report/the-college-payoff>

общественном сознании.

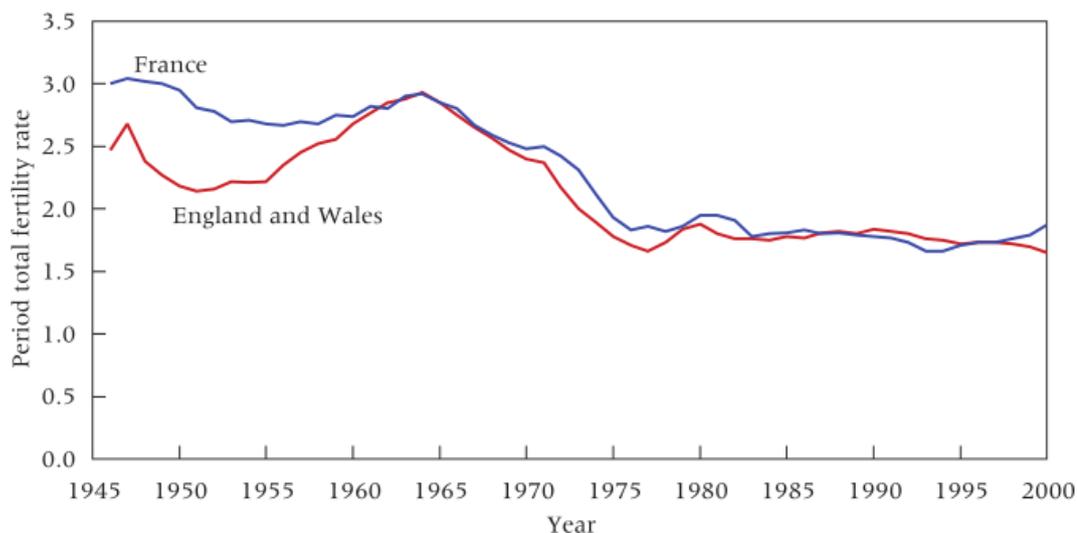

Рисунок 11. Коэффициенты суммарной рождаемости в Англии и Франции, 1946-2000

Во Франции на протяжении длительного периода демографы транслировали политикам озабоченность снижающимся уровнем рождаемости. В результате грядущее недовоспроизводство населения стало восприниматься как общеизвестная и практически неизбежная проблема. Политики Франции одними из первых стали формировать тщательно продуманные меры поддержки семей пронаталистского толка. В Британии же проблема снижающейся рождаемости как будто бы не была замечена.

Маршал предлагает исследовать кумулятивное отношение государства к изменяющимся демографическим реалиям путем анализа сценариев, заложенных в исторические демографические прогнозы. Проанализировав официальные национальные демографические прогнозы, автор старается понять, откуда берутся существенные различия в демографических прогнозах при похожих параметрах воспроизводства населения.

Сам подход к публикации демографических прогнозов сильно различается в Англии и Франции. В Британии до середины 1970-х годов публиковали лишь один средний вариант демографического прогноза. Даже когда начали публиковать несколько вариантов, их подавали как-то вскользь, аргументируя необходимость их публикации неопределенностью основного варианта, их не преподносили в качестве равновероятных путей дальнейшего развития. В целом же внимание умышленно фокусировалось на среднем варианте прогноза, чтобы обеспечить максимальную однозначность в оценках всех пользователей демографического прогноза. Напротив, во Франции принято было публиковать только низкий и высокий варианты прогноза. Таким образом закладывалась идея, что любой использующий прогнозные данные должен понимать весь размах неопределенности. В результате в Британии сложилось детерминистское отношение к демографическому будущему, в то время как во Франции всегда подчеркивалась широта возможных исходов и подразумевался простор для целенаправленных усилий демографической политики.

Анализ официальных демографических прогнозов в Англии и Франции на протяжении второй половины XX века показал, что практически все различия объясняются

прогнозируемыми сценариями изменения рождаемости. В Англии при прогнозе рождаемости легко допускалось, что снижение ниже уровня простого воспроизводства - временное явление и что в относительно скором будущем все вернется "в норму". Во Франции, напротив, демонстрация как минимум двух вариантов прогноза всегда призывала учитывать возможные негативные сценарии развития (рисунок 12).

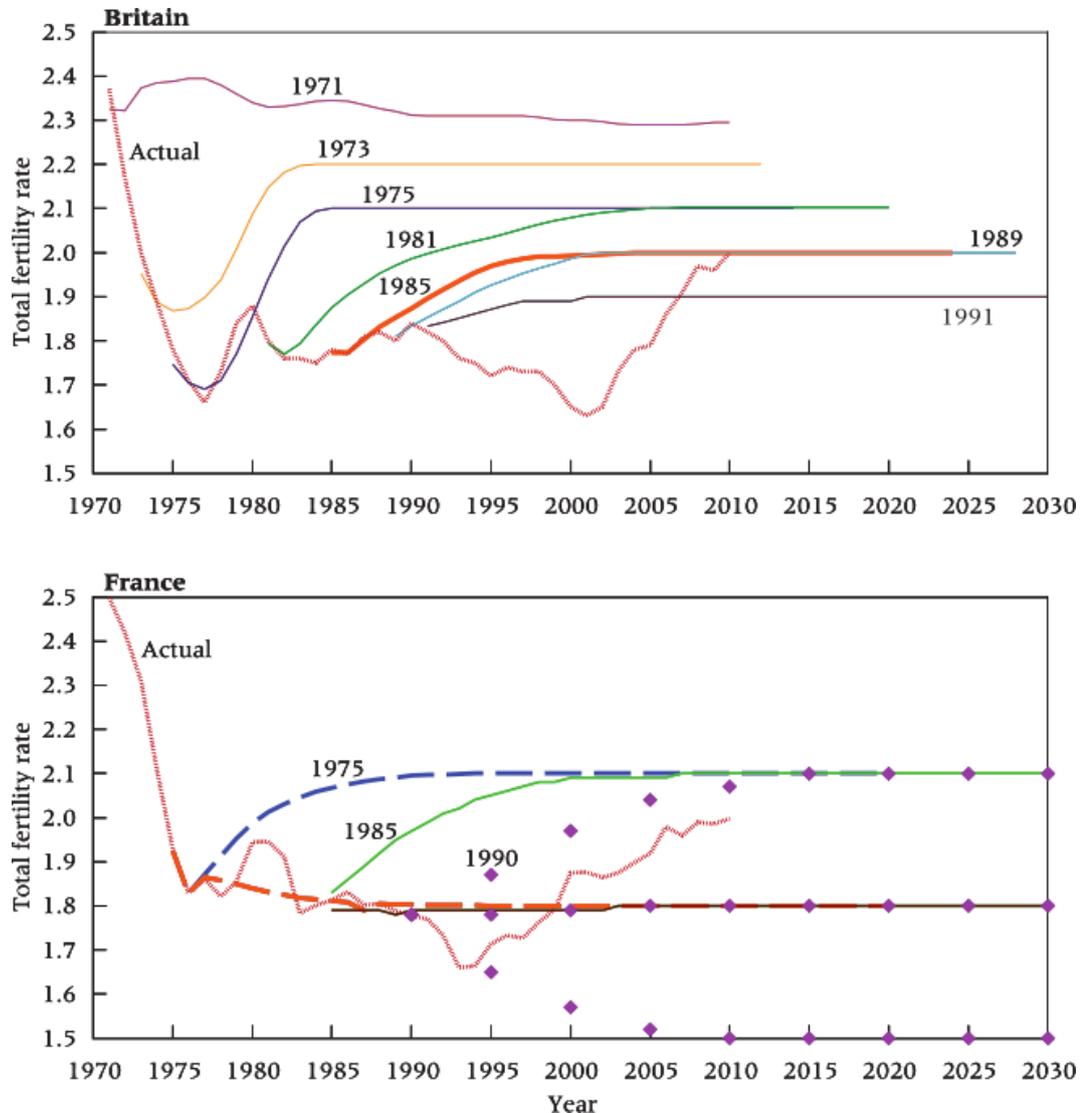

Рисунок 12. Сценарии изменения рождаемости в демографических прогнозах в Британии и Франции, 1971-1991

Рассуждая о причинах столь различных подходов к демографическому прогнозированию, автор отмечает, что рано сформировавшиеся опасения грядущей депопуляции во Франции (ранее других стран Европы испытавшей снижение рождаемости) привели к формированию институтов, способствовавших росту влияния демографов при принятии решений в области демографической политики. В Англии демографическое прогнозирование исторически было доверено статистикам и актуариям, людям без специального демографического образования. В сложившейся ситуации академическому сообществу в Англии оказалось гораздо сложнее влиять на политические решения. В результате демографические прогнозы отражают озабоченность динамикой

демографических показателей во Франции и равнодушие к ним в Англии. Однако, если взглянуть под другим углом, можно предположить, что на протяжении второй половины XX века демографические прогнозы сами являлись существенным фактором, усиливавшим озабоченность во Франции и ложное ощущение стабильности в Англии.

ECONOMIC CONDITIONS AND THE LIVING ARRANGEMENTS OF YOUNG ADULTS: 1960 TO 2011

[Matsudaira J.D. (2015). Economic conditions and the living arrangements of young adults: 1960 to 2011 // Journal of Population Economics. 29(1): 167-195. doi.org/10.1007/s00148-015-0555-y]

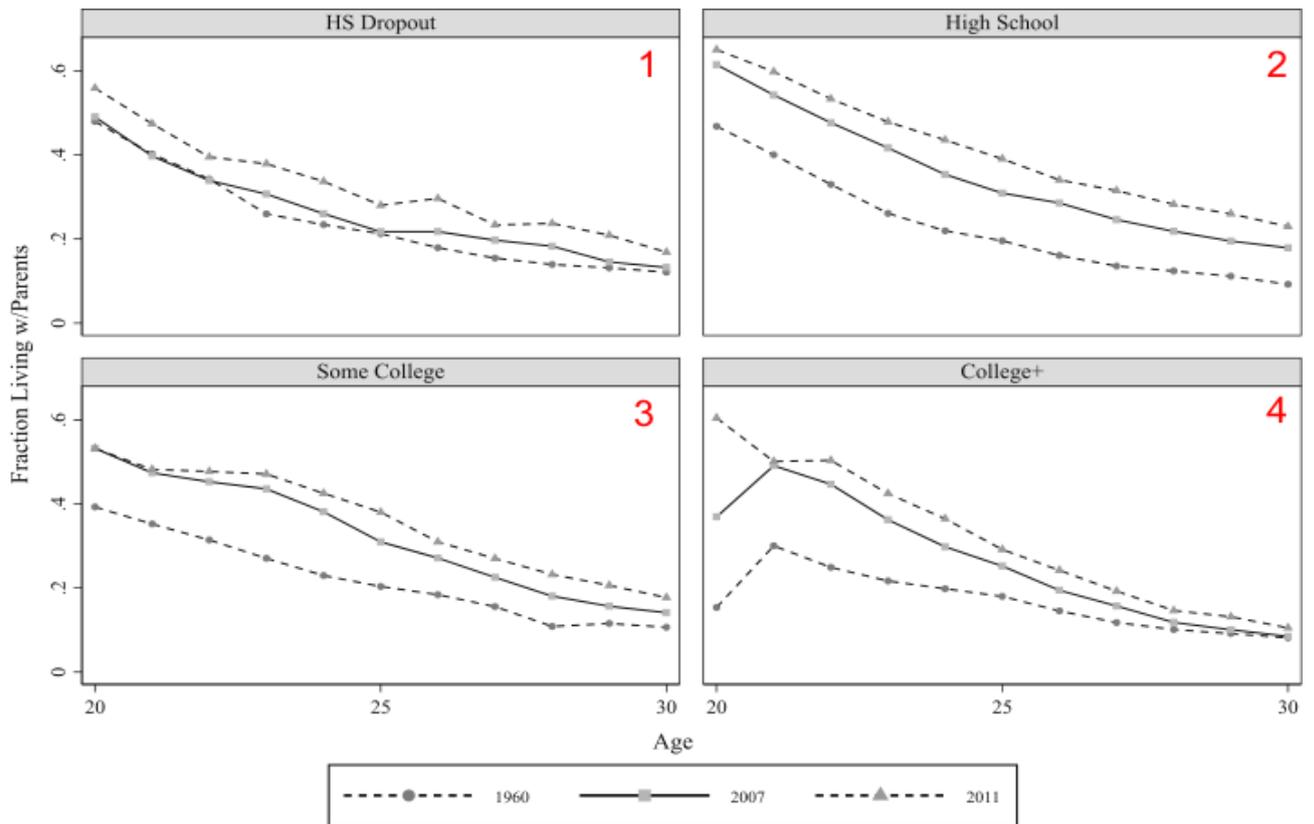
Очень часто можно услышать истории о том, что недавний экономический кризис вынудил молодых людей продолжить жить у родителей или даже вернуться под родительский кров из-за ухудшившихся финансовых обстоятельств. Джордан Мацудайра проверил обоснованность подобных рассуждений на данных более 15 млн американцев за 1960-2011 гг. Это первое исследование данного вопроса со столь значительной временной экспозицией.

Кризис 2008 г. сильно отразился на благополучии американской молодежи. Безработица среди самых молодых людей трудоспособного возраста достигла небывалых для США величин: почти четверть среди юношей и до 15% среди девушек. Негативные экономические условия совпали с резким ростом доли молодых людей, проживающих совместно с родителями. Алармистские статьи успели назвать поколение кризисной молодости "детьми-бумерангами" и "поколением провального старта". Однако какова роль непосредственно кризиса? Без всякого экономического потрясения доля молодых людей, живущих у родителей, значительно выросла за последние полвека (рисунок 13).

Наблюдаются значительные различия в доле проживающих с родителями в зависимости от уровня образования (рисунок 13). Также есть существенные расовые различия: белые менее склонны к проживанию с родителями (рисунок 14).

Результаты регрессионного анализа показывают, что все переменные, связанные с уровнем экономического благополучия, оказывают значительное влияние на долю молодых людей, проживающих с родителями. Их эффект достаточно велик, он объясняет до 80% роста доли проживающих с родителями за период с 1970 по 2011 г. При этом примечательно, что эффект значительно сильнее среди не белого населения США.

В целом результаты анализа подтверждают исключительную значимость экономических переменных в объяснении динамики доли молодежи, живущей совместно с родителями. Таким образом, косвенно подтверждается справедливость утверждений относительно огромных негативных последствий недавнего экономического кризиса, который беспрецедентно подрезал возможности американской молодежи.

Graphs by Education Level

Рисунок 13. Доля юношей, живущих совместно с родителями, по уровню образования: 1 - не закончившие школу; 2 - закончившие только школу; 3 - учившиеся в колледже; 4 - отучившиеся в колледже и продолжившие обучение

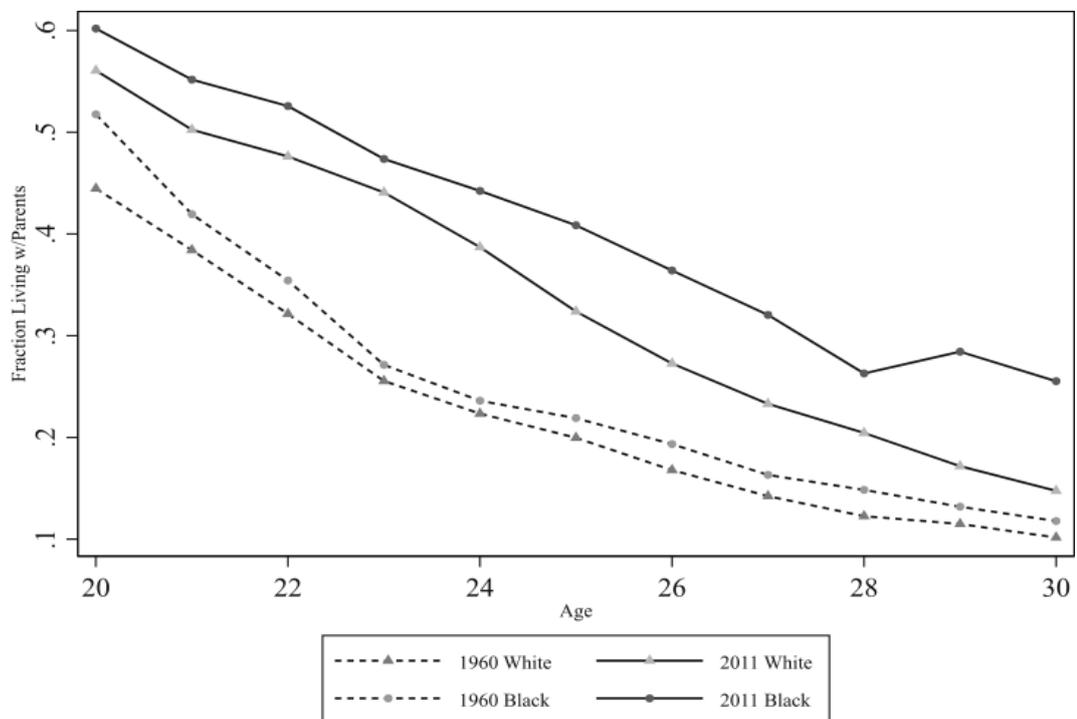

Рисунок 14. Доля юношей, проживающих с родителями, по расовой принадлежности, 1960 и 2011 г.

THE ROLE OF SMOKING IN CHANGES IN THE SURVIVAL CURVE: AN EMPIRICAL STUDY IN 10 EUROPEAN COUNTRIES

[Janssen F., V. Rousson, F. Paccaud (2015). *The role of smoking in changes in the survival curve: an empirical study in 10 European countries* // *Annals of Epidemiology*. 25(4): 243–249. doi.org/10.1016/j.annepidem.2015.01.007]

Фанни Янсен, Валентин Руссо и Фред Пэко опубликовали результаты эмпирического исследования, в котором они изучали влияние распространенности курения на изменение модели смертности в 10 странах Европы. Для этого они использовали данные Human Mortality Database о смертности по причинам смерти и данные национальных статистических ведомств о распространенности курения для Дании, Финляндии, Франции, Западной Германии, Италии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Великобритании за период с 1950 по 2009 г.

Прирост ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 50 лет разложили на две принципиальные компоненты: сжатие смертности (mortality compression) и рост долгожительства (longevity extension). Эти две компоненты отражают два принципиальных механизма, за счет которых происходит увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Сжатие смертности происходит, когда все большая доля населения доживает до модального возраста (возраста, в котором происходит наибольшее количество смертей). При этом в чистом виде сжатие смертности не подразумевает увеличение модального возраста смерти. Напротив, рост долгожительства подразумевает увеличение модального возраста смерти. Если посмотреть на распределение умерших по возрасту, сжатие смертности выражается в усилении пика в районе модального возраста смерти, в то время как рост долгожительства проявляется в смещении пика вправо, к более зрелым возрастам.

Эмпирическое исследование авторов заключалось в том, что они, рассчитав вклад сжатия смертности и рост долгожительства в увеличение ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 50 лет (рисунок 15), сравнили эти тренды с динамикой распространенности курения (рисунок 16). Резкое снижение распространенности курения среди мужчин в 1980-х годах сразу же отразилось на вкладе сжатия смертности в увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Если же исключить из анализа все связанные с курением смерти (рисунок 15; сплошные черные линии), подобного ускорения сжатия смертности не наблюдается. Корреляционный анализ (рисунок 17) показал, что изменения в распространенности курения теснее связаны с динамикой сжатия смертности, чем с ростом долгожительства (при этом вполне закономерно в обоих случаях корреляция негативная, т.е. чем быстрее сокращается доля курящего населения, тем быстрее растет ожидаемая продолжительность жизни). Различия в тесноте связи авторы объясняют существенным вкладом курения в смертность относительно молодого населения.

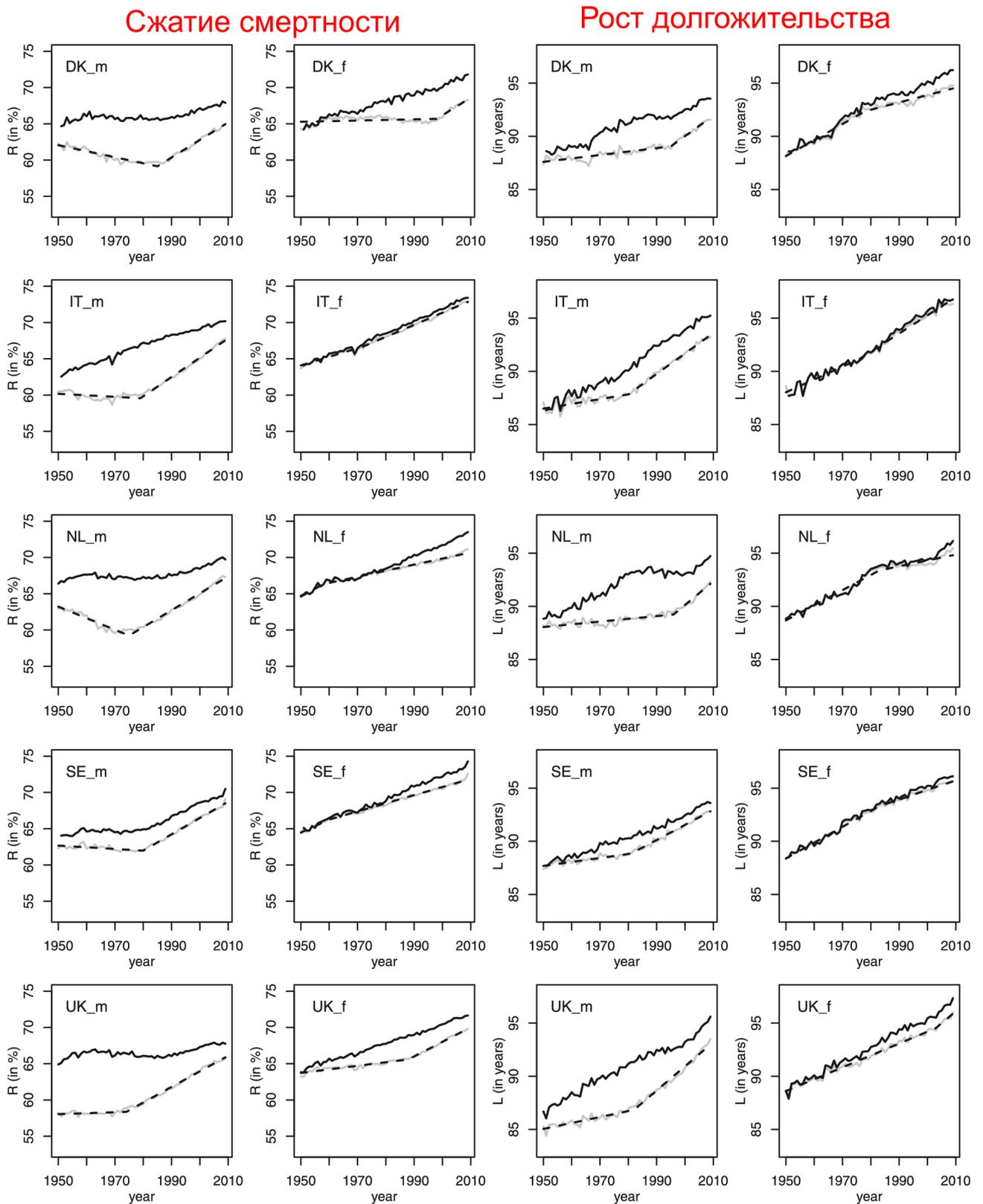

Рисунок 15. Динамика сжатия смертности (левая панель) и роста долгожительства (правая панель) для пяти стран, 1950-2009

Примечание: Серая линия – все причины смерти, черная линия – исключены связанные с курением причины смерти; f – женщины, m – мужчины.

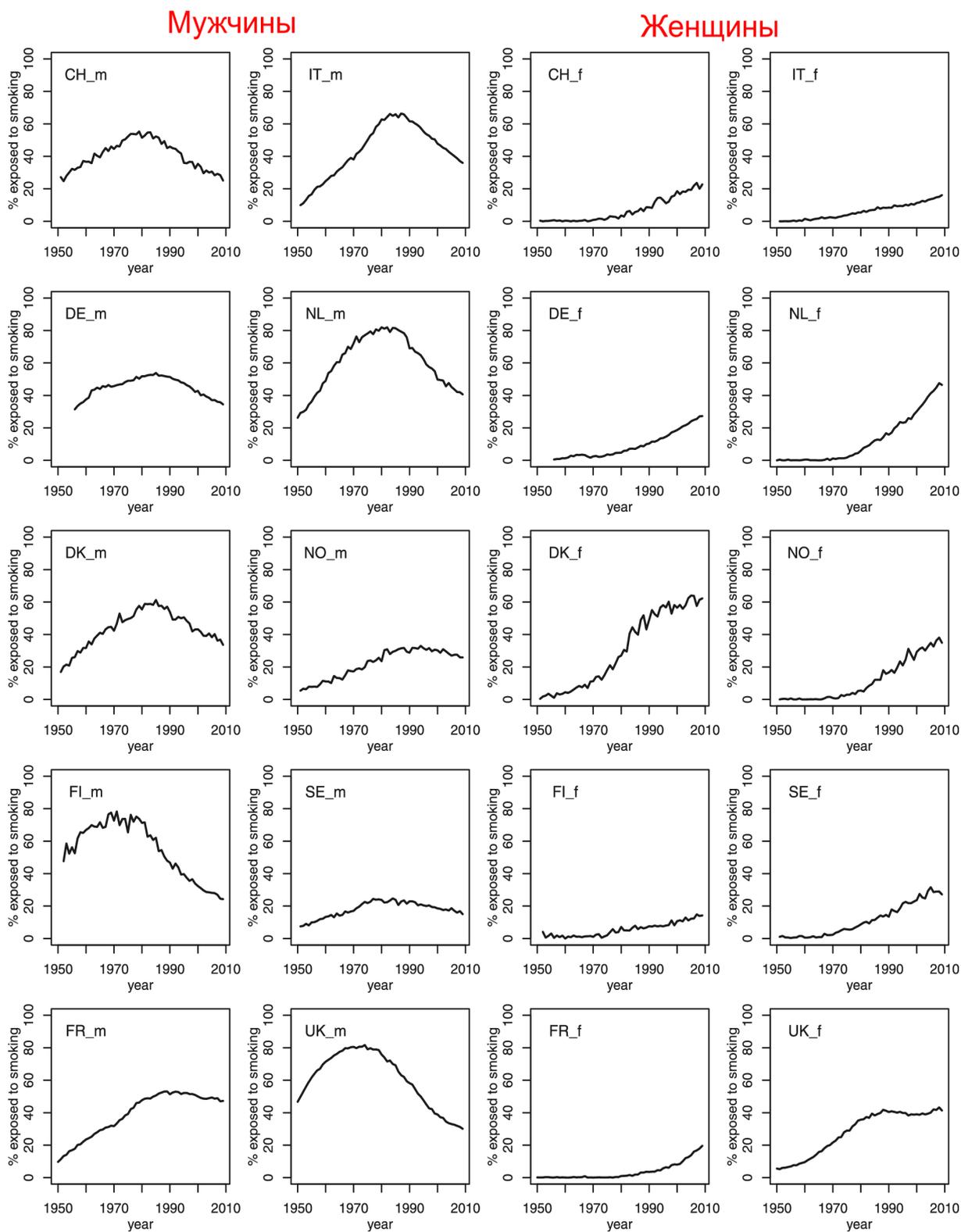

Рисунок 16. Оценки стандартизированных по возрасту и полу показателей распространения курения для всех 10 стран

Примечание: CH – Швейцария, DE – Западная Германия, DK – Дания, FI – Финляндия, FR – Франция, IT – Италия, NL – Нидерланды, NO – Норвегия, SE – Швеция, UK – Великобритания; f – женщины, m – мужчины.

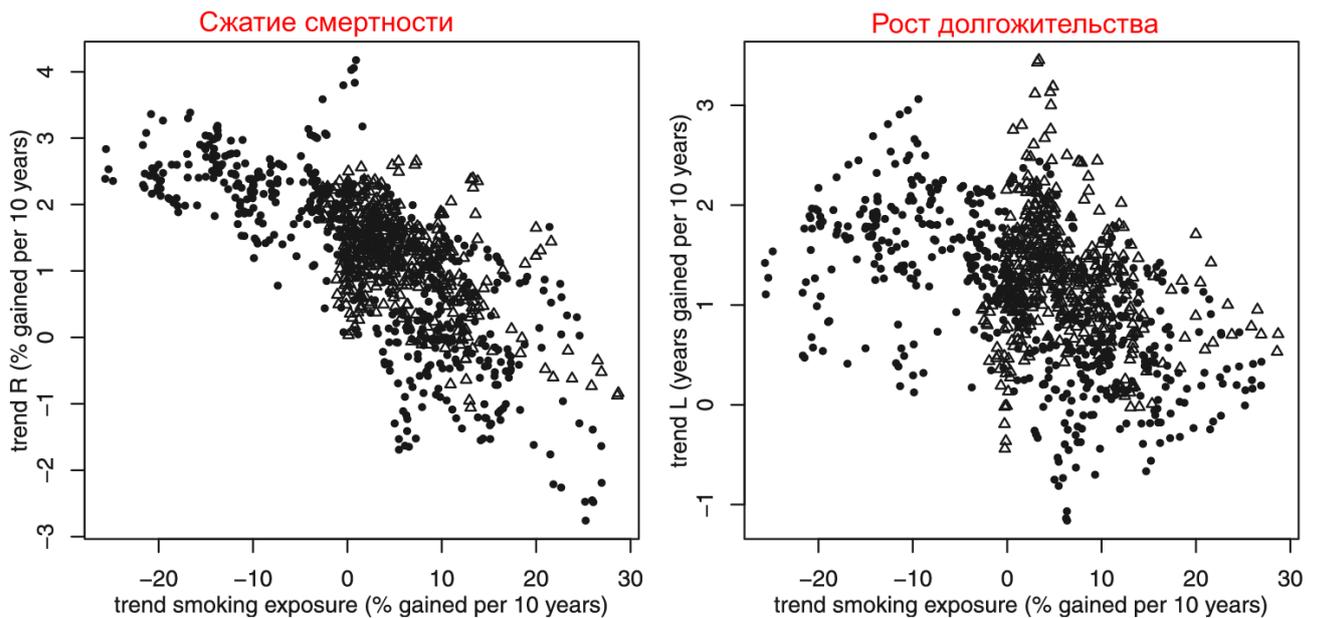

Рисунок 17. Корреляция десятилетних изменений в распространенности курения и десятилетних изменений сжатия смертности (левая панель) и роста долгожительства (правая панель)

В целом результаты наглядно демонстрируют, насколько значительный эффект оказывает сокращение распространенности курения (особенно среди мужчин) на вероятность дожития до более преклонного возраста.

THE ADOPTION OF SMOKING AND ITS EFFECT ON THE MORTALITY GENDER GAP IN NETHERLANDS: A HISTORICAL PERSPECTIVE

[Janssen F., F. van Poppel (2015). *The adoption of smoking and its effect on the mortality gender gap in Netherlands: A historical perspective* // *BioMed Research International*: 1–12. [dx.doi.org/10.1155/2015/370274](https://doi.org/10.1155/2015/370274)]

Фанни Янсен и Франс ван Поппель, используя длительный ряд наблюдений для Голландии, продемонстрировали исключительную роль курения в объяснении различия в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин. Мужчины в послевоенной Голландии поголовно курили; эпидемия курения сошла на нет к 1980-м годам (рисунок 18).

Декомпозиция различий в продолжительности жизни между полами показывает, что различия в смертности от связанных с курением причин объясняют практически львиную долю разницы – в среднем около трех четвертей (рисунок 19).

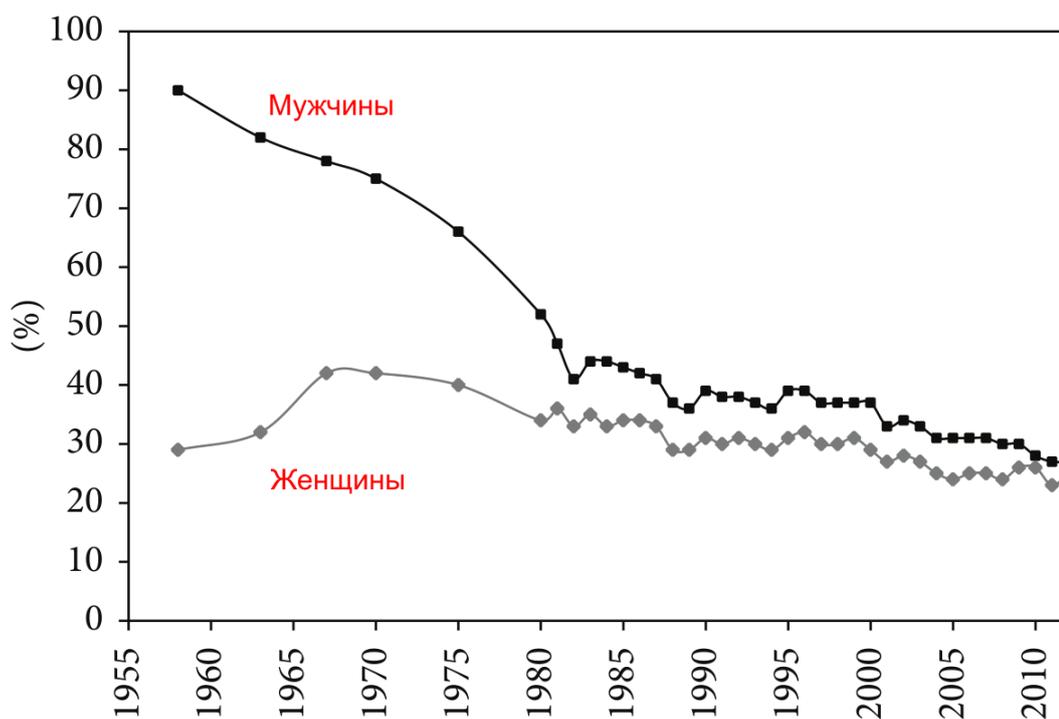

Рисунок 18. Распространенность курения в Нидерландах среди населения старше 15 лет

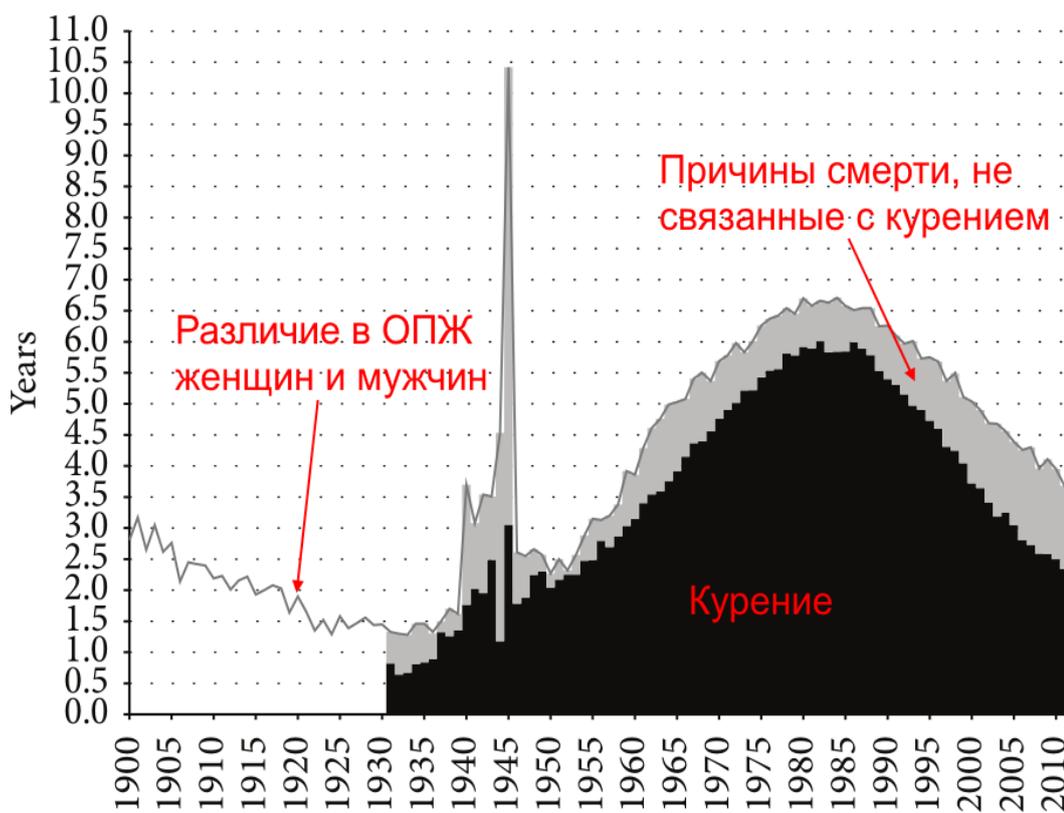

Рисунок 19. Вклад связанных (черный) и не связанных (серый) с курением причин смерти в различия в ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) у женщин и мужчин в Нидерландах

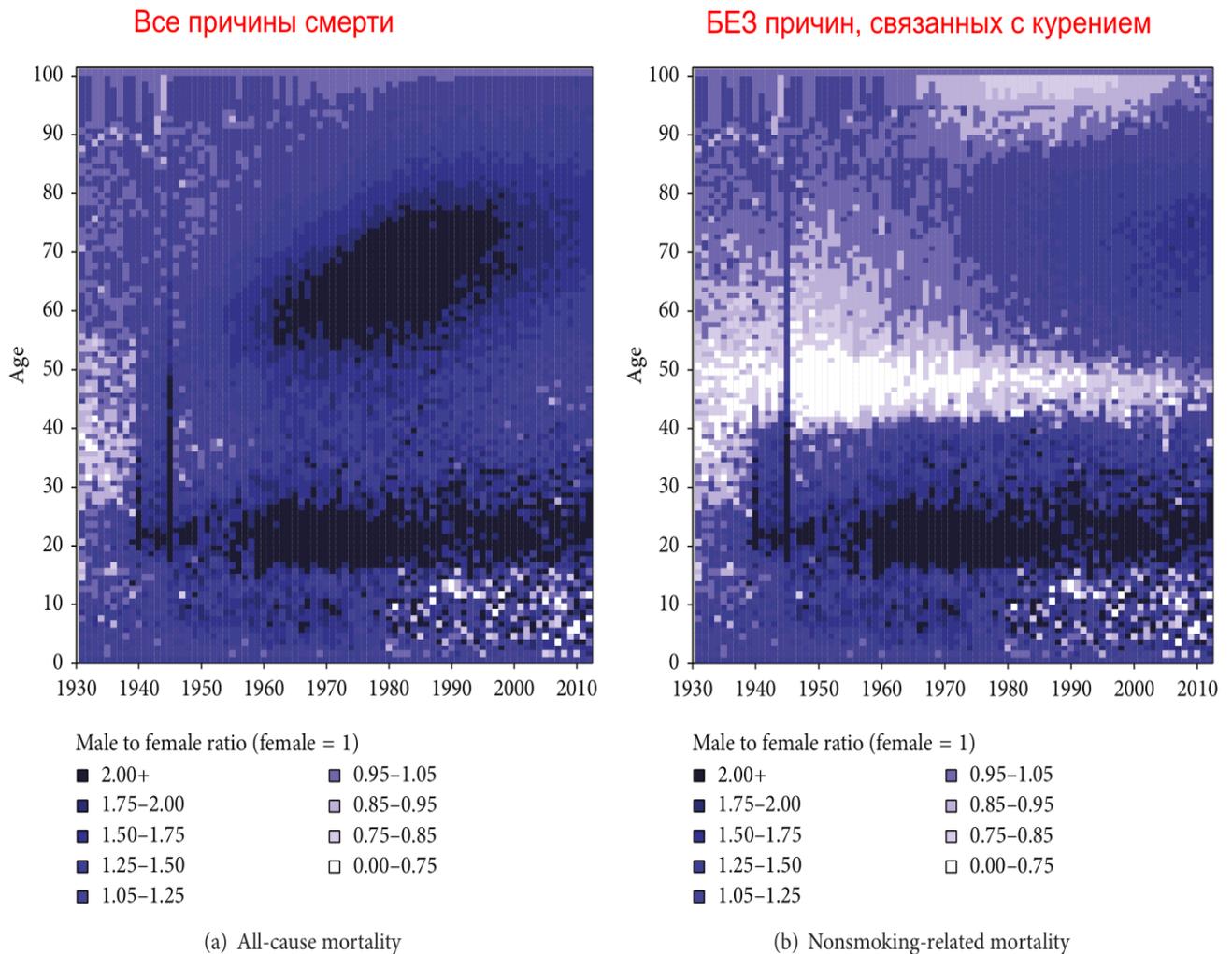

Рисунок 20. Соотношение коэффициентов смертности мужчин и женщин: все причины смерти (левая панель); не связанные с курением причины смерти (правая панель)

Визуализация соотношения коэффициентов смертности мужчин и женщин с учетом связанной с курением смертности и без ее учета показывает, что различия в основном затрагивают зрелые возраста. Кроме того, пик различий в смертности в зрелых возрастах, связанный с курением, пришелся на 1980-е, 1990-е годы (темное пятно на левой панели рисунка 20), т.е. примерно через 30 лет после начала активного сокращения доли курящих мужчин.

Резюмируя, авторы утверждают, что ключевым фактором существенного увеличения разницы в ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин во второй половине XX века в Нидерландах стала эпидемия курения у мужчин.

THE ROLE OF SMOKING ON MORTALITY COMPRESSION: AN ANALYSIS OF FINNISH OCCUPATIONAL SOCIAL CLASSES

[Van Raalte A.A., M. Myrskylä, P. Martikainen (2015). *The role of smoking on mortality compression: an analysis of Finnish occupational social classes, 1971-2010* // *Demographic Research*. 32: 589-620. doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.20]

Роль распространенности курения в сжатии смертности в Финляндии изучали Алисон ван Раатле, Микко Мюрскюла и Пекка Мартикайнен. Используя данные национального регистра за период с 1971 по 2010 г., авторы сфокусировались на различиях между представителями разных социальных классов; принадлежность к социальному классу определили по типу профессии: занятые интеллектуальным и физическим трудом. Авторы отмечают, что Финляндия вполне репрезентативна в качестве типичной западноевропейской страны, пережившей в XX веке эпидемию курения, а исключительное качество данных из регистра населения и сравнительно длинный ряд наблюдений позволяют изучать процесс на микроуровне (т.е. на уровне обобщения индивидуальных данных).

В анализе используется ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 50 лет, поскольку в более ранних возрастах роль связанных с курением причин смерти мала. Сжатие смертности авторы измеряют с помощью анализа вариации в дожитии (lifespan variation): фиксируется, насколько значительно было неравенство в продолжительности жизни людей и как этот параметр менялся в зависимости от распространенности курения и социально-экономического статуса. В качестве измерителя неравенства в продолжительности жизни используется показатель e_{50}^{\dagger} , разработанный Вупелем и Канудас Ромо (2003)². Этот показатель отражает среднюю ожидаемую продолжительность жизни на момент смерти, т.е. показывает, сколько в среднем потеряно лет от преждевременной смертности.

В Финляндии на протяжении всего периода наблюдения фиксировалась значительная разница в смертности от причин, связанных с курением, в зависимости от социально-экономического статуса (рисунок 21). Эти различия более заметны у мужчин в силу большей распространенности у них курения, в особенности в недавнем прошлом.

Авторы ожидали, что большая подверженность курению среди людей низшего социально-экономического класса объяснит наблюдаемый увеличивающийся разрыв в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 50 лет в зависимости от социально-экономического класса. Результаты оказались ровно противоположными для мужчин и нейтральными для женщин. Исключение из рассмотрения всех смертей, связанных с курением, не только не объясняет разницу в ожидаемой продолжительности жизни мужчин разных социально-экономических классов, но и увеличивает ее, вариация в дожитии аналогичным образом увеличивается (рисунок 22).

² Vaupel J.W., V.C. Romo (2003). Decomposing change in life expectancy: A bouquet of formulas in honor of Nathan Keyfitz's 90th birthday // *Demography*. 40(2): 201–216. dx.doi.org/10.1353/dem.2003.0018

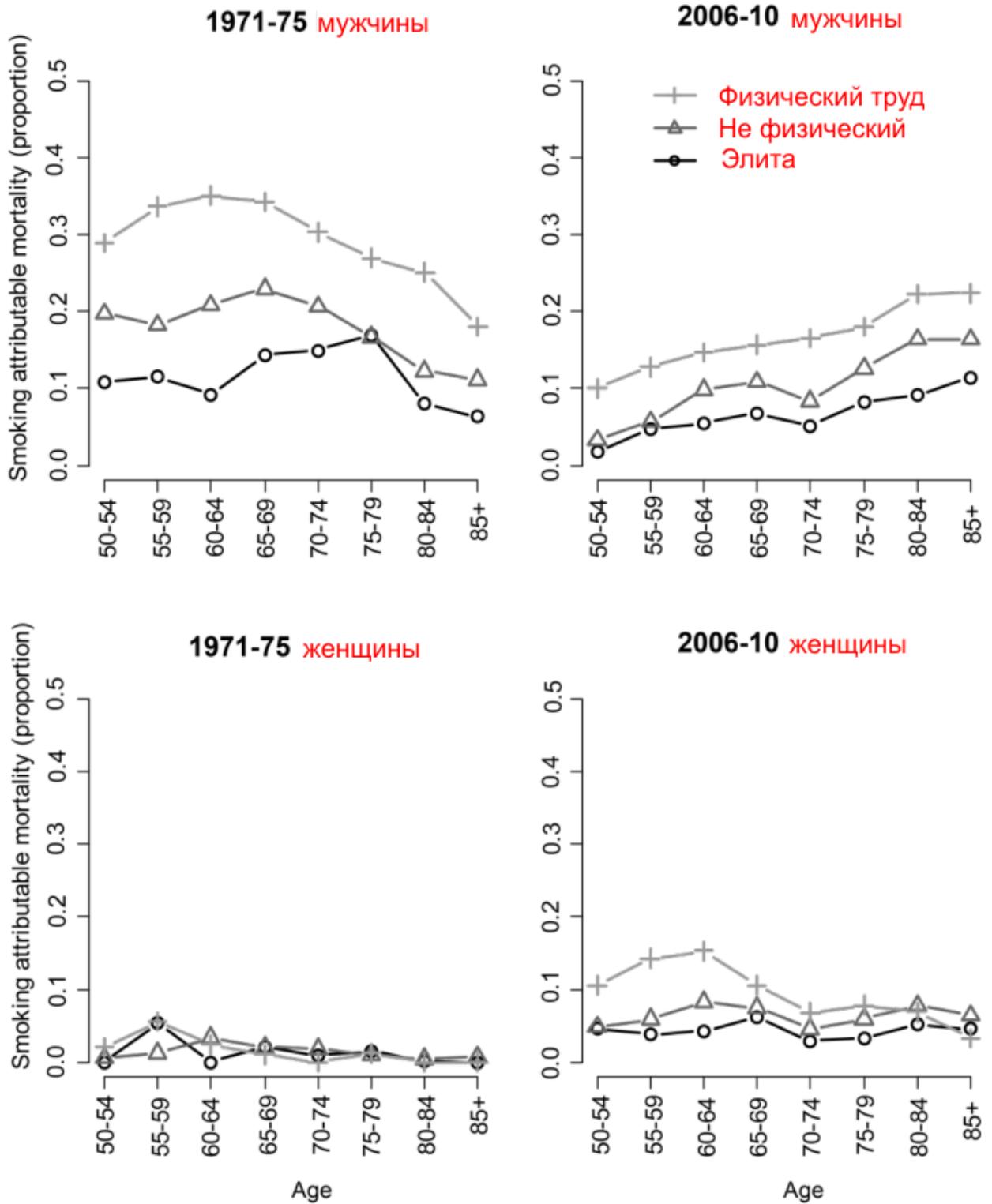

Рисунок 21. Доля смертей от связанных с курением причин в зависимости от социально-экономического класса, определяемого характером работы

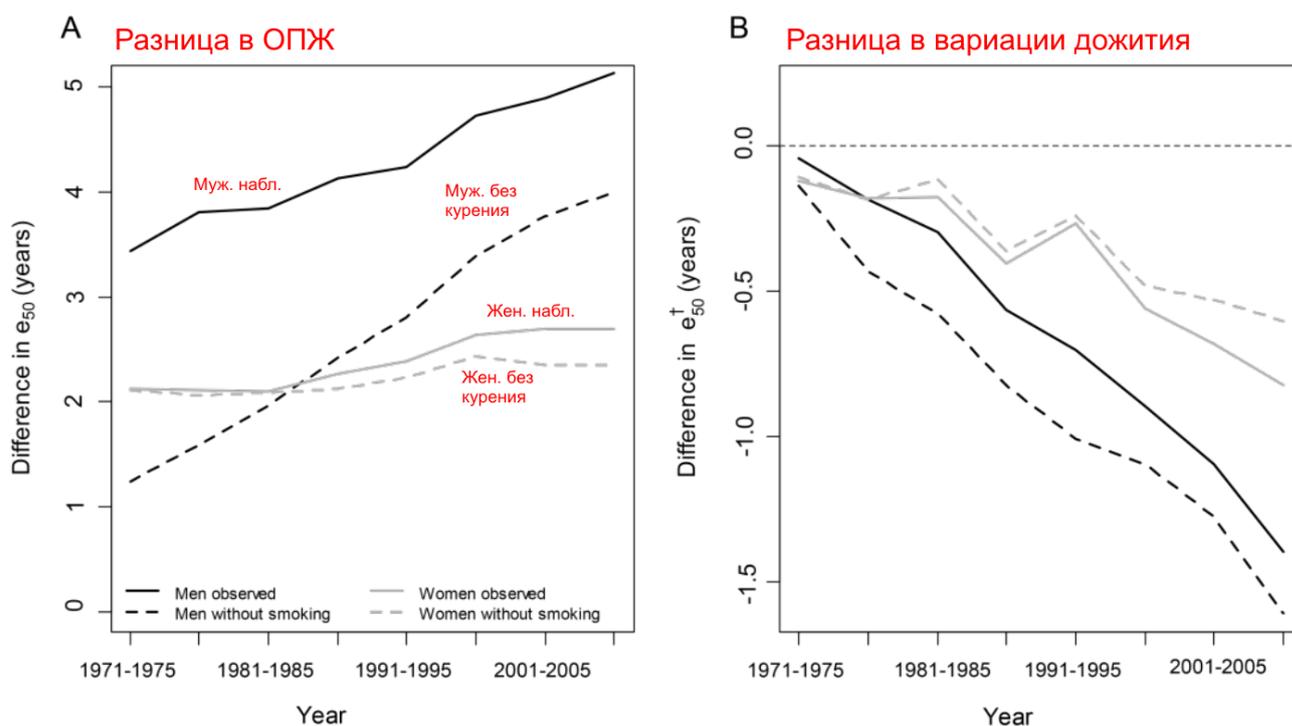

Рисунок 22. Влияние смертности от связанных с курением причин на разницу между высшим и нижним социально-экономическим классами в ожидаемой продолжительности жизни – ОПЖ (А, левая панель) и вариации дожития (В, правая панель)

В заключение исследования авторы с некоторым удивлением отмечают, что, оставаясь существенной причиной смертности в зрелых и преклонных возрастах, курение не в ответе за значительные и увеличивающиеся различия в смертности между представителями разных социально-экономических классов. Дополнительный анализ, опубликованный в других статьях авторов, показывает, что ответ кроется в смертности от внешних причин, которая особенно велика среди представителей простых профессий.

THE CONTRIBUTION OF A HISTORY OF HEAVY SMOKING TO SCOTLAND'S MORTALITY DISADVANTAGE

[Kelly L.A., S.H. Preston (2016). *The contribution of a history of heavy smoking to Scotland's mortality disadvantage* // *Population Studies*. 70(1): 59–71. doi.org/10.1080/00324728.2016.1145727]

Лора Келли и Самюэль Престон с помощью анализа исторически высокой смертности от связанных с курением причин объясняют заметное отставание Шотландии от прочих развитых стран в росте ожидаемой продолжительности жизни (рисунок 23). Среди развитых стран мира Шотландия отличается как широким распространением курения, так и высокими показателями потребления сигарет в расчете на одного взрослого. При этом постоянные и неизбежные сравнения с Англией и Уэльсом заставляют остро чувствовать проблематичность этого феномена.

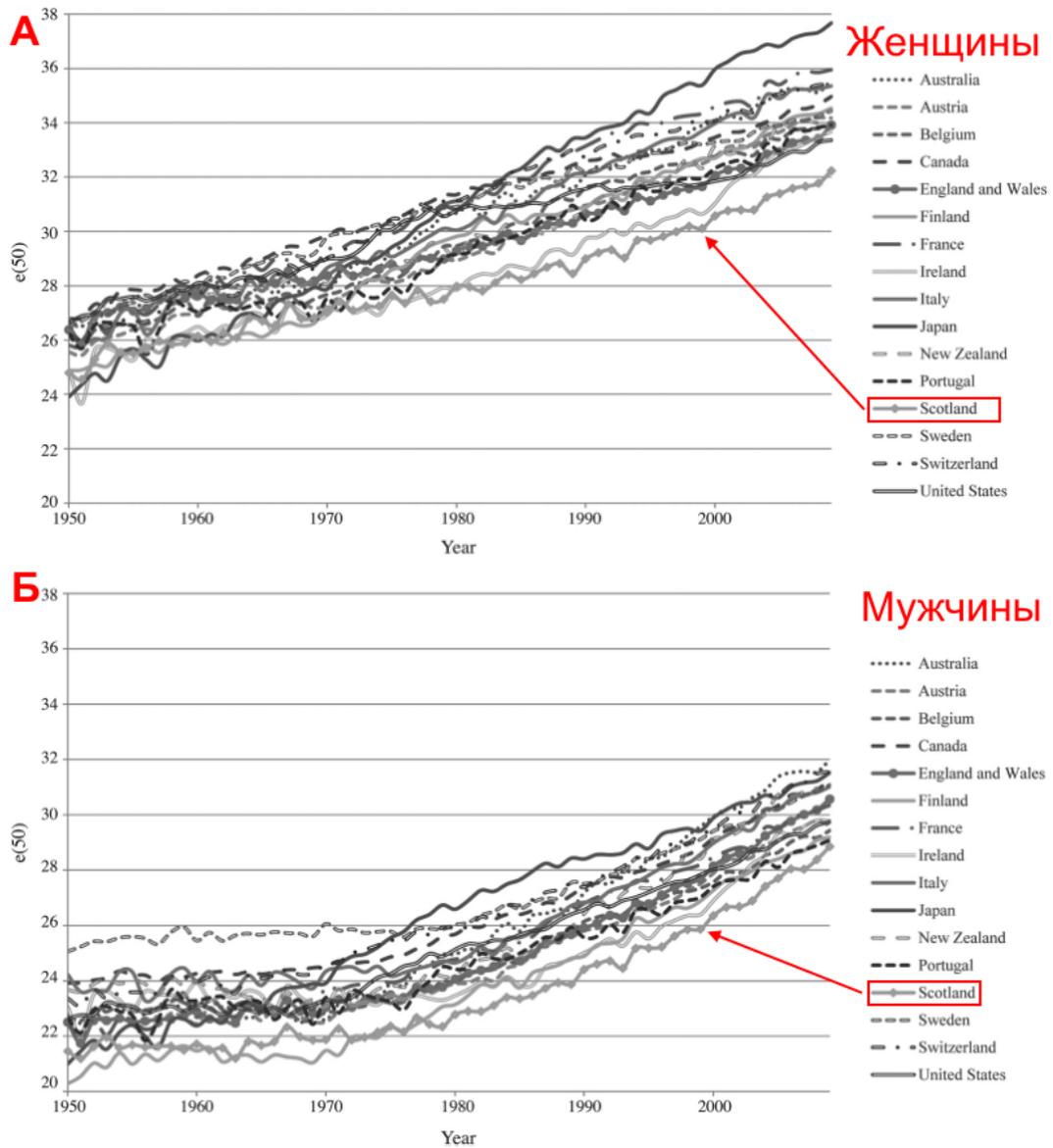

Рисунок 23. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 50 лет в некоторых развитых странах: А – женщины; Б – мужчины

Расчеты исследователей показывают, что, если бы не избыточная смертность от связанных с курением причин, Шотландия на протяжении последнего полувека догоняла бы Англию и Уэльс по показателю ожидаемой продолжительности жизни женщин (рисунок 24А) и как минимум не увеличивала бы негативный отрыв по ожидаемой продолжительности жизни мужчин (рисунок 24Б).

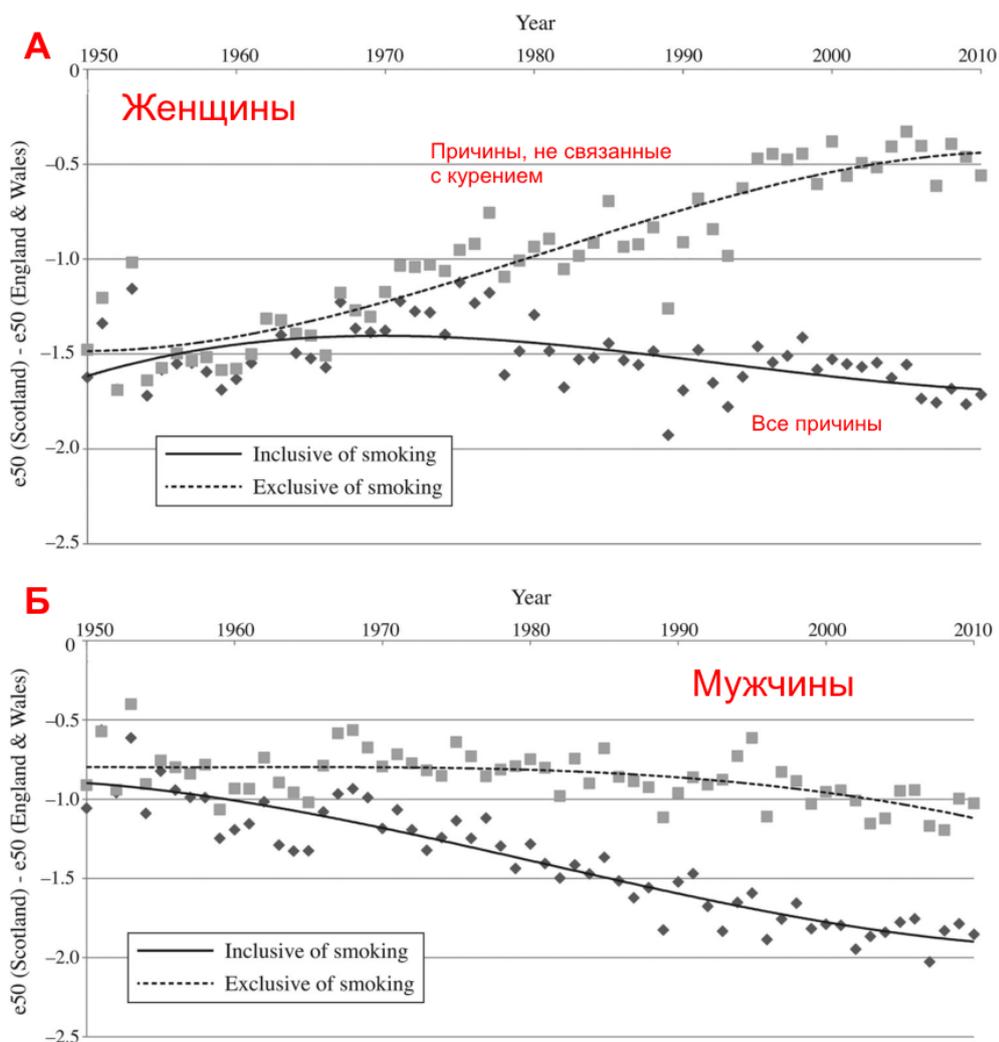

Рисунок 24. Разница в ожидаемой продолжительности жизни между Шотландией и Англией с Уэльсом: А – женщины; Б – мужчины

В обсуждении результатов авторы отмечают, что причины повышенного потребления табачной продукции и в результате смертности от связанных с курением причин в Шотландии не ясны. В законодательстве, регулирующем оборот табачной продукции, нет ничего, радикально отличающего Шотландию от прочих развитых стран. Вероятно, часть загадки кроется в сравнительно низком социально-экономическом уровне населения Шотландии в сравнении с чуть более благополучными южными соседями.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY^{1, 2, *}

- *Liefbroer A.C., A.-R. Poortman, J.A. Seltzer. Why do intimate partners live apart? Evidence on LAT relationships across Europe*
- *Vitali A., F.C. Billari. Changing determinants of low fertility and diffusion: a spatial analysis for Italy*
- *Grigoriev P., E.M. Andreev. The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures?*
- *Scherbov S., D. Ediev. Does selection of mortality model make a difference in projecting population ageing?*
- *Tamborini C.R., C. Kim, A. Sakamoto. Education and lifetime earnings in the United States*
- *Marshall E.A. Population projections and demographic knowledge in France and Great Britain in the postwar period*
- *Matsudaira J.D. Economic conditions and the living arrangements of young adults: 1960 to 2011*
- *Janssen F., V. Rousson, F. Paccaud. The role of smoking in changes in the survival curve: an empirical study in 10 European countries*
- *Janssen F., F. van Poppel. The adoption of smoking and its effect on the mortality gender gap in Netherlands: A historical perspective*
- *Van Raalte A.A., M. Myrskylä, P. Martikainen. The role of smoking on mortality compression: An analysis of Finnish occupational social classes, 1971-2010*
- *Kelly L.A., S.H. Preston. The contribution of a history of heavy smoking to Scotland's mortality disadvantage*

¹ NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA); ² UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

* CORRESPONDENCE: ikashnitsky@hse.ru.